А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р институт языкознания

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

год издания VIII

4

ИЮЛЬ АВРУСТ

РЕДКОЛЛЕГИЯ

О. С. Ахманова, Н. А. Васкаков, Е. А. Бокарев, В. В. Виноградов (главный редактор), В. М. Жирмунский (вам. главного редактора), А. И. Ефимов,

Н. И. Конрад (вам. главного редактора), В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев, Б. А. Серебренников, Н. И. Толстой (н. о. отв. секретаря редакции),

A. C. Turobasa, H. IO. Illeedosa

Адрес редакции: Москва, К-12, ул. Куйбышева, 8. Тел. Б 1-75-42

н. д. андреев, л. Р. зиндер

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Универсальность языка как средства общения определяет специфическое положение лингвистики в кругу общественных наук. Проникновение языка во все сферы практической и научной деятельности человека обусловливает не только большое теоретическое, но и многообразное прикладное значение науки о языке. Необходимость определить круг практических вопросов, стоящих перед языковедением, и привлечь к ним внимание ученых заставляет специально ставить вопрос о прикладной лингвистике.

Многим кажется, что прикладная лингвистика представляет собой какую-то новую и даже в известной мере чужеродную отрасль нашей науки. Такое понимание состава науки о языке является, конечно, прямым заблуждением. Если о прикладном языковедении 1 особенно часто стали говорить именно в последние годы, то это лишь потому, что в наши дни жизнь выдвинула перед лингвистами ряд новых, совершенно особых задач, связанных с развитием техники и народного хозяйства. Многие другие практические вопросы искони рассматривались как бесспорный предмет языковедения. Более того, последнее, подобно другим наукам, зародилось и выросло непосредственио из потребностей жизни, разрешая чисто практические задачи. Правда, к новому времени прикладные вопросы оказались оттесненными на периферию языковедения; сейчас в центре внимания находятся теоретические проблемы, которые привлекают к себе широкие круги ученых, практическим же вопросам научная общественность и особенно лингвисты-теоретики уделяют совершенно недостаточное виимание. В этом отношении языковедение предстает в особенно невыгодном свете при сравнении с другими науками, в которых давно и повсеместно признано, что наилучшим двигателем теории является практика.

Самой древней и в то же время актуальной и поныне практической задачей языковедения является, несомненно, создание и усовершенствование нисьменности. Советские языковеды немало сделали в этой области при разработке алфавитов для бесписьменных языков народов Советского Союза, внеся этим огромный вклад в осуществление культурной революции в нашей стране. В настоящее время аналогичная задача весьма услешно решается китайскими учеными для бесписьменных языков народностей Юго-Западного Китая. С такой же проблемой столкнулись с недавних пор и народы Черной Африки.

Следует отметить, что теория и в этой области сильно отстает от практики. Из работ, посвященных теории письма, можно указать лишь статью Н. Ф. Яковлева о принципах построения алфавита, в которой мы находим одну из первых попыток применения математики к решению лингвистических задач², и, к сожалению, только начатую книгу Л. В. Щербы «Теория

² Н. Яковлев, Математическая формула построения алфавита, сб. «Куль-

тура и письменность Востока», кн. 1, М., 1928.

¹ Понятие прикладного языковедения было введено И. А. Бодуэном де Куртена еще в 1870 г. в его вступительной университетской лекции [она опубликована в ЖМНП (1871, январь) и как отдельная брошюра: И. А. Бодуэн де Куртенэ, Некоторые общие замечания о языковедении и языке, СПб., 1871].

русского письма» ¹. В целом же большая практическая работа, выполненная советскими лингвистами, надлежащим образом не подытожена, и до сих пор не создана общая теория письма, хотя начала ее были заложены еще почти полвека тому назад И. А. Бодуэном де Куртенэ, который ввел в науку очень важное различение графики и орфографии ². Наличие такой теории позволило бы на подлинно научной основе решать большую и очень ответственную задачу создания рациональных орфографий, что, в частности, положило бы конец спорам вокруг орфографических вопросов, время от времени вспыхивающим то в одной, то в другой из наших республик.

Значение рациональной и стабильной орфографии едва ли может быть преувеличено. Круг знаний, необходимых для строителя коммунистического общества, на наших глазах быстро расширяется; политехническое образование требует максимальной экономии при обучении всему тому, что не является связанным с современным производством и необходимым для духовно-эстетического воспитания. Совершенно очевидно, что с этой точки эрения та орфография является наилучшей, которая требует наименьших усилий для ее усвоения и использования. Нерациональная орфография, содержащая массу «правил» и «исключений», не соответствующих современному состоянию языка, инчего не дает учащемуся ни для развития его умственных способностей, ни для его культурного развития. Следует также учитывать и то, что нерациональная орфография сильно осложняет проблему ввода текста в машины, перерабатывающие языковую информацию, и, таким образом, тормозит развитие новой техники.

Боязнь рвать с традицией в вопросах орфографии — какими бы доводами ее ни прикрывали — фактически представляет собой не что иное, как абсолютно неоправданное принесение в жертву интересов всех последующих поколений в угоду привычкам одного старшего поколения. Ссылки на культурные традиции совершенно неубедительны в свете большого опыта неоднократно осуществлявшихся у разных народов реформ орфографии: ни одна из таких реформ не привела к разрушению культурных традиций. Так, упразднение буквы в ни в какой степени не отдалило нас от Пушкина, Гоголя и Толстого.

Второй практической задачей, разрешение которой также сыграло большую роль в становлении языковедения и в его последующем развитии, является преподавание языков. В эпоху античности и в средине века лингвистика не отделялась от преподавания языков, составляя с ним одно целос. Разрыв между ними наметился с начала XIX в. при возникновении исторического языковедения: преимущественный интерес к днахронии обусловил известный отрыв теоретиков от вопросов преподавания языка, которые, естественно, лежат в синхроническом плане.

Поворот в теоретической лингвистике в сторону проблем синхронии, обозначившийся ещевконце XIX в., до сих пор не привел к такому же повороту лингвистов-теоретиков к методике обучения языкам. Правда, отдельные крупные языковеды, в их числе Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, О. Есперсен, М. Бреаль, А. М. Пешковский, обращались к вопросам методики, но это носило эпизодический характер, они не создали скольке-нибудь законченной теории преподавания языков. Больше других указанными вопросами занимался Л. В. Щерба, заложивший основы лингвистической методики преподавания иностранных языков, которая, по его мнению, должна строиться на базе общей теории двуязычия 3. Л. В. Щерба убедительно показал (п в этом состоит его особая заслуга), что методика обучения языкам должна быть в основном не дидактической, а лингвистической дисциплиной, которую следует рассматривать как прикладиую

¹ Л. В. Щерба, Избр. работы по русскому языку, М., 1957.

² И. А. Бодуэп де Куртенэ, Оботношении русского письма к русскому языку, СПб., 1912.

³ Л. В. Щерба, Преподавание иностранных языков в средней школе, М.—Л., 1947.

отрасль общего языковедения. К сожалению, эти идеи пока не получили должного развития ¹.

К сфере прикладной лингвистики, несомненно, относятся также вопросы практической транскрипции и транслитерации, широко применяемой в самых различных областях, в первую очередь в описательной географии и картографии. О важности выработки единой системы транскрипции свидетельствует попытка создания государственного стандарта по транскрибированию, который, несмотря на наличие специального ГОСТа, не получил широкого признания. Это объясняется, очевидно, недостаточной обоснованностью его правил и малым количеством языков, которое он охватывает, что вынуждает отдельные ведомства (Главное управление картографии, Морской атлас и др.) создавать собственные транскрипционные и транслитерационные системы. Результатом этого является разнобой в написании одних и тех же географических названий, вызывающий недоумение у широких кругов людей, пользующихся картами.

Столь же остро, как и в картографии, стоит вопрос о единообразном отражении иностранных имен собственных в библиотечных каталогах, в библиографических изданиях и в научной литературе. Несмотря на то, что попытки решения этой задачи имеют длительную историю, она по существу не разрешена, причем не только за пределами лингвистической науки, но и внутри нее; достаточно сослаться на то, что, например, фамилия известного датского лингвиста транскрибируется то Йесперсен, то Есперсен, что для Сэпира столь же часто написание Сепир, что в фамилии Блумфилда то появляется, то отсутствует мягкий знак, и т. п. К кругу вопросов, связанных с передачей собственных имен, примыкает проблема транскрипции и транслитерации названий книг и статей, изданных на неевропейских языках. Важность этой проблемы с каждым годом возрастает ввиду количественного и качественного роста научной продукции стран Азии п Африки.

Обобщая, мы можем сказать, что правильная постановка дела научной информации, значение которой в наши дни невозможно переоценить, требует наряду с прочим создания единой рациональной системы передачи иноязычных слов средствами русской графики. Работы по транскрипции и транслитерации (особенно в области картографии) ведутся у нас довольно широко, но участие в них языковедов, и тем более языковедов-теоретиков, является лишь эпизодическим, а вместе с тем только наличие хорошо обоснованной общей теории может привести эти работы к окончательным результатам.

Далеко не достаточным является участие языковедов и в другой отрасли прикладной лингвистики — в области формирования и стандартизации научной терминологии. С конца XIX в. развитие терминологии идет по двум направлениям: путем спонтанного терминотворчества отдельных исследователей, сталкивающихся с новыми понятиями и объектами, и путем совместных усилий коллективов ученых, направленных к отбору и упорядочению старой и вновь возникающей терминологии. Классическим примером последнего служит проделанная химиками работа по систематизации терминов, а главное — по систематизации словообразовательных средств для создания новых терминов в области органической химии. Только это и позволяет химикам разобраться в столь сложно построенных и необозримо многочисленных (несколько сот тысяч) названиях высокомолекулярных и другах органических соединений.

Роль языковеда в формировании терминологии указанными двумя путями различна: в первом случае она сводится к корректировке терминов,

¹ В самое последнее время эта мысль Л. В. Щербы неожиданно подтвердилась при разработке алгоритмов для машинного перевода: выяснилось, что морфологические и синтаксические части этих алгоритмов (составленных, разумеется, на чисто лингвистических основаниях, без учета дидактики) с большим успехом используются в преподавании языков.

созданных специалистами; во втором случае языковеды должны быть активными участниками разработки и упорядочения терминологических систем. Наконец, у лингвистов имеется и самостоятельная задача в этой области, заключающаяся в создании общих принципов построения терминов и терминологических систем и на их основе — координации терминологии различных наук. Бурный рост науки и техники может сделать эту задачу одной из центральных проблем прикладного языковедения.

Представляется чрезвычайно существенным координировать терминологию не только между разными науками в пределах одного языка, но и в рамках одной науки для разных языков. Необходимость этого давно осознана, и в частных случаях уже имеется практическое решение. Так, в 30-х годах нашего века специальной международной комиссией проведена стандартизация электротехнической терминологии в ряде европейских языков (ценность этой работы была значительно снижена отсутствием языков восточных).

Со всеми этими вопросами в теснейшей связи находится проблема перевода научной, технической и документальной прозы. Данные ЮНЕСКО свидетельствуют о том, что общее количество переводов на земном шаре ежегодио возрастает на 15—20%. Растет количество научно-технических публикаций на каждом языке; все новые и новые языки выступают в качестве средства выражения научно-технической мысли; во все большем количестве стран растет потребность в переводе специальной литературы.

Практика научно-технического перевода является одной из наиболее обширных сфер приложения языковедения, хотя до сих пор она, как правило, не рассматривалась в качестве таковой. Последнее, может быть, объясняется тем, что обычно не проводилось достаточно четкого различия между переводом художественной литературы и переводом специальных текстов. Общие работы по переводу в основном относились к первому из них. Вместе с тем очевидно, что теория художественного перевода, являющегося видом художественного творчества, лежит, в основном, за пределами лингвистики и тяготеет к эстетике, тогда как теория научно-технического перевода должиа основываться па чисто лингвистических законах и быть частью прикладного языковедения.

Практика и в данном случае опередила теорию. Существуют практические пособия по переводу специальных текстов для некоторых пар языков, но нет общей теории такого перевода. Современное состояние языковедения показывает, что она должна строиться, с одной стороны, как приложение теории типологических соответствий между языковыми структурами и, с другой, как приложение теории преобразования этих структур. Необходимость именно такого подхода к построению теории перевода стала вполне явственной за последние годы, в связи с быстрым развитием машинного перевода.

К числу давно определившихся областей прикладной лингвистики, наряду с уже перечисленными, принадлежат также вопросы скорописи и круг проблем, связанных с орфоэпией и логопедией. Создатели стенографических систем эмпирически использовали существующую в языке избыточность, которая определяется его грамматической и статистической структурой ¹. В настоящее время теория информации позволяет сознательно использовать это свойство языка для построения стенографических систем, в которых мера избыточности была бы максимально понижена для того, чтобы осуществить высокую скорость записи, но лишь до такой степени, при которой будет обеспечена достаточная надежность передачи информации.

¹ Понятие избыточности, введенное теорией информации, может быть определено как мера превышения фактически передаваемого количества информации над необходимым минимумом этого количества. Простейшим примером избыточности может служить русское словосочетание между новыми большими красивыми домами, где окончание твор. падежа мн. числа имеется не только у существительного, но, кроме того, трижды повторено в прилагательных.

Проблема надежности устной передачи информации приводит нас к лингвистическому аспекту логопедии. Этот аспект в значительной степени связан с проблемой восприятия речи. Хотя двусторонность акта речи давно отмечалась в лингвистике, сторона восприятия по существу не была предметом исследования у языковедов. Для правильности восприятия речи языковые коды, которыми пользуются говорящий и слушающий, полжны быть тождественны. Это условие нарушается при наличии дефектов речи. В результате такого нарушения слушающему приходится восстанавливать деформированные фонемы за счет избыточности языка, что затрудняет использование этой избыточности при возникновении каких-либо других помех в каналах связи. Следовательно, преодоление дефектов речи должно рассматриваться как часть общей системы обеспечения надежности восприятия сообщений. Не углубляясь в технику исправления речевых недостатков (что представляет собой область самой логопедии), языковед должен характеризовать для логопеда фонологическую систему языка как в ее дистрибутивной схеме, так и с точки зрения удельного веса ее элементов в процессе передачи информации.

С вопросом о надежности восприятия речи тесно связана и столь трудно разрешимая проблема орфоэнии. Расхождение между произносительными вариантами говорящего и слушающего вызывает необходимость в корректировке воспринимаемого сообщения, которая хотя и не осознается слушающим, но фактически непрерывно осуществляется им, затрудняя, таким образом, нормальное восприятие речи и тем самым опять-таки понижая помехоустойчивость — на этот раз на принимающем конце канала связи. ${
m B}$ первую очередь именно данное обстоятельство (а не эстетические соображения) делает необходимым создание твердых орфоэпических норм. В наши дни необходимость таких норм возрастает в связи с перспективой развертывания работ по речевому управлению машинами (о чем будет сказано ниже). Ввиду этого орфоэпические нормы не могут строиться в соответствии с субъективными вкусами орфоэпистов, а должны основываться на принципах, диктуемых значением и старых и новых функций устной речи. Приложение этих принципов будет иметь своим результатом максимальную простоту и легкость усвоения устной речевой нормы для большинства посителей языка, а также и наибольшую надежность восприятия этой нормы в управляющих устройствах, перерабатывающих языковую информацию в ее устной форме.

×

Проблематика, рассмотренная выше, сформировалась давно, и нет оснований отрицать, что она продолжает оставаться важной составной частью прикладного языковедения. Развитие науки и техники увеличило роль этой проблематики, придало ей в некоторых случаях новую направленность, и, наряду с этим, породило целый ряд новых, весьма специфических проблем.

В ряду новых проблем прикладного языковедения чрезвычайно актуальное практическое значение приобрели проблемы, решение которых имеет целью совершенствование старых и разработку новых средств связи. Первой в этом аспекте задачей, возникшей ранее других благодаря широкому распространению радио и телефонии, является задача испытания и оценки качества трактов связи. Оценка качества тракта должна определяться прежде всего тем, насколько хорошо понимают друг друга лица, пользующиеся связью, т. е. должна основываться на учете правильности приема переданного сообщения, а не на чисто технических данных. Поэтому в телефонии издавна пользуются так называемым методом «артикуляции», сводящимся к учету процента правильно воспринятых языковых элементов (процента артикуляции). Совершенно очевидно, что разработка испытательных тестов (так называемых артикуляционных таблиц), построенных на языковом материале, требует непременного участия языковедов.

Пользуясь методом артикуляции, следует иметь в виду, что степень правильности приема переданного сообщения зависит от двух факторов: 1) от того, насколько точно тракт передает звуковую сторону речи, и 2) от возможности восполнить искаженные части сообщения за счет догадки. Последняя же обусловлена избыточностью языка, сказывающейся в наибольшей степени при передаче осмысленных текстов. Из опыта известно, что даже при наличии больших помех речь остается понятной несмотря на то, что значительная часть переданного доходит до слушателя в искаженном виде.

Таким образом, измерять качество аппаратуры на основе понятности связной речи не представляется возможным. Возникает потребность в свободном от избыточности материале, который позволяет учесть способность испытываемого тракта передавать собственно звуковую сторону речи, т. е. определять разборчивость. Подбор дифференцированного языкового материала (слогов, слов, фраз) для определения зависимости между разборчивостью и понятностью, а также для их измерения представляет собой чисто лингвистическую задачу и притом отнюдь не только фонетическую, так как понятность связана с более высокими ярусами языка.

Работа языковедов в области техники связи не исчернывается составлением испытательных таблиц. Дело в том, что современная техника связи позволяет рассчитывать характеристики аппаратуры и каналов уже в процессе проектирования и, таким образом, заранее определять степень их пригодности для тех или иных целей. Подобные расчеты основываются не только на данных, полученных при помощи артикуляционных таблиц, но и на ряде других физических и лингвистических характеристик, так называемых постоянных речи. К числу их относятся: во-первых, отношение количества осмысленных комбинаций с фиксированным числом звуков из общего состава звуков исследуемого языка к количеству всех возможных в этом языке комбинаций с таким же числом звуков; во-вторых, относительное число слов заданной длины в множестве всех слов текста; в-третьих, вероятность отрезка речи с заданным количеством слов между паузами; в-четвертых, отношение количества осмысленных комбинаций заданной длины из словоформ исследуемого языка к количеству всех возможных комбинаций такой длины из этих словоформ и т. н.

Связь этах постоянных речи с разными ярусами языковой структуры яспа уже из их определения. Менее очевидна скрытая под фонетической оболочкой связь между различными ярусами языка и акустическими параметрами речи (спектральными, динамическими, временными). Однако такая связь существует, и этим обусловливается абсолютная необходимость привлечения лингвистов к решению многих, на первый взгляд чисто акустических задач, причем следует иметь в виду, что находимые решения и экспериментальные данные могут быть использованы не только в технике связи 1, но и в других новых отраслях техники.

Повышение экономичности разнообразных коммуникационных систем достигается, наряду с иными путями, и таким эффективным способом, как компрессия речи. Важность успешного решения этой задачи явствует из того, что по теоретическим расчетам на основе компрессии речи можно будст, например, увеличить пропускную способность телефонных линий в несколько сот раз. Сущность компрессии речи состоит в преобразовании некоторых из ее характеристик в другие, что позволяет сузить их общий дианазон и благодаря этому значительно экономнее использовать коммуникационные системы. Возможность таких преобразований обосновывается и ограничивается комбинаторными и статистическими закономерностями языка (примерами первых является обязательность сочетания звонкого шумного со звонким и глухого с глухим в русском языке или недопустимость сочетания предлога с глаголом; примерами вторых — большая ве-

¹ См. статьи в «Трудах [Воен. краснознамен. академии связи им. С. М. Буденного]» (Л., 1951 — сб. 29—30; 1952 — сб. 33; 1954 — сб. 40).

роятность сочетания шт по сравнению с сочетанием т или меньшая вероятность появления слова кислота в астрономических текстах, чем слова орбита). Указанные закономерности, называемые сейчас лингвистическими вероятностями, лежат в основе избыточности языка. Задача языковедов состоит в том, чтобы изучить их и определить, какие из них наилучшим образом могут быть использованы при компрессии речи.

Наряду с компрессией речи осуществляется и компрессия представления речи. Это является особой технической задачей, давно стоящей в телеграфии и приобретшей большую остроту в связи с возникновением различных устройств по преобразованию и переработке языковой информации (машинный перевод, информационные машины) и принципиально отличающейся от задачи компрессии самой речи, поскольку любые кодовые представления речи эквивалентны, но не тождественны ее звуковой форме. Компрессия представления речи, или, как ее лучше назвать, кодовая компрессия (сжатие или свертывание кода), сводится к отысканию оптимального способа кодирования, т. е. наиболее экономичного кода и наивыгоднейшего его использования. Решение этой задачи требует от лингвистов исследования того, какие из возможных комбинаций элементов языка уже использованы в нем и какие еще свободны. Совокупность кратчайших из свободных комбинаций является базой для кодовой компрессии на разных ярусах языка: возможна компрессия слога и морфемы за счет неиспользуемых сочетаний фонем (и букв), сжатие слова путем использования свободных комбинаций морфем и т. д. Широко известен пример издавна употребительной в телеграфии кодовой компрессии слов точка — запятая, заменяемых не используемыми в русском языке комбинациями согласных тик и зпт. В настоящее время разрабатываются системы подобного лексического кодирования, которые позволят сократить объем телеграфного сообщения в 3-4 раза.

Все более развивающаяся автоматизация производственных процессов и транспорта ставит оператора или диспетчера перед большим количеством разнообразных сигналов, подаваемых на панель управления. Дифференцированное восприятие всех зрительных и слуховых сигналов становится чрезвычайно затруднительным для человека, что мешает необходимой быстроте его реакции на эти сигналы. Совокупность подаваемых человеку сигналов представляет собой некоторый код, который ему приходится переводить в систему понятий посредством привычного языка слов. Ввиду этого в технике поставлена задача устранить промежуточный код и подавать информацию оператору непосредственно в речевой форме, т. е. осуществлять сигнализацию речью. Очевидно, что речевые сигналы должны при этом подаваться в максимально стандартизованном и кратком, но вместе с тем в минимально деформируемом виде. Это ставит перед языковедами сложнейшую задачу отбора из всего арсенала языковых средств определенного количества синтаксических и морфологических стандартов, которые будут обладать максимальной семантической емкостью и в то же время высокой фонетической помехоустойчивостью. Совершенно такая же задача стоит и при обеспечении эффективности переговоров в особо трудных условиях — как при прямом общении, так и по линиям связи.

В самое последнее время к перечисленным выше практическим заданиям добавились новые проблемы, для разрешения которых ведется питенсивная научная и инженерная работа во многих странах. Сюда относятся принципиальное обоснование и конструирование устройств для ввода языковой информации в машины (электрослушающие и электрочитающие устройства), для вывода из машин информации в языковой форме и для переработки речевой информации внутри электронных счетно-решающих машин. Указанные устройства являются важными элементами переводных и информационных машин, быстродействующих печатных аппаратов и всевозможных машин, управляемых речью. Все они найдут применение в разнообразных областях экономики и техники.

Для всех очевидно в настоящее время громадное значение учета для планирования и организации производства, причем не только на отдельных предприятиях и группах предприятий, но и в масштабах социалистического хозяйства в целом. Объем производства и сложность его структуры уже достигли в нашей стране такого уровня, при котором возникает потребность в обработке больших количеств информации, в силу чего автоматизация учета становится абсолютно необходимой. Задача такой автоматизации поставлена у нас в повестку дня директивами XXI съезда партии по семилетнему плану.

Существующие теперь машины и устройства по механизации учета требуют ввода информации в закодированном на перфокартах виде. Статистические данные, поступающие на счетную станцию, вручную (при помощи клавиатуры машинописного типа) вводятся в перфоратор, где они кодируются и набиваются на перфокарты. Такой ручной ввод информации резко снижает возможности автоматического учета, так как медленность ручного ввода находится в остром противоречии с быстротой обработки информации внутри современных кибернетических машин. Естественным образом возникает задача построения электрочитающих устройств (ЭЧУ), способных воспринимать письменный текст и автоматически его кодировать, т. е. читать на человеческом языке и переводить с него на машинный.

Задача эта является не чисто технической, поскольку в ней содержится принципиально важный лингвистический аспект, заключащийся в том, что машина должна одинаково воспринимать всевозможные варианты однозначных букв (например, А и а, Е и е, или шрифтовые вариации типа Т и т и т. п.). При чтении текстов на языках, пользующихся арабским алфавитом, машина должна решать эту задачу в несколько усложненном виде, так как здесь начальная, срединная и конечная разновидности графемы в большинстве случаев сильно отличаются друг от друга. В корейской, индийских и юговосточноазиатских письменностях (деванагари и ее дериватах) машине необходимо при чтении разлагать слоговой знак на консонатную и вокалистическую части. Таким образом, и программа работы и конструкция электрочитающих устройств должны создаваться с учетом лингвистической проблемы противопоставления буквы и графемы в бодуэновском понимании этих терминов.

Сходны с ЭЧУ по своим общим принципам и вместе с тем глубоко отличны по своей реализации электрослушающие устройства (ЭСУ), т. е. устройства для автоматического различения звуков речи. ЭСУ найдут себе применение в разных областях техники, связанных с устной речью; они необходимы для проведения некоторых важных усовершенствований линий связи, для конструирования стенографирующих машин и машянок. печатающих с голоса, для решения вопросов устного управления механизмами, для осуществления устного ввода в информационные и переводческие машины и др.

В области автоматического различения звуков речи работа ведется с большой интенсивностью и за рубежом и в Советском Союзе. Тем не менее эта проблема весьма еще далека от своего разрешения, что объясняется в первую очередь исключительной сложностью ее лингвистического аспекта. Проблема эта не может быть решена до тех пор, пока не будет выяснен характер восприятия речи человеком, роль отдельных элементов и ярусов языка в этом восприятии, а также роль связей между элементами и между ярусами. Задача по существу заключается в том, чтобы «научить» машину в потоке речи, слагающемся в конечном счете из множества вариантов фонем, распознавать сами фонемы и сочетания фонем, а затем и членить последовательность фонем на морфемы и слова. Уже само объединение всего многообразия акустически нетождественных оттенков в языковую единицу — фонему — представляет собой чрезвычайно трудную задачу, которая может быть решена только длительными соединенными усилиями техников, физиологов, психологов и лингвистов. Необходимость такой

кооперации стала в наши дни совершенно очевидной и общепризнанной; достаточно сослаться на работы Р. Якобсона, М. Халле и Г. Фанта, а также на некоторые доклады, прочитанные на VIII Международном конгрессе языковедов, и на недавние советские публикации по этому вопросу¹.

Работы по электрослушающим устройствам трудно отделить от работ по синтезу устной речи, хотявторые связаны не с вводом, а с выводом информации в устной форме. Выдача информации машиной именно в этом виде практически важна в тех случаях, когда необходима быстрая реакция на нее со стороны человека. Это имеет место прежде всего в связи при сигнализации речью и в некоторых других случаях. Машинный перевод с голоса тоже потребует, наряду с использованием ЭСУ, вывода переведенного текста в устной форме.

Синтез речи имеет немаловажное значение и в исследовании взаимоотношения между ее артикуляторной и акустической сторонами. Экспериментальные данные показывают, что проблематика синтеза речи не сводится, однако, к фонетическому аспекту языка. Осуществление синтеза может быть значительно облегчено использованием избыточности, имеющейся в более высоких ярусах языка (например, морфема, неполностью реализованная в фонетическом смысле, все же опознается в соседстве с другими морфемами в определенных сиптаксических условиях). В свою очередь работы по синтезу помогут выяснению того, как эта избыточность распределяется по ярусам языка.

При выводе информации через быстродействующие печатные аппараты, основанные не на механическом, а на магнитном или оптическом воспроизведении текста, возможно, встанет вопрос о частичной или полной замене побуквенного представления текста поморфемным (пословным и т. д.), что потребует опять-таки кооперации техников и языковедов.

×

Нампого более сложными процессами, чем ввод информации в машину и вывод из нее, являются преобразование и переработка речевой пнформации внутри электронных счетнорешающих устройств, куда относятся, во-первых, обработка сведений внутри информационных и справочных машин, во-вторых, машинный перевод.

Народнохозяйственное значение информационных и справочных машин исключительно велико. Планирующим экономическим органам разных ступеней, и особенно центральным, приходится иметь дело с непрерывно возрастающими потоками информации, систематизация и анализ которых оказываются затруднительными уже в силу их объема и разнообразия. Это мешает как быстроте, так и качеству решения экономических задач, возникающих при управлении и планировании народного хозяйства. Огромные количества информации накопились и продолжают в быстром темпе накапливаться во всех областях науки и техники. Из-за невозможности индивидуального охвата всей массы необходимых сведений потребовалось организовать специальную информационную службу для собирания и распространения информации; у нас эта служба существует не только в виде централизованных учреждений (ВИНИТИ), но и в виде многочисленных бюро научно-технической информации, имеющихся почти на каждом заводе.

Современные быстродействующие кибернетические машины в принципе могут взять на себя выполнение значительной части этой работы по систематизации, анализу, суммированию и хранению экономической и научнотехнической информации. Такая работа может выполняться ныне существующими универсальными электронными машинами, однако более целе-

¹ См. ВЯ, 1957: № 6, стр. 119—122 и № 5, стр. 111—116.

сообразно использовать для этой цели информационные машины с большой внешней намятью и развитой схемой логического управления ¹.

Организация информационной службы затруднена не только большим объемом поступающих сведений, но и тем, что они представлены в многоязычном виде. Отсюда вытекает необходимость автоматизации перевода
научно-технических текстов с одного языка на другой. Выгодность машинного перевода возрастает в силу того, что в машину может быть одновременно заложена специальная терминология многих отраслей науки и
техники. Такая переводческая машина благодаря этому станет универсальным переводчиком. Ее универсальность будет заключаться, во-первых,
в способности переводить с многих языков на многие языки (для которых
составлены алгоритмы перевода), во-вторых, в способности переводить
разнообразные научно-технические тексты. Быстродействие универсальной
переводческой машины не зависит, впрочем, ни от количества языков,
с которыми она будет работать, ни от охвата тематики; расширение поля ее
действия скажется лишь на ее габаритах и соответственно на стоимости.

До сих пор лингвистический аспект тех или иных технических приложений языковедения был связан преимущественно — хотя и не исключительно — со звуковой стороной речи. Для машинного перевода устной речи и устного ввода в информационные машины эта сторона сохраняет известное значение, однако она, несомненно, отступает на задний план по сравнению с другими ярусами языка. Для машинного перевода письменных текстов и автоматического поиска и переработки информации звуковой аспект совершенно несуществен; напротив, значение морфологического и синтаксического ярусов языка становится чрезвычайно большим, а на уровне поиска и переработки информации к ним прибавляется еще и чрезвычайно важный семантический аспект языка. Таким образом, работа машин этого типа приводит языковедов к необходимости — как и в случае методики преподавания — использовать одновременно всю массу наколленных знаний о структуре языка в целом.

В отличие от других областей кооперации техников с лингвистами, при решении вопросов автоматического преобразования и переработки речевой информации роль языковедов становится главенствующей. Здесь не случайно противоноставляется преобразование информация ее переработке. Записывая русскую речь буквами алфавита или переписывая буквенный текст при помощи азбуки Морзе либо при помощи двоичного кода в электронной машине, мы оставляем неизменной структуру сообщений; процесс сводится к и реобразованию кода. Переводя текст с одного языка на другой или варьируя стилистическую окраску текста в пределах одного языка, мы оставляем инвариантным содержание сообщения, по изменяем его структуру. Такой процесс представляет собой и реобразование с ообщения?

Конспектирование и реферирование текста человеком, анализ и суммирование информации в машине происходят с изменением — иногда весьма существенным — самого содержания сообщений. При этом чаще всего имеет место сокращение объема информации; при реферировании и суммировании может также изменяться порядок изложения информации. Процесс этого рода, в отличие от двух предыдущих, уместно назвать переработкой сообщения не требует того, чтобы машина производила семантический анализ текста, тогда как при переработко сообщения последний совершенно обязателен. В этом состоит главное

 $^{^1}$ См.: А. А. Ляпунов, О некоторых общих вопросах кибернетики, сб. «Проблемы кибернетики», т. I, М., 1958 и И. А. Полетаев, Сигнал (О некоторых понятиях кибернетики), М., 1958 стр. 5-22.

² См. Вяч. В. Иванов, Преобразование сообщений и преобразование кодов. «Тезисы конференции по машинному переводу (15—21 мая 1958 г.)», М., 1958, стр. 15—16.

отличие лингвистической задачи машинного перевода от лингвистической проблематики информационных машин.

Первые оныты машинного перевода 1 были осуществлены в рамках так называемой бинарной методики, состоящей в том, что сразу же устанавливается связь между входным языком (т. е. языком, с которого переводят) и выходным языком (на который переводят). Невыгодность бинарной методики, вынуждающей строить отдельный алгоритм 2 перевода для каждой пары языков (при N языках N^2-N алгоритмов), усугубляется тем, что в различных областях науки специализация лексики и фразеологии сочетается со специфическим для этих наук использованием морфологии и синтаксиса общенародного языка. Поэтому каждый такой алгоритм ориентируется не только на входной и выходной языки, но и на ту область науки или техники, к которой относятся переводимые тексты 3 . Это приводит к еще большему возрастанию числа алгоритмов.

Дальнейшее развитие машинного перевода показало, что число алгоритмов может быть резко сокращено применением методов независимого анализа ⁴ и независимого синтеза (тогда получаем для N языков 2N алгоритмов). Сущность независимого анализа состоит в установлении грамматической структуры текста п ее лексического наполнения безотносительно к возможному переводу на другой язык. Независимый анализ входного языка при машинном переводе представляет собой автоматическую обработку текста, которая ведется без ориентировки на какойлибо выходной язык. В результате независимого анализа входной текст преобразуется в его машинное представление, которое имеет форму, уже не зависящую от исходной. Иными словами — при этом происходит перевод с входного языка на машинный, который удобно называть языкомпосредником.

Независимый синтез, напротив, представляет собой переход от машинного представления текста к заданному выходному языку; этот переход производится всегда одинаково, т. е. безотносительно к тому, с какого языка получено машинное представление переводимого текста. Здесь мы имеем перевод с единого языка-посредника на выходной язык. Таким образом, для каждого конкретного языка оказывается достаточным построить только два алгоритма; алгоритм анализа с переводом на языкпосредник и алгоритм синтеза с языка-посредника на данный конкретный язык.

Выдвигались предложения использовать в качестве языка-посредника один из живых языков (в более или менее стандартизованном виде) ⁵. Такие предложения не представляются целесообразными ввиду того, что условия передачи сообщений от человека к человеку и внутри машины совершенно различны. Различие состоит, во-первых, в том, что помехи при общении людей намного сильнее, чем при внутримашинном преобразовании информации, а это позволяет требовать от языка-посредника значительно меньшей избыточности, чем та, какой обладают конкретные языки (при этом следует иметь в виду, что избыточность последних обусловлена не только необходимостью обеспечить надежность коммуника-

¹ См.: В. П. Веркови Б. А. Ершов, О попытках машинного перевода, ВЯ, 1955, № 6; В. Ю. Розенцвей г, Работы по машинному переводу с иностранных языков на русский и с русского на иностраные в Советском Союзе, М., 1958.

² Алгоритмом вообще называется совокупность правил для решения какой-либо массовой задачи; алгоритмом перевода называется, соответственно, совокупность правил, по которым осуществляется перевод текстов с входного языка на выходной.

³ Мы не касаемся здесь спорного вопроса о машинном переводе художественных текстов по двум причинам: во-первых, неясно, возможен ли вообще такой перевод, во-вторых, даже если он окажется осуществимым, в настоящее время потребность в нем не может быть названа острой.

⁴ Подробнее см. в сб. «Материалы по машинному переводу», І, Л., 1958, стр. 46 далее.

⁵ См. сб. «Машинный перевод», М., 1958 (перевод с английского).

ции, но и всей их предшествующей историей). Второе различие состоит в том, что даже небольшое возрастание избыточности машинного языка существенно усложняет работу машины: например, введение грамматического рода в язык-посредник потребовало бы включения дополнительных разделов в алгоритмы перевода на него и с него, тогда как для человека, говорящего на языке с грамматическими родами, они не представляют какой-либо трудности.

Чтобы язык-посредник наилучшим образом соответствовал своей функции обслуживания научно-технического перевода, его структура должна быть по возможности приближена к структуре логического языка. Вместе с тем их полное отождествление привело бы к необыкновенной громоздкости алгоритмов преобразования на язык-посредник и с него. Неизбежное соприкосновение языка-посредника с конкретными языками предъявляет к нему требование известной структурной близости к живым языкам. Таким образом, возникает задача большой теоретической важности, решение которой зависит исключительно от языковедов: должен быть найден оптимальный синтез двух противоречащих друг другу характеристик языка-посредника 1.

Развернувшаяся за последнее время деятельность советских ученых по созданию языка-посредника показывает, что возможны различные пути решения этой задачи. Одни исследователи конструируют языкпосредник как сетку соответствий между элементами всего множества языков, вкиючаемых в переводческие отношения; другие строят его как реальный машинный язык с собственным словарем и грамматикой. И этот общий вопрос и многие частные вопросы построения языка-посредника едва ли могут быть решены чисто теоретическим путем; последнее слово во всем этом, несомненно, принадлежит эксперименту. В данном случае языковедение, всегда занимавшееся изучением языков, вплотную подошло к проблеме конструирования языков и к опытной проверке создаваемых структур. Таким образом, решение прикладной лингвистической задачи, может быть, вызовет к жизни совершенно новую отрасль теоретического языковедения — экспериментальную типологию языков.

В ходе работ по машинному переводу, естественно, возникла проблема критериев качества передачи входного текста в процессе его преобразования внутри машины, или, иначе говоря, - точности перевода 2 (аналогичная постановка вопроса имеет место и при переработке входного текста в информационной машине). Существуют два принципиально различных подхода к выбору таких критериев: одни считают нужным добиваться максимальной близости перевода к оригиналу, включая стилистические особенности последнего, другие, стремясь к всемерному повышению скорости и тем самым к экономичности перевода 3, считают целесообразным обеспечивать лишь точность передачи содержания оригинала. Второй подход допускает разнообразные отступления от формы при обязательной инвариантности смысла переводимого сообщения. Первая точка зрения восходит к традициям художественного перевода, вторая — к практике перевода научно-технической литературы. Следовательно, проблема соотношения этих двух подходов есть часть общей лингвистической теории перевода. Очевидно, что решение вопроса должно быть дифференцированным и определяться функцией переводимых текстов.

Внутри информационной машины, которая, как уже указывалось выше, при переработке сообщений имеет дело с их содержанием, должен

¹ Cm. Bf, 1957, № 5, crp. 117—121.

² Заметим, что эта проблема в ее общем виде отпюдь не нова (см. А. В. Федо-

ров, Введение в теорию перевода, 2-е изд., М., 1958, стр. 221).

3 Экономичность в данном случае определяется сокращением объема алгоритмов, повышением пропускной способности машин и упрощением их конструкции.

существовать специальный машинный язык, называемый информационным языком. Информационный язык принципиально отличается от языка-посредника машинного перевода тем, что первый по своей структуре должен быть предельно близок к логическому языку, не будучи, однако, тождественным ему. От структуры информационного языка зависит быстродействие и экономичность соответствующих машин; собственно логический же язык вследствие своей чрезвычайной громоздкости в этих условиях непригоден.

Входным языком в информационной машине может быть и конкретный язык и язык-посредник; вне зависимости от этого стоит задача установления соответствий между структурами входного языка и информационного. Задача эта является в такой же мере логической, как и лингристической, и представляет собой частную проблему общей теории знаковых систем как пограничной науки между математикой, логикой и языковедением.

Проблемы, связанные с передачей, а также с машинным преобразованием и переработкой языковой информации, о которых шла речь до сих пор, далеко еще не могут считаться решенными; тем не менее за ними уже сейчас явственно вырисовываются контуры новой проблематики, в работе над которой участие лингвистов будет еще более необходимым.

Развитие техники машинного перевода выдвигает вопрос об автоматизации редактирования. Перевод, который будет получен с различных языков одинаково нейтральным в отношении стиля, при помощи редактирующей машины примет вид, требуемый стилистическими нормами выходного языка. Подобная машина будет всегда одноязычной; очевидно, что в ее функцию может входить не только обработка перевода, но и редактирование оригинального текста, разумеется, написанного на том языке, который введен в эту машину. Редактирующую машину можно рассматривать как разновидность переводческой: стилистическая обработка текста представляет собой своеобразный перевод с одного стиля на другой.

Дальнейшее развитие машинного перевода, с одной стороны, и автоматического программирования, с другой, вероятно, приведет к созданию таких машин, которые, сопоставляя подлинник и перевод, смогут дополнять словарь и совершенствовать грамматическую часть алгоритмов. Отсюда прямой путь к самообучающимся машинам, в память которых вводятся грамматика и словарь языка-эталона и достаточное количество параилельных текстов на введенном и на изучаемом языках; грамматику и словарь изучаемого языка такая машина определит сама и построит необходимые алгоритмы перевода. Особыми вариантами кибернетических устройств, самообучающихся языку, могут быть разнообразные по своим функциям лингвистические машины, предназначенные для решения различных трудоемких языковедческих задач, например автоматический этимологический словарь 1.

Возникновение целого ряда пограничных наук ставит в острой форме уже упоминавшуюся нами проблему терминологии. Взаимодействие отраслевых терминологических систем в рамках этих пограничных наук должно дать толчок к выработке универсального терминологического кода с международной и межотраслевой координацией определений терминов. Совершенно аналогичная задача возникает в связи с развитием и начавшимся взаимодействием символических систем отдельных наук (математики, ядерной физики, химии, генетики, формальной логики, машинного перевода). Предстоит осуществить сведение всех их в общенаучную систему символических знаков². С этими двумя проблемами те-

¹ См. Вяч. В. Иванов, Лингвистические вопросы создания машинного языка для информационных машин, сб. «Материалы по машинному переводу», 1, стр. 36. ² См. сб. «Материалы по машинному переводу», I, стр. 40—41 и 56—57.

сно связана третья: унификация различных машинных языков и последующее объединение их в универсальный машинный код, используемый для передачи информации не только внутри кибернетических устройств и между ними, но и от машины к человеку и обратно1.

Единый терминологический код, общенаучная система символики и универсальный машинный язык представляют собой три разные функциональные реализации некоего абстрактного языка, который уместно было бы назвать универсальным кодом науки. Соотнесенность и связь этого кода с национальными языками делают данную задачу одной из составных частей прикладного языковедения. Без лингвистов нельзя решать такую задачу сколько-нибудь эффективно; и в период разработки этого кода и при его дальнейшем функционировании роль организаторов и координаторов должна принадлежать языковедам.

Новые проблемы прикладного языковедения, а также многие из старых оказываются неразрешимыми в рамках традиционных лингвистических методов. Старые методы были направлены на изучение качественных закономерностей языка и речи; однако последним присущи и разнообразные количественные характеристики². Именно этим, а также необходимостью точного определения качественных характеристик и обусловлено начавшееся сравнительно недавно, но быстро развивающееся и проникающее в одну область за другой внедрение математических методов в языковедение.

Проникновение математических в лингвистику началось методов с применения статистики к изучению языка. Первые мысли о необходимости и важности использования статистики в различных областях языковедения высказал еще в 1847 г. русский математик акад. В. Я. Буняковский³. Статистические методы впервые были применены к исследованию лингвистического материала нашим выдающимся соотечественником акад. А. А. Марковым⁴. Его классическая работа по изучению закономерности следования друг за другом гласных и согласных в русском тексте по существу положила начало математической лингвистике и наряду с этим явилась важным этапом в развитии одного из раздедов

⁴ А. А. Марков, Исследование замечательного случая зависимых испытаций, «Изв. Имп. Акад. наук», Серия VI, т. I, № 3, 1907; А. А. Марков, Пример статистического исследования над текстом «Евгения Онегина», иллюстрирующий связы испытаний в цень, «Изв. Имп. Акад. наук», Серия VI, т. VII, № 3, 1913.

¹ В Кливленде (США) 6—12 сентября 1959 г. созывается специальная Международная конференция по выработке стандарта общего машинного языка.

² Интересно отметить, что еще в 1904 г. И. А. Бодуэн де Куртенэ указывал на это и на вызванную этим необходимость для языковедов овладевать математикой, причем не только элементарной, но и высшей (см. словарь Брокгауза и Эфрона, т. 81,

стр. 518).

3 Примечательны следующие его слова: «...да позволено будет мне прибавить несколько слов о другом приложении анализа вероятностей, на которое, кажется, никто еще не указывал. Новое применение относится к грамматическим и этимологическим исследованиям о каком-либо языке, также к сравнительной филологии... Когда речь идет об одном языке, то прежде всего предположим, что имеем подробное его арифметическое описание, или выразимся так: его статистику, т. е. численные показания о полном итоге слов того языка, распределение этих слов по частям речи, по числу букв, по начальным буквам, по окончаниям и проч., и проч. Сюда же будут относиться сведения об общих правилах, об исключениях разного рода, о словах, несомненно заимствованных из других языков, и т. п. Вот численные материалы, строгий разбор которых требует, конечно, соображений математических. Имея подобные статистические данные для двух или нескольких языков, можно сравнивать их в разных отношениях, и выводимые результаты облекутся некоторым авторитетом, который в свое оправдание не всегда могут представить филологи при настоящем состоянии науки» (В. Буняковский, О возможности введения определительных мер доверия к результатам некоторых наук наблюдательных, и преимущественно статистики, «Современник», т. III, [раздел] II, 1847, стр. 48).

самой математики, а именно — теории вероятностей («цепи Маркова»). Не чуждались применения статистики (главным образом в фонетических исследованиях) и лингвисты, в том числе представители старшего поколения советских языковедов — В. А. Богородицкий, А. М. Пешковский, М. Н. Петерсон. Однако подобные работы носили лишь эпизодический характер. Необходимость ввести математические методы в арсенал нашей науки стала очевинной лишь тогда, когда оказалось, что без них невозможно использовать добытые в языковедении данные для решения разиообразных технических задач, охарактеризованных выше.

Решительный поворот в этом отношении произолиел в связи с возникматематической писшинлины — теории информации¹. новой В этой теории существеннейшим для лингвистики моментом явилось обнаружение того, что при анализе процесса коммуникации язык должен рассматриваться как некий код, имеющий вполие определенные количественные характеристики. Без такого рассмотрения языка в качестве кода немыслимо представление его различных ярусов в теории коммуникативных систем, среди которых язык как важнейшее средство общения занимает исключительное место. Вместе с тем из того, что язык, с определенной точки зрения, представляет собой код, пи в коем случае нельзя делать вывода (и это следует со всей силой подчеркнуть), что сущность языка сводится к его кодовым характеристикам; сама коммуникативная функция языка, обусловленная необходимостью передачи мысли от человека к человеку, возможна только благодаря тому, что язык является реальным сознанием.

Рассмотрение языка с точки зрения теории информации вызвало к жизни целый ряд исследований — как в Советском Союзе, так и за рубежом, посвященных анализу различных количественных характеристик языка и речи². Нужно сказать, что эти исследования, при всей их значимости, представляют собой лишь начало. Особенно остро стоит вопрос об организации статистических работ по лексике и грамматике. Такие работы необычайно трудоемки и в большинстве случаев под силу лишь коллективам.

Вслед за эффективным применением теории вероятностей (с теорией информации) к изучению языка началось и интенсивно развивается приложение к лингвистике теории множеств. Почин и в этом принадлежит русским математикам — А. А. Ляпунову, О. С. Кулагиной, Р. Л. Добрушину³. Имеется также ряд попыток применения математической догики к изучению синтагматики языка ⁴; реализация липгвистических алгоритмов требует широкого применения вычислительной математики.

Накопившийся уже опыт приложения математики в языковедении показывает, что один лишь вероятностиый, или теоретико-миожественный, или какой-нибудь другой частный математический подход не в состоянии обеспечить достаточно полное математическое описание языка.

4 См. уномянутую статью П. Сгалла.

¹ См.: А. И. Колмогоров, Теория передачи информации, М., 1956; К. III э п н о н, Статистическая теория передачи электрических сигналов (в оригинале — The mathematical theory of communication), сб. переводов «Теория передачи электрических сигпалов при наличии помех», М., 1953; С. Голдман, Теория информации, М., 1957 (перевод с английского).

² Помимо упоминавшихся выше работ о постоянных речи, см. также: ВЯ, 1957, № 5, стр. 111—116; сб. «Вопросы статистьки речи (материалы совещания)», Л., 1958; «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», М., 1957—1958. Общий обзор состояния математической лингвистики содержится в превосходимх статьях П. Сгалла и И. Крамского, в которых имеется и подробнейшая библиография вопроса (см. Р. Sgall, Nové otázky matematických metod v jazykovědé, SaS, rom. XX, číslo 1, 1959; Ј. Кгат ský, Teorie sdělné promluvy, там же).

3 См. О. С. Кулагина, Ободном способе определення грамматических поиятий на базе теории множеств, сб. «Проблемы кибернетики», т. І, стр. 203—214;

Р. Л. Добрушил, Опыт определения понятия грамматической категории, «Тезисы конференции по машинному переводу», стр. 37.

Сложность этого объекта требует сочетания различных методов, причем наиболее многообещающим можно считать синтез вероятностного подхода с теоретико-множественным 1.

Плодотворному применению математики в лингвистике способствует и будст способствовать тесное сотрудничество представителей обсих наук. Ценность сотрудничества такого рода значительно повысится, когда языковеды приобретут понимание духа строгих математических методов и пекоторую сумму знаний в названных областях математики².

Многие думают, что приложение математики к лингвистическому материалу делает непужными все другие, традиционные методы языковедения и лишает науку о языке ее специфики. Такая постановка вопроса совершенно не обоснована, что видно из примера других наук, давно использующих математические методы, но не поглощенных математикой (наиболее яркое свидетельство тому дает современная физика с ее весьма развитым математическим аппаратом). Предметы разных наук не сводимы к едпиственной и все характеризующей математической схеме; язык как объект исследования всегда будет отличаться от объектов других наук спецификой материальной основы и общественных функций.

Некоторые, наоборот, считают, что прилежение математики к лингвистическому материалу есть лишь часть прикладной математики и лежит за пределами языковедения. Такая постановка вопроса столь же ошибочна, как и предыдущая. Всякая наука определяется не своими методами, а своим предметом, и поэтому следует говорить не о лингвистической математике, а о математической лингвистике. Проникновение математических методов в науку свидетельствует о ее зрелости. Наша наука всегда признавалась наиболее точной из гуманитарных наук. Появление математической лингвистики свидетельствует о том, что языковедение вступило в пору своего полного расцвета.

Признавая столь большое значение математики для языковедения, мы обязаны, однако, указать и на известную ограниченность ее возможностей при исследовании языка. Дело в том, что математическое представление (модель) языка отнюдь не тождественно самому языку и ни в коей мере не исчерпывает всего многообразия его свойств. При моделировании любого кода достаточно хорошо разработанная математическая модель может оказаться эквивалентной этому коду, поскольку последний, в конечном счете, исчерпывается соотношениями его элементов. Язык, как уже указывалось, есть нечто большее, чем код, и поэтому математическая модель может представлять лишь часть его сущности. Следовательно, общее языковедение не может быть отождествлено с теорией кодовых систем или, тем более, сочтено частью последней; теория кодов, составляющая важный раздел математической лингвистики и теории пиформации, является пограничной областью этих двух дисциплин.

С первых же шагов математической лингвистики обнаружилось, что данные о грамматическом строе, полученные классическими методами, не поддаются строгой математической обработке, так как они зачастую основываются не на формальных признаках, а на не всегда точно определяемых семантических критериях. Таким образом, встал вопрос о разработке и использовании формальных способов представления языковой структуры. Одним из путей для разработки этих способов является формальный анализ языкового материала в духе фортунатовской школы^з; в этом же плане находится и пдея знаменатой «глокой куздры»

¹ Первая попытка в этом направлении также была предпринята у нас; см. «Тезисы Совещения по математической лингвистике», Л., 1959, стр. 15-22.

В свете этого большое значение приобретает подготовка соответствующих кадров. Ценную инициативу проявил в этом отношении Леппиградский университет, открывший в 1957 г. на филологическом факультете отделение математической лингвистики. ³ См. П. С. Кузнецов, А. А. Ляпупов, А. А. Реформатский, Основные проблемы машинного перевода, ВЯ, 1956, № 5, стр. 107.

Л. В. Щербы. Математические модели последних лет, о которых мы писали выше, но существу базпровались именно на этом лингвистическом полхоле и показали его безусловную илодотворность.

Широкое применение, особенно за рубежом, получил формальный метод представления изыковых систем, носящий название структурного анализа (или структурального метода). Наблюдающееся у многих современных языковелов отождествление структурного анализа со структурализмом, т. е. с определенным направлением в зарубежной лингвистике, ведет к заблуждениям двоякого рода: либо принимается структурализм вместе со структуральными методами, либо вместе со структурализмом отвергается структурный анализ. Структурализм как мет одология языковедения неприемлем для нас потому, что он, вслед за Ф. де Соссюром, сводит язык к системе чистых отношений, отрицая реальность элементов языка. Структурный анализ как одна из мет одик инигвистического исследования необходим для нас потому, что, только исследуя противопоставление элементов языка, можно установить их систему, т. е. получить отчетливую картину строя языка. Следует, впрочем, оговорить, что методы «структурной лингвистики» при всей важности отнюдь не являются единственным инструментом языковедения.

Структуралисты всех направлений (начиная с умеренного пражского и кончая крайним копенгагенским — глоссематическим) многое сделали для развития формальных методов исследования языка. Было бы совершенно неправильным отрицать их заслуги в этом отношении. Одпако необходимо решительно отвергнуть утверждение, будто структурализм является обязательным путем к построению математической лингвистики. Действительное развитие науки показывает, что начало математической лингвистике было положено в России задолго до появления структурализма, что ее первые успешные шаги в нашей стране фактически не связаны со структурализмом и что структурализм не эволюционировал непосредственно в математическую лингвистику.

То немногое, что уже сделано в Советском Союзе в области математической лингвистики, имеет все шансы на дальнейшее развитие благодаря успешно осуществляемому содружеству языковедов с математиками. Не будет преувсличением сказать, что нашей стране принадлежит одно из ведущих мест в развитии этой повой отрасли науки.

Говоря о математической лингвистике, мы невольно вышли в сферу исследовательской методики и общей методологии теоретического языковедения. Произошло это из-за того, что математическая лингвистика, вызванная к жизни практическими задачами современности, несомненно, переросла рамки прикладного языковедения. Такая эволюция вполне закономерна и неизбежна.

С появлением математической лингвистики в нашу науку пришли не только новые методы, но и большое количество новых фактов ¹. Очевидно, что мимо этих новых методов и новых фактов не сможет пройти общая теория науки о языке, которой предстоит осмыслить накопленный опыт и осуществить синтез старых и новых достижений. Господствующие сейчас представления о языке сложились в результате работы над кругом проблем, по существу остававшимся неизменным на протяжении полутора столетий. Свежая струя, внесенная новыми приложениями нашей науки, бесспорно, не только количественно обогатит се, но и приведст к качественным изменениям в понимании как отдельных языковых явлений, так и всего языка в целом. Тем самым будут созданы условия для решительного подъема общей теории языка, что обеспечит правильное решение насущных задач прикладного языковедения.

¹ См. указ. статьи П. Сгалла и И. Крамского.

и. н. голенишев-кутузов

СЛОВОРАЗДЕЛ В РУССКОМ СТИХОСЛОЖЕНИИ

По-видимому, в настоящее время большинство изучающих стихосложение пришло к выводу, что нельзя заниматься верспфикацией в отрыве от лингвистики. Л. И. Тимофеев справедливо заметил: «Нет ничего в стихе, чего не было в языке» 1. Возможности ритма в любом индоевропейском языке находятся в прямой зависимости от строя речи, от системы и чередования ударных и неударных, длицных или кратких слогов, от предельного количества слогов в слове, от словосочетаний и словоразделов, от морфологии и синтаксиса. Среди этих элементов словораздел играет гораздо большую роль, чем это обычно принято думать. Именно вопросами словораздела в связи с количеством слогов в слове (и в стихе) в сочетании с ударением мы займемся в этой статье.

Место ударения в сочетании с количеством слогов определяет различные виды слов разнообразного ритмического узора. Эти виды слов количественно не могут быть не ограничены. При значительных возможностях вариантов количество словоразделов и словосочетаний не бесконечно. О широком дианазоне русского ударения писал А. И. Соболевский: «Полнейшая свобода в ударения (разрядка моя.— И. Г.-К.) наблюдается в языках санскритском и русском. В санскрите мы нередко находим ударение на 5-м, даже на 7-м слоге; в русском языке мы имеем ударение на всевозможных слогах; так, оно находится на 4-м слоге от конца в словах человеческого, опрометью, всенощная, похороны, на пятом слоге в милостивые, милостивого, на 6-м — в всемилостивейшему, выдвинувшиеся, на 7-м — в воспитывающиеся, складывающиеся...» 2.

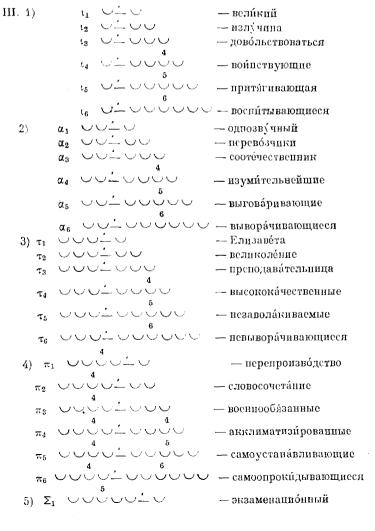
А. И. Соболевский напоминает, что в греческом языке ударение не идет от конца дальше 3-го слога при конечном кратком и дальше 2-го слога при конечном длинном. Весьма ценное наблюдение известного историка русского языка содержит одну неточную подробность: «полнейшей свободы» ударения нет ни в одном индосвропейском языке. Можно говорить лишь о большем диапазоне русского акцента по срависнию с греческим и германскими языками. А. И. Соболевский обратил внимание лишь на одну тенденцию в построении русского слова — необходимость исходить от его к о н ц а (по привычке классических филологов). Но не менее значительна возможность «нарастания» безударных слогов п е р е д акцентом. Заранее можно предположить, что и в этом случае 7-й неакцентированный слог представляет как бы естественный предел. Если это так, то переход за 7-й слог в обопх направлениях следует признать исключительным и определить природу таких исключений. Начертим схематически сначала рост безударных слогов по паправлению к концу слова, обозначив каждый вид условным знаком:

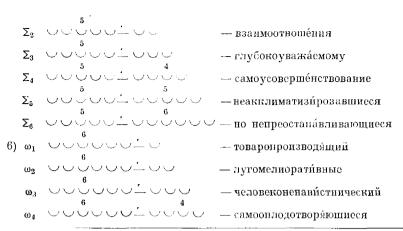
 $^{^1}$ Цит. по кн.: Б. В. Томашевский, Стих и язык, М., 1958, стр. 54. 2 А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, 3-е изд., М., 1903, стр. 264—265.

	4	
Δ_{2}	$\dot{-}$	— ми́лостивые
	5	
Δ_3		папоротниками
	6	-
Δ_{4}	\pm 000000	скланывающиеся

Если мы рассмотрим «обратный ход», т. е. нарастание безударных от акцента к на чалу слова, то получим следующую схему:

Эти две категории не охватывают всех возможных комбинаций акцента с неударными слогами, так как «нарастание» возможно одновременио в обестороны от ударного слога. Поэтому рассмотрим еще одну схему, отражающую третий (с ритмической точки зрения) вид русских слов:

Всего 47 основных ритмических видов

Даже самый поверхностный анализ установленных видов приводит к заключению, что длинные слова происходят весьма часто от сложных слов книжного происхождения и иностранных заимствованных слов; длиниые слова образуют также причастия (особенно возвратные) и превосходная степень. Таким образом, источники длинных слов довольно ограничены. Для удлинения слова, кроме возвратного местоимения, можно пользоваться в некоторых категориях слов косвенными падежами:

слушательница ($\dot{-} \cup \cup \dot{\bar{}} \cup$), слушательницами ($\dot{-} \cup \cup \dot{\bar{}} \cup \cup$).

Известно, что длинные слова французского языка принадлежат тоже к mots savants, заимствованиям нз латыни или из греческого; равным образом и в английском языке, где длинные слова романского (французского или латинского) или же греческого происхождения. Каково бы ни было происхождение длинных слов, в сознании пишущего стихи онп, конечно, не подвергаются анализу. Современное состояние языка для него та стихия, откуда оц чернает необходимые элементы ритмики.

Давно было замечено стиховедами, что не только место ударения и чередование в той или иной носледовательности ударных и безударных слогов, но и словоразделы создают различные ритмические узоры. Указание на то, что-пауза между словами имеет ритмообразующее значение, имеется уже в книге А. Белого 1. Г. Шенгели и особенно Б. Томашевский значительно продвинули изучение словораздела, но в их трудах явления ритмики недостаточно связаны с явлениями языка, что приводит к известной абстрактности рассмотрения этого вопроса у Томашевского (при необычайной точности и ясности его выводов) и к загроможденности архаическими и произвольными терминами — у Шенгели (унаследованной им от А. Белого)². Запутанность в изложении, свойственная Шенгели, и отрыв от лингвистики привели к тому, что недостаточно восприняты и оценены его интересные опыты по исследованию словораздела.

Основываясь на лингвистическом принципе и в то же время не пренебрегая математическими расчетами, мы предлагаем простую и исчерпывающую спстему знаков для обозначения словоразделов. При этом мы стремимся сохранить общепринятые условные названия (ямб, хорей, дактиль и т. д.) 3 , которых, консчио, недостаточно для охвата всех явлений.

[Л.], 1929; его же, Очерки по поэтике Пушкина, Берлин, 1923; Г. Шенгели, Трактат о русском стихе, 2-е изд., М.—Пг., 1923, стр. 20—21, 136 и сл.

3 Возможны и другие системы знаков. Например, можно было бы ввести латинские

¹ А. Белый, Символизм, М., 1910, стр. 272—278, 403—404; его же, Ритм как диалектика и «Медный Всадник», М., 1929, стр. 69—75.

² См. Б. Томашевский, Остихе (статья «Пятистопный ямб Пушкина»),

большие и малые буквы для обозначения «роста» безударных слогов от акцента к на-

Į.	(моносиллаб)	<u>.</u>
χ	(хорей)	<u> </u>
Δ	(дактиль)	$\dot{-}$
ι	(ямб)	∪ ≟
α	(ананест)	UU-
τ	(тетраметр)	000i
π	(пента м етр)	000 <u>4</u> 0 <u>-</u>
Σ	(шестисложник)	
ω	(семисложник)	

 ω мы принимаем за рубеж стихотворного словораздела. В прозе этот рубеж, как уже ясно из приведенных нами примеров, может быть превзойден. Крайней границей стихотворного словораздела теоретически мы устанавливаем восьмисложник — $\Omega \cup \bigcup_{i=1}^{\infty} C_i \cup \bigcup_{i=1}^{\infty} C_i$ с его нарастанием к концу слова (Ω_1 , Ω_2 и т. д.). Цифры за греческой буквой обозначают «нарастание» слогов от ударения к концу слова t_1 t_2 ... α_1 α_2 ... τ_1 τ_2 ... τ_2 ... τ_1 τ_2 ... τ_2 ... τ_3 ... τ_4 ... Несколько сложизе принятое нами обозначение «нарастания» слогов дактили («задактилические варианты»):

Подчеркиваем еще раз: если в п р о з е встречаются увеличения функций ω и Ω , то в с т и х а х эти разновидности лежат за пределами классического ритма (да и других систем русского стихосложения), так как не могут войти в самый «просторный» из классических размеров — 5-стопный ямб с двумя ударениями. Таким образом устанавливается одна из границ между с т и х о м и п р о з о й. Ультрадлинные слова предстают как «монстры», не подчиняющиеся гармонии Аполлона. Но при дальнейшем апализе выясняется, что «чудовища» встречаются и среди указанных нами слогосочетаний (между μ и ω , между ι_1 и Σ_5).

Следующие виды слов не могут войти в 2-ударный 5-стопный ямб и хорей, а следовательно, и в классические размеры вообще:

	6			
α_6	00200000	- 9 (	слого	в (вывора́чивающиеся)
	6			
τ_6		10	))	(невывора́чивающиеся)
	4 4			
π_4		— 9	»	(акклиматизи́ровапные)
	4 5			,
π_5		10	*	(самоопроки́дываемые)
	4 6			· ·
π_{ϵ}		11	>>	(непреостанавливающиеся)
_	5 4			,
Σ_4		10	»	(самоусоверше́нствование)

чалу слова — A, B, C, D и т. д., от акцента к концу слова — a, b, c, d и т. д. Но такое математическое обозначение труднее воспринималось бы из-за выражения сходными знаками р а з ны х р и т м и ч е с к и х с и с т е м: A обозначало бы ямб, a — хорей; кроме того, это требовало бы неудобных дополнительных знаков для определения нарастация неударных слогов по обе стороны от акцента. Поэтому мы не считаем удачной систему нотации, предложениую В. Чудовским и Б. Томашевским: число слогов каждого слова в стихе обозначается цифрой, очередный номер ударного слога — по-казателем степени при соответствующей цифре. Например, $3^2 = \smile - \smile$; $2^1 = - \smile$ (см. В. Ж и р м у н с к и й, Введение в метрику, Л., 1925, стр. 170). Равным образом мы отклоняем сходиую нотацию Шенгели, обозначавшую количество слогов римской цифрой, а ударение — арабской.

А также ω_2 (9 слогов), ω_3 (10 слогов), ω_4 (11 слогов). Всего 11 ритмических видов.

Редчайшими видами (Rarissima — в нашем обозначении RR), входящими лишь в одну, редко в две ритмические комбинации с другими словами, являются следующие слова:

Всего 11 ритмических видов 1

Отсюда заключаем, что сама возможность вхождения слова в тонический стих без цезуры (имеющий максимально 10 слогов с ударением на последнем — ямб) зависит не только от места ударения, но и от количества слогов. Мы считаем, что все русские системы стихов (а не только классическая) силлабо-тонические ские. Если из 47 основных ритмических видов слов русского языка вычтем 22, не поддающихся или едва поддающихся стихотворной гармонизации, останется 25 видов слов в распоряжении русского поэта:

Из этих видов 12, а именно: $\Delta_2 \Delta_3 \pi \Sigma \iota_4 \iota_5 \alpha_3 \tau_2 \tau_3 \pi_1 \pi_2 \Sigma_1$, принадлежат к числу явлений, реже встречающихся (Rara — в нашем обозначении R), однако не сопротивляющихся законам версификации. Для пишущего

¹ Приведем несколько примеров вхождения RR в метрическую систему:

стихи, а также для теоретика стиха этот раздел (R) длинных слов представляет особый интерес, так как подобные слова образуют более редкие ритмические узоры¹:

Остальные 13 видов составляют основной фонд русского стиха. Не будет лишним перечислить и эти наиболее часто повторяющиеся в русском языке ритмические виды:

```
      μ
      — де́нь

      χ
      — го́род

      Δ
      — Ла́дога

      Δ1
      — ра́достные

      t
      — рука́

      t1
      — вели́кий

      t2
      — излу́чина

      t3
      — дово́льствоваться

      α
      — берега́

      α1
      — однозву́чный

      α2
      — перево́зчики

      т
      — Волокола́мск

      т1
      — Елизаве́та
```

Всего 13 ритмических видов

Мы отмечаем, что виды слов, входящие в основной ритмический фонд, не превышают ияти слогов и не имеютболее трех неударяемых слогов подряд, в то время как более редкие виды (R) не выходят за пределы семи слогов. Все это подтверждает высказанное нами вначале предположение о 7 слогах как природной границе слова, входящего в ритмический строй русского языка. За пределом 7 слогов начинается проза (вернее, слова, пригодные лишь для прозы).

Наблюдение Томашевского над стихом Пушкина² привело его к за-

Ты — что загадка, вовек не разгадывающаяся!

Ты — что строфа, непокорно не складывающаяся! (16 — RR)

² Б. Томашевский, О стихе, стр. 198.

ключению, что пятисложных слов в двухстопном ямбе встречается у автора «Евгения Онегина» 3.42%, в трехстопном — 2.15%, в четырехстопном — 2,88%, в пятистопном с цезурой — 1,74%, в пятистопном без цезуры — 3,13%; тестисложных слов в четырехстоином ямбе насчитывается 0.94%, 0.01% — в пятистопном ямбе с цезурой и 0.21% — в пятистопном без цезуры. Семисложных слов еще меньше: 0,07% в четырехстопном ямбе и 0,01% в пятистопном (с цезурой и без цезуры). Мы должны заметить, что процентный расчет (столь излюбленный нашими стиховедами) указывает в этом случае лишь на редкость данной категории слов (причем не принимается во внимание место ударения), а не на ее ценность и экспрессивное значение. Подчеркнем еще раз, что длинные слова играют совсем особую роль в русской ритмике (и более свойственны русскому языку, чем большинству пидоевропейских). Мы подагаем, что следовало бы составить словарь длинных слов (по системе нотаций, нами предложенной) в русском языке; такой словарь был бы одинаково интересен и для поэтов и для филологов.

Если принять данное нами условное обозначение словоразделов, то становится возможным установление с гораздо большей точностью, чем раньше (и не прибегая к сложным чертежам), ритмического рисунка стихотворения. Приведем пример:

1. Четырехстопный ямб

^{ειε} ιχ τιχμ τιαι ειχα	Люблю грозу в начале мая, Когда весенний, первый гром, Как бы резвяся и играя, Грохочет в небе голубом.	-2, 4, 6, 8 $-2, 4, 6, 8$ $-4, 8$ $-2, 4, 8$
$tt_1\alpha_1$ $t_1\chi\mu t$ $t_1\chi\alpha_1$ $t_1\chi\alpha$	Гремят раскаты молодые, Вот дождик брызнул, пыль летит, Повисли перлы дождевые, И солице нити золотит.	-2, 4, 8 $-2, 4, 6, 8$ $-2, 4, 8$ $-2, 4, 8$
$\begin{array}{c} \mathfrak{ttt}_1 \\ \mathfrak{tt}_1 \chi \mu \\ \mathfrak{tttt}_1 \\ \mathfrak{t}_1 \Delta \mathfrak{t} \end{array}$	С горы бежит поток проворный, В лесу не молкнет птичий гам, И гам лесной, и шум нагорный — Все вторит весело громам.	-2, 4, 6, 8 -2, 4, 6, 8 -2, 4, 6, 8 -2, 4, 8
$egin{array}{l} \iota_1 \Delta_1 \chi \ \iota\iota_2 \iota \ au_1 \chi \chi \ \iota\iota_1 lpha \end{array}$	Ты скажешь: ветреная Геба, Кормя Зевесова орла, Громокипящий кубок с неба, Смеясь, на землю пролила.	-2, 4, 8 $-2, 4, 8,$ $-4, 6, 8$ $-2, 4, 8$
	(Тютче	ϵ)

Анализ ударений показывает в приведенном выше 4-стопном ямбе Тютчева значительное количество полноударных стихов (из 16 стихов 6 имеют все 4 ударения — 2, 4, 6, 8). Стихов с 3 ударениями больше — 9 (из пих вид 4, 6, 8 встречается в одном стихе, 2, 4, 8 — в 8 стихах). С двумя ударениями (4,8) — всего один стих. Возьмем два вида стиха, чаще всего встречающиеся в этой пьесе: 2, 4, 6, 8 и 2, 4, 8. Мы увидим, что благодаря разнообразию словоразделов их мелодика неодинакова. 2, 4, 6, 8 имеет 4 варианта словоразделов: 1) иидх; 2) идхи (дважды); • 3) $\iota_1 \chi \mu \iota_1$; 4) $\iota_{\iota \iota_1} \iota_{\iota_1}$ (дважды). 2, 4, 8 пмеет 5 вариантов словоразделов: 1) $\iota_1 \chi \alpha(\alpha_1)$ (трижды); 2) $\iota\iota_1\alpha$ (α_1) (дважды); 3) $\iota_1\Delta\iota$; 4) $\iota_1\Delta_1\gamma$; 5) $\iota\iota_2\iota$.

Комбинации словоразделов в любом стихотворном размере русского языка при всем их разнообразии не могут быть бесконечными. Так, например, если мы обратимся к 4-стопному ямбу с четырьмя, тремя и двумя ударениями и произведем апрпорный подсчет всех возможных сочетаний слов в пределах восьми слогов с акцентами на четных, мы получим следующие результаты:

Всего 40 вариантов словоразделов

К этому числу можно теоретически прибавить еще 41-й вид, а именно 4-стопный ямб с одним ударением (на концовке) 1. Рассмотрим подробно эти случаи, иллюстрируя их примерами из русской поэзии.

```
I. 2, 4, 6, 8 (4 ударения):

1) tttt (t_1) \qquad -/--/--/--/--(--)
2) ttt_1\mu(\chi) \qquad -/--/--/--/--(--)
3) tt_1\mu t(t_1) \qquad -/--/--/--/--(--)
4) tt_1\chi\mu(\chi) \qquad -/--/--/--/--(--)
5) t_1\mu tt(t_1) \qquad -/--/--/--/--(--)
6) t_1\mu tt_1\mu(\chi) \qquad -/--/--/--/--(--)
7) t_1\chi\mu t(t_1) \qquad -/--/--/--/---(--)
8) t_1\chi\chi\mu(\chi) \qquad -/--/--/--/--(--)
```

Примеры:

- 1) Здесь шлем / с главой / там труп / лежит (Ломоносов) Люблю / тебя / Пстра / творенье (Пушкин)
- Лучи / от нас / склонились / прочь (Ломоносов)
 Древа / стоят / и холмы / голы (Державии)
- 3) Восторг / внезанный / ум / пленил (Ломоносов) О день / блаженный / день / избранный (Ломоносов)
- 4) Падет / на землю / желтый / лист (Державии) Цветут / во славе / мною / царства (Ломоносов)
- 5) Насильну / власть / чужой / руки (Ломоносов) Полночных / стран / краса / и диво (Пушкин)
- б) Великий / Петр / из мертвых / встал (Ломоносов) Небесный / Марс / оставил / громы (Державин)
- Тобою / буду / злость / казнить (Ломоносов)
 Мужайся / твердый / Росс / и верный (Державин)
- 8) Как в сильном / вихре / топкий / прах (*Ломоносов*) Дымятся / серым / дымом / домы (*Державин*)

II. 4, 6, 8 (3 ударения):

1)
$$\tau \iota \iota (\iota_{1})$$
 $\cup \cup \cup \stackrel{\cdot}{\to} / \cup \stackrel{\cdot}{\to} (\cup)$
2) $\tau \iota_{1} \mu (\chi)$ $\cup \cup \cup \stackrel{\cdot}{\to} / \cup \stackrel{\cdot}{\to} (\cup)$
3) $\tau_{1} \mu \iota (\iota_{1})$ $\cup \cup \cup \stackrel{\cdot}{\to} \cup / \stackrel{\cdot}{\to} / \cup \stackrel{\cdot}{\to} (\cup)$
4) $\tau_{1} \chi \mu (\chi)$ $\cup \cup \cup \stackrel{\cdot}{\to} \cup / \stackrel{\cdot}{\to} / \stackrel{\cdot}{\to} (\cup)$

Примеры:

Но Кочубей / богат / и горд (Пушкин)
 Он предварил / тебя / веками (Ломоносов)

^{1 ∪ ∪ ∪ ∪ ∪ ∪ ().} Эксперимент такого стиха находим у А. Белого: «Хоть и не без предубежде́нья...». В этом ямбическом стихе нечетное хоть может по метрическим причинам нести ударение, акцент же на четных по положению и и без не свойствен русскому языку. Вместе со многими теоретиками стиха мы считаем, что слова служебные, входящие в один ударный комплекс, не имеют дополнительного ударения с метрической точки зрения. О двойственных словах (местоименнях, местоименных наречиях и союзах, односложных числительных, вспомогательных глаголах и междомегиях), запимающих переходное положение между знаменательными и служебными словами, см. у В. М. Ж и р м у н с к о г о во «Введении в метрику» (стр. 99—100, 104—116, 124).

- 2) Облобызай / своих ты / чад (Державин) Пересмотрел / все это / строго (Пушкин)
- 3) Для продолженья / дней / златых (Ломоносов) Но беспрестанно / дождь / стремится (Державин)
- И презирает / молний / блеск (Ломоносов)
 Непостоянство / доля / смертных (Державин)

III. 2, 6, 8 (3 ударения):

1) $t\tau t (t_1)$ 0 + 1/

Примеры:

- 1) Живи / и обессмерть / себя (Державин) Никто / не уповай / во веки (Ломоносов)
- 2) Чрез сей / благословенный / брак (Ломоносов) О ты / великомощно / счастье (Державин)
- 3) Играю / в дураки / с женой (Державии) И чистых / голубиц / лобзанье (Ломоносов)
- 4) Плачевный / побежденных / стон (Ломоносов) В воздушном / океане / оном (Державии)
- Как вечная / веспа / цвела (Ломоносов)
 Геройские / дела / расскажеть (Державин)
- 6) За библией / зевая / сплю (Державии) Дающего / голодным / пищу (Ломоносов)
- 7) Предшественница / дин / златого (Державин) Приветствована / вновь / поэтом (К. Павлова)
- 8) Неслыханное / также / дело (Державин) Живительная / ваша / сила (Ломоносов)

IV. 2, 4, 8 (3 ударения):

1) $\iota\iota\tau(\tau_1)$ \cup $\dot{-}/\cup$ $\dot{-}/\cup$ $\dot{-}(\cup)$ 2) $\iota\iota_1\alpha(\alpha_1)$ \cup $\dot{-}/\cup$ $\dot{-}(\cup)$ $\dot{-}(\cup)$ 3) $\iota\iota_2\iota(\iota_1)$ \cup $\dot{-}/\cup$ $\dot{-}(\cup)$ $\dot{-}(\cup)$ 4) $\iota\iota_0\mu(\chi)$ \cup $\dot{-}/\cup$ $\dot{-}(\cup)$ $\dot{-}(\cup)$ 5) $\iota_1\mu\tau(\tau_1)$ \cup $\dot{-}(\cup)$ $\dot{-}(\cup)$ $\dot{-}(\cup)$ 6) $\iota_1\chi\alpha(\alpha_1)$ \cup $\dot{-}(\cup)$ $\dot{-}(\cup)$ $\dot{-}(\cup)$ 7) $\iota_1\Delta\iota(\iota_1)$ \cup $\dot{-}(\cup)$ $\dot{-}(\cup)$ $\dot{-}(\cup)$ [8) $\iota_1\Delta\iota\mu(\chi)$ \cup $\dot{-}(\cup)$ $\dot{-}(\cup)$

Примеры:

- 1) Аз есмь / зело / славенофил (Батюшков) Шутам / трусам / неблагодарным (Державин)
- Маню / ветрила / кораблей (Пушкип)
 О ты / пространством / бесконечный (Державин)
- В гранит / оделася / Нева (Пушкин)
 Во след / блистающей / дененцы (Державин)
- И жил / вышунывает / ход (К. Паслова)
 О вы / недремлющие / очи (Ломоносов)
- 5) До самых / звезд / Елисавет (Ломоносов) А в славе / так / великодушна (Державин)

- 6) Поставим / грады / на реках (Ломоносов) По гордой / лире / Альбиона (Пушкин)
- 7) И персы / в жаждущих / степях (Ломоносов) Сокрытый / в светлости / порфирной (Державин)
- 8) И снова / вслушиваться / стал (Ломоносов) Подобен / английскому / сплину (Пушкин)

V. 4, 8 (2 ударения):

Примеры:

- 1) И в высотах / и в глубинах (Державии) На полпути / остановилась (Баратынский)
- Единогласно / говорят (Ломопосов) Неизъяснимый / непостижный (Державин)
- Елизаветиных / похвал (Ломоносов) Темнозелеными / садами (Пушкин)
- 4) Как электрическая / цепь (К. Паслова) Адриатические/волны (Пушкин)

VI. 2, 8 (2 ударения):

1)
$$t\Sigma(\Sigma_1)$$
 $\smile \stackrel{\centerdot}{\smile}/\smile \stackrel{5}{\smile} \smile \stackrel{\centerdot}{\smile}(\smile)$ (R)

- 5) t₄t (t₁) $\cup \dot{-} \cup \cup \dot{-} \cup \dot{-} (\cup)$ (R)
- 6) $\iota_{5}\mu(\chi)$ $\smile \dot{\smile} \cup \dot{\smile} \cup \dot{\smile} (\cup)$ (B)

Примеры:

- 1) Жрецов / коленопреклоненных (К. Павлова) Стою / коленопреклоненный (Фет)
- 2) Периклов / и Алкивийдов (Сумароков) С очами / темпоголубыми (Баратынский)
- 3) О славное / Бородино (Карамвин) О ще́драя/ Екатерина (Ломоносов)
- 4) Напо́лнившего / высоту́ (Ломоносов) Под молниями / под громами (Державии)
- 5) Величественная / картина (эксперимент) Войнствук тие / Сеседы (эксперимент)
- 6) Притягивающая / сила (эксперимент) Высменвающие / строки (эксперимент)

VII. 6, 8 (2 ударения):

1)
$$\Sigma_{i}(\iota_{1}) = \cup \cup \bigcup_{i=1}^{5} \cup \cup \bot_{i} \cup \bigcup_{i=1}^{4} (\cup)$$
 (R)

Примеры:

- 1) Для полугородских / полей (К. Павлова) На темпоголубом / эфпре (Державин)
- 2) На Малоярославском / Красном (Державин) II светлоголубы́е / взоры (Державин)

Цитированными примерами, взятыми преимущественно из поэтов XVIII в. (которым были известны почти все ритмические комбинации этого размера), исчернываются возможные варианты словоразделов в русском 4-стопном ямбе (всего 40) . По-видимому, поэты избегали слишком длинных слов типа Σ_1 , ι_4 , ι_5 . Примеры с этими знаками встречаются не слишком часто. Для двух случаев мы не нашли примеров (ι_4 , ι_5) и прибегли к эксперименту.

Приведенные нами словоразделы Сумарокова, Баратынского, К. Павловой, Фета принадлежат к редким случаям и указывают на стремление

этих поэтов расширить привычные рамки стихосложения.

Переходя от 4-стопного ямба к 5-стопному б е з ц е з у р ы, мы сразу же видим гораздо большую возможность использования длинных слов, так как в ямбе (и хорее) допускается расстояние в с е м ь неударных слогов между двумя акцентами — предельное для русской версификации. Так, например, в ямбе 2, 10 неударяемые слоги могут делиться следующим образом:

Теоретически, не прибегая к примерам, можно вывести вполне точно, что деления 1, 2, 6, 7, 8 не былк использованы в русской поэзии и что при анализе 5-стопного ямба 2, 10 мы встретим только деления 3, 4, 5 (и не слишком часто). И действительно, эти последние варианты мы находим у некоторых поэтов XIX и XX вв.:

- 3) А же́нщины? / Да я не променяю Последней в Андалузии крестьянки... (Пушкин)
- 4) Служу у кондотьера На жа́лованье. / Колонновожа́тым (Сельвинский)
- И вымышленное / переживая,
 Ты истины простейшей стал врагом (эксперимент)

Предварительный подсчет приводит к заключению, что в 5-стопном безцезурном ямбе встречается 152 (153) словораздела:

```
1. С 5-ю удареннями:
2, 4, 6, 8, 10— 16 вариантов словоразделов
11. С 4-мя удареннями:
4, 6, 8, 10—8 вариантов словоразделов
2, 6, 8, 10—16 » »
2, 4, 8, 10—16 » »
2, 4, 6, 10—16 » »
```

^{1 41,} если допустить возможность одного ударения на стих.

```
III. С 3-мя ударениями:
4, 8, 10—8 вариантов словоразделов
4, 6, 10—8 » »
2, 6, 10—16 » »
6, 8, 10—4 » »
2, 8, 10—12 » »
IV. С 2-мя ударениями:
2, 10—8 вариантов словоразделов
4, 10—6 » »
6, 10—4 » »
8, 10—2 » »
```

Всего 152 варианта словоразделов (153, если допустить стих, состоящий из одного слова с ударением на 10-м слоге).

К этим результатам можно прийти теоретически двумя путями. Вопервых, простой комбинаторикой, как, например, на стр. 19 (такой подсчет страдает, правда, некоторой громоздкостью, но приводит к совершенно точным результатам), во-вторых, как показал Томашевский,— алгебраическим путем¹ (этот метод, однако, абстрагирует ритмические подвиды с тем же количеством ударсний и дает один общий результат для любого вида ямба, распадающегося на группы). Если также принять во внимание ямбы с дактилическими (и даже гипердактилическими) окончаниями в их реальной встречаем ости в русском классическом ямбе и составить точную таблицу ямбов со смещенными ударениями, можно значительно повысить количество вариантов к лассическо и об скоренными в количество вариантов к лассическом об включавшем как общие данные в свои расчеты редчайшие эксперименты и насчитавшего таким образом 1000 вариантов только для 4-стопного

Переходя от теоретического подсчета к природе русской речи, следует исключить 4 варианта со словами, выходящими за пределы русского поэтического языка, а именно:

При изучении текстов русских поэтов XVIII—XX вв. мы не нашли около 15 вариантов словоразделов, которые были вычислены предварительно. Это явление легко объяснимо: речь идет о комбинациях с ультрадлинными словами. Эксперименты, однако, показывают возможность создания стихов и с такими редкими сочетаниями, непривычными для слуха². Кроме того, следует отнести еще 30 вариантов к случаям, встре-

И он смотрел, тревоги смутной полн, На тучи, предвещающие шторм И заголакисающие / небо.

 $^{^1}$ См. расчеты Б. В. Томашевского по выведенной им формуле ${\rm N}_n=4{\rm N}_{n-1}-{\rm N}_{n-2}$ в его ки. «О стихе», стр. 204—205.

² Например (4,10):

чающимся лишь изолированно 1. Таким образом, около 100 вариантов составляют основу русского 5-стоиного ямба. Около 45 вариантов принадлежат к малоиспользованным или совсем не использованным возможностям.

Приблизительно те же соотношения находим и в 5-стоином хорее. В нем также встречается 152 варианта словоразделов, из которых 4 переходят за природную границу русского стиха. Это подтверждают и наблюдения Б. В. Томашевского, утверждавшего, что ямб и хорей — явления однородные, различающиеся только началом стиха (1-й стопой)².

Трехсложные размеры не могут представить такого разнообразия словоразделов, как двухсложные, так как ударения в дактиле, анапесте, амфибрахии (за редчайшим исключением) не обладают способностью «исчезать», как это мы наблюдали в ямбе и хорее. Между двумя акцентами в трехсложных размерах всегда 2 неударяемых слога. Отсюда следует, что максимально длинным словом для этих размеров будет α_2 ($\cup \cup \dot{-} \cup \cup$), а возможными вариантами слов следующие:

(т. е. всего 9 разновидностей). При пропуске одного ударения, что превращает анапест в хорей (как в известном стихе Некрасова: «Русоку́драя, голубоо́кая»), кроме α2, появляется (благодаря дактилической рифме) т2. Поэтому теоретически в 3-стоином анапесте возможны еще 6 словоразделов:

1)
$$\alpha\Sigma_{1}(\Sigma_{2})$$
 $\smile \dot{-}/\smile \dot{\bigcirc}$ $\downarrow \dot{\bigcirc}$ (\smile) (R)
2) $\alpha_{1}\pi_{1}(\pi_{2})$ $\cup \dot{-}/\smile \dot{\bigcirc}$ (\smile) (R)
3) $\alpha_{2}\tau_{1}(\tau_{2})$ $\cup \dot{-}/\smile \dot{\bigcirc}$ (\smile) (\smile)
4) $\alpha_{3}\alpha_{1}(\alpha_{2})$ $\cup \dot{-}/\smile \dot{\bigcirc}$ (\smile)
5) $\alpha_{4}\iota_{1}(\iota_{2})$ $\cup \dot{-}/\smile \dot{\bigcirc}$ (\smile) (R)
6) $\alpha_{5}\chi(\Delta)$ $\cup \dot{-}/\smile \dot{\bigcirc}$ (\smile) (R)

Несмотря на этот ограниченный по сравпению с ямбом и хореем диапазон, количество вариантов в трехсложных размерах довольно значительно. Так, 3-стопный амфибрахий (2, 5, 8) имеет 9 вариантов, а 5-стопный — 81 вариант, не считая тех еще мало исследованных случаев, когда этот размер поддается «пиррихизации» 3. Из редких примеров выпадения акцента в амфибрахии приведем стихи К. Павловой:

Постиг он / загадки / пебесных / светил, Ивменчивое / бытие / охватия

5-ударный амфибрахий:

¹ Наиболее редкие словоразделы ямба встречаются в XIX в. у Пушкина п

К. Павловой, а в XX в. у Блока, Брюсова и Сельвинского.

² «Ямб отличается от хорея только структурой первой стопы. . . Если у ямба отнять в начале один слог, он автоматически превращается в хорей» (Б. В. Томашевский, Стих и язык, стр. 53). ³ Эксперименты: 4-ударный амфибрахий:

Когда же / рассеялись / призраки / Фата Морганы U освободи́лась / душа́ / от маги́ческих / $n\sqrt[4]{m}$, Увидел он / однообразные / скорбные / страны; Там коршуны / кружат / и горькие / травы / растут.

Над темнотеку́чей / водо́ю Узо́рчатый / мра́мор / дворцо́в

В первую очередь мы рассмотрели в этой статье систему словоразделов в классических размерах. Обратясь к другим системам — дольнику, былинному стиху, мы находим те же тенденции (или законы), что и в ломоносовской версификации. Богатство вариантов всюду строго ограничено и подчинено математической комбинаторике.

Известно, что для дольника характерны неакцентированные промежутки в 1, 2, 3, 4, 5 слогов между двумя ударениями, в то время как 2-сложные размеры «пропускают» лишь нечетное количество (1, 3, 5, 7 слогов), а дактиль и анапест имеют между ударениями всегда 2 неакцентированных слога. Промежуток в четыре неакцентированных слога поэтому возможен в дольнике и народной поэзии, но не встречается в классических размерах. Дольник редко имеет 6 неакцентированных слогов, а 7 — представляют редчайший случай. Действительно, при 6 и 7 безударных слогах подряд мы пришли бы к стиху неблагозвучному и тяжеловесному, что ясно видно уже из схемы:

$$χμω(ω1) $\dot{-}$ \bigcirc / $\dot{-}$ / \bigcirc \bigcirc $\dot{-}$ (\bigcirc) 1, 3, 10 $χμΩ(Ω1) $\dot{-}$ \bigcirc / $\dot{-}$ / \bigcirc \bigcirc \bigcirc $\dot{-}$ (\bigcirc) 1, 3, 11$$$

Поэтому прав был Б. Унбегаун, утверждая (с пных теоретических позиций), что дольник по существу является лишь разновидностью силлаботонических размеров¹. К так называемому тоническому стиху можно вполне применить как цифровую запись ударений, так и условное обозначение словоразделов, предложенное нами. Это можно легко доказать при помощи примера из Маяковского:

В любом / учрежденьи, / куда / ни препожалуйте, Слышен / ладоней / скрип. Это, / при помощи / рукопожатий, Люди / разносят / грипп. Но бацилла / ни одна / не имеет / права Лезть / на тебя / без визы / наркомздрава.

Количество ударений от 3 до 4; доминанта ударений — 1, 4, 6 (10); разнообразие словоразделов (повторяется только $\chi_1\mu$); диапазон количества слогов (считая с последним ударением) — от 6 до 12; самое длинное слово — τ_2 . Заметим, что установив пределы и классифицировав варианты словоразделов (с указанием на максимально длинное слово), можно исчерпать в с е в и д ы дольпика (и даже вывести теоретически еще не использованные комбинации).

	U_U_U_U_/\(\frac{1}{2}\)\U_\(\frac{1}{2}\)	2, 5, 8, 11, 14
$\pi_1 \iota \alpha_2 \iota \iota$	0 ⁴	5, 8, 11, 14
$\iota_2\tau_2\Delta\chi$	0-00/000-00/00/-0	
	U-U/-U/U-U/-U/-U/U-	2, 5, 8, 11, 14

¹ Cm. B. O. Unbegaun, La versification russe, Paris, 1958, crp. 115-129.

Равным образом и в былинном стихе число безударных слогов между акцентами, за редчайшим исключением, не превышает 5 (но обычно колеблется между 1 и 4). Так, в известном (трехударном) отрывке максимальное расстояние между ударениями — 3 слога:

Для замечательной ритмики этих народных стихов характерно неподвижное первое ударение (на 3-м слоге) и второе, «движущееся» от 7 к к 4 (7—6—5—4). Движение это отражено в словоразделе. В былинном стихе 5 неударных слогов между двумя интенсивными групповыми акцентами встречаются довольно часто. Возможно также «неклассическое» расстояние в 4 слога:

 $\alpha_2 \ \alpha_1 \ \alpha$ Куда мо́лодец /поизво́лил/ погуля́ть 3,8,12

Расстояние в 4 слога особенно показательно для сказок и песен в народном духе первой половины XIX в., ритмика которых находится как бы посредине между былинным стихом и дольником. Например, в «Сказке о золотой рыбке»:

 $\Delta lpha_1 \, \iota_1$ Выпроси /дурачи́на/ коры́то 1,6,8 $\Delta lpha_2 \chi$ Сми́луйся /госуда́рыня/ ры́бка 1,6,8

Ср. в дольнике:

 $\iota_2\Delta_1\iota$ Танцо́вщицу /пля́шущую/ осу́ 2,5,10 (*Кувьмин*) $\tau_2\alpha_1$ У Константи́новской /батаре́и 4,9 (*Ахматова*)

Основной фонд словоразделов былинного стиха тот же, что и классического (13 видов). Благодаря группировке слов под одним главенствующим акцентом в былинном стихе возможны большие расстояния, чем если бы каждое слово было полноударным; все эти комбинации поддаются учету и классификации.

При сравнении словоразделов различных стихотворных систем выясняется, что наибольшее богатство вариантов свойственно 2-сложным классическим размерам — ямбу и хорею. Эти два размера полностью использовали и р и р о д н ы е в о з м о ж н о с т и русского слова.

Мы попытались последовательно установить систему словоразделов в русском языке и в русском стихосложении, определив тем самым одну из границ между языком прозы и языком стиха. Эту систему, выраженную в предложенных пами условных знаках, с небольшими изменениями в зависимости от специфики каждого языка можно применить и к другим индоевропейским языкам (особенно германским). Мы уверены в том, что впредь нельзя будет серьезно говорить о «полнейшей свободе в русском ударении» или утверждать, что существует «чистый тонический стих», независимый от количества неударных слогов. Все системы новых европейских языков (в том числе и романской группы) с и л л а б о - т оничны. Попутно мы показали, что словоразделы других «неклассических» систем русского стиха чрезвычайно близки к системе 2 -и 3-сложных размеров, что количество их вариантов ограничено, а также постарались объяснить причину изолированности и редкой встречаемости некоторых словоразделов. Особое внимание мы обратили на функцию длинных и ультрадлинных слов, столь важных для истории русского языка и для развития русской версификации¹.

¹ В этой статье мы вкратце изложили основные идеи подготовляемой нами книги «Словораздел в русской поэзии».

дискуссии и обсуждения

А. П. ДУЛЬЗОН

ВОПРОСЫ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РУССКИХ ТОПОНИМОВ СУБСТРАТНОГО ПРОИСХОЖЛЕНИЯ

Русская географическая терминология, как известно, во многих случаях восходит к соответствующим словам языков древнего аборигенного населения, ассимилированного русским народом. Термины такого промсхождения нельзя рассматривать как обычные заимствования; их анализ требует учета различных речевых особенностей субстратного (ассимилированного) населения, которые именно в реликтовых словах прежнего языка — топонимах — долгое время могли сохраняться даже после

перехода всего этого населения на русский язык.

Материалом для данной статьи явились русские топонимы Западной Сибири, в особенности те из них, которые восходят к кетскому языку, сыгравшему значительную роль в создании топонимии Сибири. Кеты (енисейские остяки), потомки которых теперь проживают на нижнем Енисее, по своему языку занимают изолированное положение всех аборигенных народов Сибири. Выяснение древних мест проживания кетов по сохранившимся топонимам представляет особенно большой интерес. Для решения этой задачи надо знать, какие топонимы являются кетскими по своему происхождению или хотя бы только по употреблению. Кетскими по происхождению мы считаем такие топонимы, морфологический состав которых полностью раскрывается из данного языка; кетскими по употреблению являются топонимы, в отношении которых известно только, что они были в употреблении у кетов, независимо от характера их морфологического состава. В связи с этим надо остановиться на некоторых вопросах методики исследования, в частности рассмотреть принципы этимологического анализа топонимов и установить критерии. которые позволяют признать топоним кетским по употреблению.

Давно уже подмечено, что географические названия однородных объектов (например, рек) можно по типу их структуры сгруппировать. Названия того или иного типа обычно бывают сосредоточены более или менее плотно в пределах определенной территории, составляющей ареал распространения этого типа. Наличие сходных топонимов на территории, которая первоначально была заселена разноязычным населением, нередко приводило исследователей к тому, что они сближали и сопоставляли топонимы по одному их внешнему облику, без достаточного учета особенностей тех языков, которые когда-то были распространены на этой территории. На основании таких сопоставлений выводились ареалы былого

распространения того или иного народа на данной территории.

При наивном подходе достаточным для таких выводов являлось уже общее звуковое сходство топонимов ¹. Более осторожные исследователи,

¹ См., например, [Абрамов], Догадки о значении имен некоторых мест Тобольской губернии, ЖМНП, 1841, май; С. К. Кузнецов, Русская историческая география. Курс лекций, читанных в Моск. археол. ин-те в 1907—1908 г., вып. І, М., 1910; Г. А. Меньшиков, О названиях рек и гор на Урале, «География] в школе», 1936, № 3, и др.

не ограничиваясь поверхностным сравнением, производили морфологический анализ слов и выделяли группы топонимов с одинаковыми элементами, такими, как: -ма, -ва, -га, -джа, -ба, -за, -ка, -ла, -ра, -ша, -я и т. д.¹. Наличие таких повторений в названиях рек, озер, гор и т. п. истолковывалось как указание на то, что «население, давшее эти названия, было одно и то же, с одним и тем же языком»².

На сходство многих гидронимов Западной Сибири с названиями русского Севера к западу от Урала указывал А. И. Соболевский; упоминания об этом сходстве имеются также у В. Б. Шостаковича, А. В. Попова, А. Орлова⁴. Сделанные исходя из этого сходства, выводы А. Орлова о первоначальном заселении Европы и Сибири финнами отличаются своей парадоксальностью 5. А. И. Соболевский при анализе названий широко использовал закономерные соответствия в звуках славянских и некоторых других индоевропейских языков на разных этапах их историн; свои лингвистические выводы он стремился подтвердить данными антропологии и этнографии 6. Тем не менее общий ход исследования А. И. Соболевского нельзя признать правильным, а выводы его — убедительными. Дело в том, что Соболевский (как и другие авторы) исходит из неверного общего положения, что все звучащее одинаково представляет собой одно и то же. Между тем, как мы увидим дальше, конечные элементы топонимов одного района (-га, -ма и т. д.) могут иметь совершенно иное происхождение, чем равнозвучные исходы топонимов другого района.

Так, например, окончание -га в топониме Лозынга (Томская обл.) не тождественно окончанию -га в топониме Кемчага (Тува): в первом случае оно селькупского происхождения, во втором — южносамодийского. Нередко даже полностью однозвучные слова, встречающиеся в разных, иногда очень удаленных друг от друга местах, фактически имеют совершенно различное происхождение. Так, пазвание Икса носят река, протекающая к западу от Урала, и приток средней Оби. В районе Урала Икса можно объяснить из марийск. икса «небольшая река»⁷. На средней Оби же топоним Икса, который произносится здесь как йикса, восходит к обско-тюрк. йиксу. Так как обско-тюркское наречие относится к числу йотирующих, то компоненту *йик* в чокающих тюркских наречиях соответствует форма чик, которая фактически встречается как название реки в ареале тюркского чоканья.

Различное происхождение могут иметь также однозвучные исходы слов, встречающиеся в топонимии одного и того же района. Например, окончание -ка в топониме Клюквенка (приток Кети) не тождественно окончанию -ка в топониме Лымбелька (приток Кети): в первом случае оно русского происхождения, во втором же происходит из селькупского языка. Следовательно, ареалы русских (по употреблению) топонимов с одинаковым исходом прямо не сводятся к ареалам распространения дорусского населения на соответствующей территории, и прежде чем говорить об определенном субстрате, об определенном народе-создателе

¹ См. А. Соболевский, Как исследовать местные названия?, ИОРЯС,

т. XXIII (1918), кн. 1, 1919, стр. 184.

² Его же, Русско-скифские этюды, ИОРЯС, т. XXVII (1922), 1924, стр. 259.

³ Его же, Названия рек и озер русского Севера, ИОРЯС, т. XXXII, 1927,

стр. 19, 38—42. 4 В. Б. Шостакович, Историко-этнографическое значение названий рек Сибири, сб. «Очерки по землеведенню й экономике Восточной Сибири» («Изв. Вост.сиб. отдела Русск. географич. об-ва», т. XLIX), Иркутск, 1926, стр. 126; А. В. П осио. отдела гусск. географпч. оо-ва», т. XLIX), Иркутск, 1926, стр. 126; А. В. II о-пов, Квопросу о хорографии и палеэтнографии Иркутской губернии, там же, стр. 135; А. Орлов, Происхождение названий русских и некоторых западноевронейских рек, городов, племен и местностей, Вельск, 1907.

⁵ См. А. Орлов, указ. соч., стр. 39.

⁶ А. Соболевский, Названия рек и озер русского Севера, стр. 27.

⁷ См. Б. А. Серебрении ков, Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР, ВЯ, 1955, № 6, стр. 28.

таких однотипных названий или элементов названий, надо доказать, что эти названия действительно представляют собой одно и то же слово или что сходные элементы в их составе являются одним и тем же формантом.

Вместе с тем указанный односторонний подход (принцип созвучности), не давая исследователю увидеть в нескольких равнозвучных названиях разных субстратных ареалов случайную омонимию, лишает его также возможности установить тождество нескольких разнозвучных названий, например топонимов Сульцыс и Шулдат, расположенных в одном и том же ареале и объясняемых диалектными особенностями языка-субстрата. Таким образом, остро встает вопрос о тщательно разработанной методике этимологического анализа топонимов, которая обеспечивала бы вполне надежные выводы.

Прежде всего, мы придерживаемся следующего общего принципа исследования: топонимы всегда составляют только особый разряд слов языка, и поэтому их анализ должен полностью подчиняться обычным правилам этимологических исследований. Анализ мы начинаем с определения языковой принадлежности каждого отдельного термина. Топоним мы считаем, например, русским по употреблению, если он обладает всеми грамматическими признаками, присущими имени существительному в русском языке. Так, например, Томь — русский географический термин, поскольку этому слову присущи форма и значение рода, дежа и числа; Ванджыль-кы (левый приток Тыма, правого притока Оби) русским словом не является, потому что оно не обладает указанными формами и значениями русского существительного. Этимологический анализ топонимов иноязычного происхождения всегда предполагает предварительное отделение специфических для русского языка грамматических форм. В названиях, например, рек Кия, Оя, Тея, Чуя, Коя, расположенных на рассматриваемой нами территории, отделяется -я как русская добавка. Правильность этого вывода подтверждается тем, что приведенные формы встречаются только в современном русском языке; языки же, из которых эти термины заимствованы (селькупский, тюркские, кетский), имеют эти названия только в форме $Ku,\,O,\,Te,\,Yy,\,Ko,\,$ как, впрочем, и русский язык XVII и XVIII вв. При введении таких нерусских названий рек в русский язык они присносабливаются к морфологической спстеме последнего, т. е. включаются в привычные серии моделей слов родного языка и оформляются либо как слова женского, либо как слова мужского рода (морфологическая адаптация). Следует при этом иметь в виду, что нерусским может быть в топовиме не только корень, но и элемент аффиксальный, ставший таковым в результате переосмысления состава слова при его введении в русский язык. Например: Лымбылька (приток Тыма) из селькуп. Лымбылькы; Юзик (приток Черного Июса) из хакас. узек, ўзех; Лозунга (приток Васюгана) из селькуп. Ло:зын-гы; Алма-Ата из казах. Алматы; Кемчик из южносамодийск. Кемчага; Косец (приток Кети) из енисейско-кетск. *Косес*.

Элиминирование специфических для данного языка грамматических форм дает возможность восстановить облик слова языка-субстрата с большей точностью. Но такая форма, полученная путем устранения посторонних для нее морфологических категорий, внесенных языком-передатчиком, может содержать, кроме того, различные искажения в своем звуковом составе. Такие искажения возникают в процессе фонетической адаптации иноязычного слова, в результате которой происходит замена непривычных звуков чужого языка похожими своими (субституция), выпадение звуков или их сочетаний, трудных для произношения (гаплология), более удобная перестановка звуков (метатеза), переосмысление незнакомого слова (ложная этимологизация) и другие изменения. Не следует думать, что адаптация производится только русскими. Часто она имеет место в среде двуязычных представителей народности, родной язык

которой подвергается ассимиляции. Например, чулымские тюрки, называя свои реки русскому собеседнику, как правило, опускают конечное 5, заменяют заднеязычный носовой согласный переднеязычным, произносят ю вместо ў, ё вместо о и т. п. Чистую форму подобного топонима в таких условиях можно услышать только в беседе представителей этого языка между собой. Иногда даже в устах одного и того же человека такой топоним адаптирован в той или иной мере — в зависимости от знания русского и языка-субстрата собеседниками, в зависимости от конкретных условий речевой ситуации. На нижнем Чулыме мне пришлось слышать, например, от одного и того же лица местное тюркское название речки, протекающей у дер. Ежи, в трех вариантах: Тоинду5, Тоинду, Тоинда. Итак, восстановление первоначальной формы топонима иноязычного происхождения немыслимо без учета тех изменений в форме, которые могли наступить благодаря адаптации.

Реконструкция субстратной основы слова в одних случаях представляет собой сравнительно простую операцию; в других же она связана с очень большими трудностями, и восстановленная основа остается гипотетической. Сравнительно легко восстанавливается, например, субстратная основа в названии Ачи-н-ск. После отделения русских суффиксов остается основа ачи, восходящая к этнониму ачы5 — названию ачинских татар верховьев Чулыма, на земле которых в 1641 г., был основан Ачинский острог; после перенесения его на новое место там впоследствии образовался г. Ачинск. По полевым записям автора 1957 г. название ачы5 до сих пор известно кызылам, проживающим в верховьях Чулыма и на Черном Июсе: ачы5— одно из названий кызыльских сеоков; ачы5тура — местное название г. Ачинска (буквально: «ачы 5 ский город»). По данным И. П. Фалька, Ачинская инородческая волость, в которой был основан Ачинский острог, в XVIII в. на местном тюркском языке носила название ачы 5 йон, т. е. «ачы 5 ский народ» 1. Отпадение заднеязычного звонкого щелевого звука 5 объясняется тем, что этот звук произносится очень кратко. Русскому языку в данной позиции звук 5 чужд и поэтому непривычным ухом обычно не воспринимается. Появление и вместо ы объясняется тем, что русский мягкий ч не терпит после себя звука ы. Побавим еще, что Ачинск не называется так по протекающей здесь речке Ачинке, как думают некоторые², а, наоборот, эта речка получила свое название от Ачинска (Ачинская речка, Ачинка); на месте первоначального основания Ачинска такой речки не было³.

Во многих случаях первоначальное название настолько искажено, что его восстановление без дополнительных данных совершенно невозможно. Очень важное значение при этом имеет привлечение всех русских диалектных вариантов названия данного объекта, всех исторически засвидетельствованных написаний (на географических картах, в трудах путешественников, в исторических актах), а в особенности всех вариантов, имеющихся в различных говорах местного дорусского населения (тюрков, селькупов, хантов, кетов). Во многих случаях без учета и сопоставления всего этого материала уверенно решить вопрос об этимологии толонима совершенно невозможно. Приведем пример.

На среднем Чулыме имеется населенный пункт *Ергоза*, расположенный на старице. Кроме этого названия, известны местные русские диалектные варианты: *Изырга*, *Иргаза*. Топоним разъясняется из среднечу-

¹ См. об этом: J. P. Falk, Beiträge zur topographischen Kenntnis des Russischen Reichs, Bd. 3, St.-Petersburg, 1786, стр. 556 (йон — нижнечулымская форма; в среднечулымском диалекте это слово звучит как чон, в кызыльском наречин — шон.)

² См. А. Щекатов, Географический словарь Российского государства, ч. I,

М., 1801, стр. 297.

⁸ Вопрос о значении корня слова *ачы* мы оставляем открытым. См. также: С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы, М., 1952, стр. 15

лымского названия старицы, на которой расположен поселок: эрги-зу 5 «старица» (буквально: «старая река»). В этом слове конечный согласный был отброшен, а оставшаяся часть (эргизу), осмысленная как винительный падеж, послужила основанием для создания по аналогии формы именительного падежа (эргиза). Так как первоначальное тюркское ударение на последнем слоге было сохранено, то предударные гласные как редуцированные легко могли изменить свое качество; форма Иргаза представляет собой метатезу, довольно близкую к оригиналу.

На этом же примере мы видим, как возникает в русском языкс «речной суффикс» -за. Аналогичным образом на тюркской территории изучаемого нами района Западной Сибири возникло окончание -са из слова cy_5 «река», - ∂a и -ma — из суффикса -mыг (например, Kaишma $\langle Ka$ мыштыг «камышевая»), -ла — из суффикса -лыг (например, Киндырла < < Киндырлыг «крапивная»); в селькупских районах: -гa — из -rb, -rb, -гу;-ка — из -ке,-кы, -к [например, Анга «курья» (на Оби) из селькуп. анггъ, анггу; Акка «курья» (на Кети) из селькуп. ак, акъ]; -джа, -ча из $-\partial \omega$, -u [например, Kаль $\partial \omega$ а (приток Оби) — из селькуп. κ аль $\partial \omega$ «илистый»]. Эти факты приводят к выводу, что надежный анализ топонима возможен только при точной лингвистическо-географической его локализации. При этом имеются в виду следующие отдельные моменты: на карту должны быть нанесены все однотипные названия (например, с «речным суффиксом» *сес* и его вариантами), являющиеся предметом специального исследования; на этой же карте должны быть отмечены ареалы распространения важнейших фонетических особенностей местных русских говоров, а также диалектов аборигенного нерусского населения. Кроме того, очень полезно нанести на карту также и все остальные типы названий неизвестного происхождения, поскольку это помогает выявить, при наличии субстрата, промежуточный язык. Приведем пример.

На территории распространения окончания сес в названиях рек можно констатировать в топонимах, помимо указанного, еще следующие окончания: ∂a , ca (к северу от Енисейска), ∂a , ∂o , κa , ϵa (в Нарымском крае) и ∂a , ла, на, та, са (в южной части Западной Сибири). К северу от Енисейска наряду с окончанием сес мы встречаем только окончания да и ca; при этом первое (∂a) только в названиях озер, второе (ca) только в названиях рек. В данном районе русский язык наслоился непосредственно на кетский, и ∂a восходит к кетскому ∂e^{γ} «озеро», а ca возникло из стяжения общего названия реки, встречающегося в сымском диалекте енисейско-кетского языка (ср. русск. \mathcal{A} ын ∂a из кетск. \mathcal{A} ын ∂e^{γ} , русск. Кыкса из кетск. Кыксс, Кыксис). В Нарымском крае, где наряду с сес или cem встречаются окончания $\partial a, \partial o, \kappa a, \varepsilon a,$ кеты были ассимилированы селькупами; окончания ка, га восходят к селькуп. кы, гы «река», а окончание ∂a , ∂o — к селькуп. mo, my «озеро» или кетск. ∂e^{γ} «озеро» (ср. Tогуль ∂ о из кетск. *Tогул' ∂e^{γ} «озеро с жесткой водой»). В южной части Западной Сибири кетская топонимика вошла сначала в различные тюркские языки и диалекты. В этом районе окончания ∂a , ла, на, та в тононимах с русским оформлением, как показало наше исследование, восходят к тюркскому суффиксу обладания лы5 и его вариантам (∂ ы5, ны5, ты т. д.), а окончание са — к общему названию реки су или су 5.

Само собой разумеется, что в географической топономастике имеется много названий, которые полностью разъясняются из определенного языка, например из русского (Каменка, Грязноватка, Шумиха). Кроме них, существует много терминов, заимствованных из другого языка, например Рейн — русский гидроним, заимствованный из немецкого. Нас здесь интересуют преимущественно не заимствованные термины, а топонимы иноязычного происхождения, вошедшие в данный язык путем языковой ассимиляции соответствующего иноязычного населения. Первоначальную форму такого топонима, восстановленную теоретически или же установленную либо путем опроса сохранившегося живого на-

селения, либо по старым записям, мы будем называть субстратной формой. Форму же, видоизмененную при ассимиляции, целесообразно называть суперстратной. Субстрат и суперстрат мы понимаем здесь в смысле чисто лингвистическом, т. е. как хронологическую последовательность наслоения внешних и внутренних особенностей слова, связанных с перемещением его из одного языка в другой в результате ассимиляции населения и смены одного языка другим. Так, например, Ванджылька — русская суперстратная форма названия правого притока Тыма; субстратная для русского языка форма $Bah\partial жыль-кы$, сохранившаяся в живом употреблении у местных селькупов, является чисто селькупским словом (ван $\partial \varkappa$ «нельма», ванджыл' «нельмовый», кы «река»).

В Западной Сибири нередко субстратная форма топонима является суперстратной в отношении другого языка; для языка, последнего по времени наслоения, такая форма, следовательно, является субсубстратной. Приведем пример. Название правого притока Чулыма (притока Оби) Китат, которое зафиксировано на географических картах, является русской суперстратной формой по отношению к тюркск. Кытат, которое сохранилось еще в живом употреблении у тюрков-аборигенов. Указанная русская форма в данном случае отличается от субстратной тюркской как своим звучанием (u вместо u, заднеязычное κ вместо язычкового k), так и грамматическим содержанием (в русском она имеет значение мужского рода, чего нет в тюркском слове). Но *Кытат* является тюркским словом только по употреблению, а не по своему происхождению; это слово восходит, оказывается, к субстратной для него кетской форме **Кытет*, фактически не засвидетельствованной, а восстанавливаемой теоретически. В процессе ассимиляции кетов (пумпокольцев) тюрками среднего Чудыма второй элемент в этом слове переменил свою огласовку в соответствии с сингармонией гласных, свойственной чулымско-тюркскому языку; кроме того, это слово потеряло значение неодушевленного рода, которое оно имело в кетском языке. Кытет является, таким образом, субсубстратной основой для русского топонима Китат.

На территории былого расселения кетов мы констатировали несколько районов с разносубстратным составом у русской географической терминологии. Укажем важнейшие из них. Русские географические названия, которые по своему происхождению восходят к кетским, имеют своим субстратом: 1) различные говоры и наречия кетов в бассейне притоков Енисея — рек Сым и Дубчес — и к востоку от Енисея, выше впадения Ангары; 2) различные тюркские языки и наречия в бассейне Томи, в верховьях Енисея, в бассейне среднего и верхнего Чулыма (приток Оби) и в бассейне пекоторых правых притоков Иртыша (Тара, Уй, Шиш, Туй, Демьянка); 3) различные диалекты селькупского языка на средней Оби, в частности на нижнем Чулыме, на Кети и Тыме; 4) различные говоры хантыйского языка в районе среднего и верхнего Васюгана (девый приток Оби), в верховьях Ваха (правый приток Оби) и по Оби, ниже устья Тыма (правый приток Оби); 5) бурятские говоры в бассейне Уды, притока Ангары;

б) южносамодийские наречия в верховьях Иртыша и Енисея.

При такой сложности топонимической стратиграфии, конечно, задача этимологического исследования весьма осложняется; однако, как мы увидим дальше, именно это обстоятельство одновременно и облегчает восстановление субстратных или субсубстратных основ этих топонимов, делая соответствующие выводы во многих случаях бесспорными, а в других - очень вероятными.

Наиболее трудно бывает восстановить первоначальную форму с у бсубстратных топонимов, видоизмененных благодаря двухкратной адаптации двумя различными языками. Но эта задача в данном случае облегчается тем, что наличный материал позволяет изучить закономерности адантации этих слов ассимилирующими языками. Конкретно можно выделить две ситуации: 1) адаптация русским языком топонимов тюркского, селькупского, хантыйского, южносамодийского, бурятского и кетского происхождения; 2) адаптация кетских топонимов тюркскими языками, селькунским, хантыйским, южносамодийским и бурятским. Правда, в действительности налицо не все звенья указанных процессов, знание которых было бы желательно: русским языком фактически были адантированы топонимы непосредственно только из трех кетских наре-(енисейско-кетского, ассанского и коттского). селькупским только из двух (енисейско-кетского и аринского), а хантыйским — из одного (енисейско-кетского); связи же кетского языка с южносамодийскими наречиями и бурятским языком пока еще мало исследованы. Особенно поучительно изучение процессов адаптации кетских топонимов тюркскими языками, потому что в данном случае ряд различных языков или наречий (хакасский, шорский, алтайский, чулымско-тюркский языки, иртышское, барабинское, томско-тюркское и обско-тюркское наречия), имеющих различный фонетический строй, восприняли топонимы из пяти известных нам кетских наречий, которые были связаны между собой довольно сложными звуковыми соответствиями.

Рассмотрим, например, топоним *Кизас* — так называется правый приток Малого Абакана, а также населенный пункт в устье однопменной речки, впадающей в р. Мрас-су, приток Томи; в первом случае топоним находится в районе хакасском, во втором — в шорском. По аналогии со многими другими подобными названиями мы выделяем в нем $\mathit{Ku} + \mathit{sac}.$ Оба эти элемента в отдельности фонетически вполне возможны как в шорском языке, так и в хакасском, но и в том, и в другом языке подобное сочетание их в одном слове недопустимо: согласно закону сингармонии гласных, свойственному этим языкам, зас не может стоять после слога с гласным переднего ряда. Отсюда мы заключаем, что в шорском и хакасском первый элемент звучал кы и превратился в ки путем подстановки звуков при переходе в русский язык. Таким образом восстанавливается тюркская субстратная форма Кызас. Эта форма находит свое полное подтверждение в следующих названиях: Кызас — правый приток р. Мрас-су (Шория) и населенный пункт на одноименной речке, впадающей в р. Кайзас (Хакассия); *Кызыс* — правый приток р. Тыгыс (район былого проживания иртышских татар, для языка которых характерны **си**нгармоничные варианты *зис, зыс); Кытат* — правый приток Кемчуга (район мелетских татар; относительно тат вместо зас см. ниже). Но на- ${f s}$ вание Kы ${f a}c$ на материале тюркских языков объяснить нельзя ни в целом, ни по частям. Можно поэтому предположить, что это субстратное слово. По второму элементу (зас) некоторые исследователи относят такие слова к кетским языкам. Это в большинстве случаев соответствует действительности, хотя до сих пор не получило полного лингвистического обоснования: затруднение состоит в том (большинство исследователей его даже и не заметили), что *зас* или сас ни в одном из кетских языков или их диалектов не засвидетельствовано в значении «река», хотя Н.Я. Марр и утверждал это 1. В таком значении употребляется кетское слово сес «река», мн. число cac «реки». Предположить, что элемент зас, зыс, cac, сыс восходит к кетской форме мн. числа совершенно невероятно, потому что эта форма в названии отдельной реки невозможна по смыслу и фактически не засвидетельствована ни в одном кетском топониме, записанном из уст кетов. Указанные формы являются тюркскими суперстратными видоизменениями кетского слова сес: после твердых основ в зависимости от особенностей действия закона сингармонии в данном тюркском наречии² появляется либо *зас, сас* (при двухвариантной системе аффиксов),

der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1882, crp. 42).

¹ См. Н. Я. М а р р, К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории, ИАН СССР, Серия VI, 1926, № 5-6, стр. 352.

² На это обстоятельство указал уже В. В. Радлов (см. W. R a d I o f f, Phonetik

дибо зас, сас, зыс, сыс (при наличии в этом тюркском диалекте большего числа сингармоничных вариантов аффиксов); начальный звонкий (з) появляется после гласных или сонорных согласных, а начальный глухой (с) — после глухих согласных в соответствии с действующим в тюркских языках и наречиях рассматриваемого нами района законом распределения глухих и звонких согласных внутри слова. Кетская огласовка (сес) могла сохраниться только после «мягких» основ в тех тюркских языках и наречиях, которые сохранили др.-тюрк. е (в шорском, хакасском, чулымско-тюркском). Некоторые иртышские тюркские наречия поэтому вообще не имеют элемента сес в топонимах; вместо него употребляются варианты сис, зис (см. табл.).

Субсубстратные кетские варианты общего названия реки в составе сложных топонимов и соответствующие им суперстратные варианты (селькупские, тюркские и русские)

Енискет-	Селькуп-[	Тюркские	Русские
ские	ские		
cec, c'ec	cec	cec, sec, ces,	c'ec, $s'ec$, $c'es(c)$,
		cac, sac, cas	cac, sac, cas(c)
cuc		cuc, suc,	c'uc, s'uc,
		сыс, выс	сыс, выс
ч'ec		ц'ис, цыс	цыс (орфогр. цис, цыс)
w'ew		w'uw	шыш (орфогр. шиш)
Коттские			
wem		шет, жет	wem, ж ет
ч'em		ч'em, ч'am	u'em, u'am
Пумпо-			
кольские			į
*mem		mem, dem, däm	$m'em$, $\partial'em$,
		mam , ∂am ,	mam , ∂am ,
	ļ	mom, dom	mom , ∂om
Аринские			
*cem	cem, sem		c'em, s'em
*cam	cam, sam		cam, sam
Ассанские			
yl	yl	$\ddot{y}l$, ул	ул' (орфогр. уль, юль) ,ул

Таким образом, тюркские суперстратные формы дают нам возможность определить характер основы («мягкая» или «твердая») в начальном компоненте (обычно односложном) кетского составного топонима. К сказанному следует добавить, что и в тюркском ареале довольно долго сохранялось воспоминание о том, что сес представляло собой отдельное слово: это сказывалось в сохранении и после твердых основ старой кетской огласовки. К. Риттер, который основывается главным образом на материалах XVIII в., приводит формы Ай-зесь, Ум-зесь, Пуг-зесь , которые известны теперь только в форме Айзас, Умзас, Погзас (Пугзас).

Сопоставительное изучение систем звуков тюркских и кетских языков (или селькупского с кетскими и т. д.), кроме того, дает возможность довольно точно определить и к а ч е с т в о восстанавливаемых звуков. Это восстановление основывается на наблюдениях над тем, какие звуки при переходе слова из одного языка в другой подвергаются субституции и какие нет. Например, почти все гласные (ы, и, е, а, о, у) тех кетских наречий, которые употребляют в значении «река» слово сес, передаются в шорском, хакасском, чулымско-тюркском языках гласными того же качества; однако разграничение гласных е и о на открытые и закрытые, которое в некоторых кетских говорах (в курейском, елогуйском) имеет фонематическое значение, в тюркских языках не сохраняется, так что в этих случаях требуются дополнительные данные для установления качества того или иного звука в восстанавливаемой кетской форме топо-

¹ К. Риттер, Землеведение Азии, т. IV, СПб., 1877, стр. 499, 500.

нима. Что же касается своеобразного лабиализованного гласного среднего подъема среднего ряда (\mathring{c}), имеющегося в названных наречиях и отсутствующего в тюркских, то он подвергается субституции обычно, по-видимому, звуками \ddot{o} или \dot{u} . Но окончательное установление качества гласного в кетской подоснове, когда суперстратная тюркская форма имеет в начальном слоге \ddot{o} или \dot{u} , возможно только при наличии дополнительных данных.

Дополнительными данными такого рода, имеющими важное значение для реконструкции субсубстратных форм тононимов, восходящих к кетскому языку, являются, например, разноязычные суперстратные формы, возникающие на основе одного и того же кетского тононима. Так, отсутствие сингармонии гласных в селькупском языке объясняет нам, почему в селькупских районах с кетским субстратом встречается только ссс; вместе с тем соответствия и расхождения в системах звуков селькупского и кетского языков при учете соответствующих данных тюркских языков позволяет нам уточнить в ряде случаев качество отдельных звуков кетской подосновы.

Для уточнения этого вопроса мы обратимся к рассмотрению аналогичного тюркского суперстратного гидронима $m\ddot{o}_5 \dot{y} l \partial e m$, в русской передаче Тегульдет — название населенного пункта, расположенного на одноименной речке Тегульдетке. Последняя находится в ареале былого распространения пумпокольской группы кетов, в языке которых река называлась mem; озвончение m после a — тюркское суперстратное явление, о чем выше уже говорилось. Тюркский звук у имеет свое близкое соответствие в кетском языке; в данном случае он произносится несколько смягченно после \ddot{o} начального слога по закону сингармонии (переходу в \ddot{y} мешает глубокий заднеязычный 5). Но звука \ddot{o} в кетском языке нет; он мог появиться в тюркском топониме только в порядке субституции специфического для кетского языка гласного ъ, акустически близкого к тюркскому ö. Таким образом, субстратная кетская форма топонима Тегульдет восстанавливается в виде тъ 5ул'тет. Если заменим здесь последний элемент через cec, то мы получим $m^* 5 y n'c'ec'$; это как раз и есть субсубстратная кетская форма топонима Тольсес или Тогульсес. В последнем звук о является селькупской субституцией звука ъ.

Название mosylcec имеет свою полную аналогию в топонимике, записанной автором из уст курейских кетов. Так называется маленькая речушка, впадающая в горное озеро Мундуйка. В этом слове mo или $m^{\circ}b$ означает «соль», ${}^{\circ}y_{\mathcal{N}}$ — «вода», c'ec' — «речка», т. е. все слово имеет значение «речка с соленой (жесткой) водой»; по своему построению и значению это слово полностью соответствует немецкому $Salzwasserflu\beta$. Мы видим, что звук \mathfrak{s} появился в порядке субституции звука \mathfrak{s} . Но субституция эта, возможно, и не суперстратная, а имевшая место уже в кетской под-

¹ См., например, карту Южной пограничной полосы Азиатской России (IV бис — Сургут, 1922).

основе. В пользу этого говорит то обстоятельство, что у курейских кетов автор наряду с $m\mathring{v}^{9}y$, «вода с солью», «жесткая вода» (Salzwasser) или $mo^{9}y$, (здесь о возникает в речи, по-видимому, в порядке регрессивной ассимиляции) слышал также mo: 5y, и даже mo: Ty, где гортанный смычный 9 замещен увулярным смычным Γ . С другой стороны, у тюрков среднего Чулыма, где еще в XVI в., вероятно, сохранялся кетский язык в живом употреблении, до сих пор встречается факультативное 9 вместо 5 в интервокальном положении в чисто тюркских словах, так что, например, произносят $\kappa u \vee \mathring{a}^{9} \mathring{a} \vee 8$ вместо $\kappa u \vee \mathring{a} = 3 \mathring{a} \vee 8$

Вернемся теперь к анализу топонима Кизас. Второй элемент этого слова в соответствующей кетской подоснове звучал как сес. Что же касается вопроса о качестве гласного в первом элементе слова, то его решить гораздо труднее. Здесь, к сожалению, отсутствуют показания живого селькупского языка. Хотя у нас и имеется топоним Кисес (так называется левый приток Сангильки — правого притока Тыма, а также правый приток р. Косес — тоже правого притока Тыма) на заведомо селькупской территории, но там селькупов больше нет, и название нам известно из уст русских; в селькупском языке возможно было бы как Kuсес, так и Кысес, а в русской передаче возможно только первое. Но так как на тюркской территории с кетским субстратом встречается также и Kusec (правый приток р. Мрас-су), то мы вправе предположить, что указанные выше суперстратные тюркские топонимы восходят к кетск. Кысес и Кисес (оба варианта, кы и ки, не только фонетически возможны в кетском, но и существуют как отдельные слова). Вопрос же о том, что лежет в основе приведенного селькупского названия, на основании одних фонетических сопоставлений решить не представляется возможным. Важно также учесть физико-географические, фито- и зоогеографические условия места нахождения данного географического объекта при установлении лексического значения восстанавливаемого кетского слова. Слово ки у сымских и имбатских кетов означает «новый», и сами кеты без колебаний переводили мпе Kucec как «Новая речка» $\,$ и $\,$ в значени $\,$ этого названия ничего странного или необычного не находили. Действительно, в условиях, например, бассейна Тыма с его огромными болотами легко можно предположить, что после большого половодья исток болота изменился или появился новый. Менее понятным является Kusecв горной местности Мрас-су, хотя аналогичные названия отмечаются в подобных же географических условиях в других местах (например, в Зальцбургских Альпах есть речка Нейбах, название которой по своему строснию и значению полностью совпадает с *Кизес* и *Кисес*).

Из предыдущего изложения видно, что надежный анализ топонимов предполагает знание и учет грамматических и фонетических особенностей тех языков, которые причастны к созданию этих топонимов, а также знание законов адаптации данным языком слов другого языка. Однако совершенио недостаточно учитывать одни качественные различия или схождения звуков; необходимо еще принимать во внимание, в какие ряды чередования они входят в данном языке п в какой ряд они вступают при переходе в другой язык. Это дает возможность отделить случайные совпадения от закономерных соответствий при омонимии названий в разных ареалах. Так, например, не учитывая указанных обстоятельств, можно было бы считать местное тюркское название Шет (по-русски — Четь) притока р. Кии идентичным со словом шст «река», которое имеется в соседнем к востоку коттском арсале; однако название этого притока, хотя оно и кетское, коттским, как мы увидим дальше, фактически не является. Аналогичным образом можно было усмотреть в названии реки Чулдат тюркско-кетское гибридное образование («река 🕂 река»), потому что в этом же районе действительно употребляется тюрк. чул в значении «река». Однако происхождение чул в составе топонима Чулдат и чул как самостоятельного слова совершенно различно.

Кроме того, учет рядов чередования звуков, свойственных воспринимающему языку, дает нам возможность установить тождество различных суперстратных вариантов с одной и той же субстратной основой. Возьмем пример. В чулымско-тюркском языке существует следующий, чередующийся по диалектам ряд звуков, соответствующих начальному звуку ч в древнетюркском языке: мелетский говор (Бирюлюсский район Красноярского края) вместо ч имеет с, тутальский (Тегульдетский район Томской области) — звук ш, нижнечулымский (Асиновский и Пышкино-Тропцкий районы Томской области, включая кюэрикское наречие на Кпе) — u. Отсюда вытекает, что одна и та же кетская подоснова, например *ц'ул, в чулымско-тюркском ареале может встретиться в таких вариантах: ц'ул, шул, сул; имея же в виду, что звук ц' в русском языке отсутствует и что он субституируется звуком ч', мы должны ожидать следующие русские варианты: чул, шул, сул, что и соответствует действительности. Таким образом выявляется, например, тождество названий y_{J} ул ∂am и $My_{J}\partial am$. То, что названия р. Четь и ее притока Чулдат, расположенных в тутальском диалектном ареале, имеют в русском начальное ч вместо тутальского w, объясняется тем, что эти названия были усвоены через кюэрикское наречие на Кие, куда впадает Четь и откуда двигались русские, осваивая этот район. А тот факт, что левый приток Чулыма — Шулдат (выше Ачинска) имеет начальное ш, находит свое объяснение в том, что местное население — кызылы, от которых получено это название, в своем языке имеют ш вместо др.-тюрк. ч, подобно тутальскому наречию.

Восстановление этимологии кетской субстратной основы осложняется тем, что различные звуки ес могут быть членами различных рядов чередований в кетских языках. В вышеприведенном конкретном случае кетские языки, как и тюркские, имеют чередование начального звука перед гласным среднего или заднего ряда, а именно: пумпокольскому ц' соответствует в аринском и асанском языках c' и m', в коттском — m и q, в имбатском — с и с'. Этот факт дает нам возможность отождествить чулымско-тюрк. чул- и шул-, восходящие к пумпокольской основе ц'ул, и основу сул, имеющуюся в топониме Сулзат из аринского ареала и в топониме Cульцис из енисейско-кетского и означающую «нельма» (это значение засвидетельствовано в последнем из языков). Вместе с тем мы видим, что ${\it Шулдam}$, имея начальный компонент, по звуковому составу и даже по значению совпадающий с коттск. *шул «нельма», все же коттским словом не является: начальное ш в этом слове возникло в результате фонстической адаптации кызылами пумпокольск. *u'ул «нельма». Точно так же ср.-чулымск. Шет (р. Четь) нами возводится на этом основании не к коттскому слову шет, а к пумпокольск. ц'ет, т'ет «река», хотя последние фактически и не засвидетельствованы.

К сказанному следует добавить, что выяснение этимологии субстратной основы затрудняется еще и тем, что параллельные кетско-тюркские ряды чередования звука территориально не совпадают и что нередко один и тот же звук такой основы может быть членом различных рядов чередования. Например, пумпокольск. μ '-, кроме указанного ряда, может входить еще в следующие ряды: пумпокольск. μ '-, имбатск. m-, ассанск. m-; пумпокольск. μ '-, имбатск. κ -, ассанск., коттск., аринск. (или нуль звука); конкретный ряд чередования зависит от происхождения данного звука или же определяется звуковым соседством. Знание всех этих рядов чередования при учете конкретных законов фонетической адаптации позволяет уже теоретически установить суперстратные формы слов и проверить их на практике, т. е. путем сопоставления с фактически засвидетельствованными.

Этимологический анализ топонима можно считать успешным только в том случае, если разъяснены все морфологические части слова и установлено их значение. Для проведения такого анализа применение ука-

занных выше приемов совершенно необходимо, но оно не является достаточным. Дело в том, что даже при полном соответствии частей топонима с известными словами того или иного языка может оставаться неясным, как следует понимать внутреннюю форму данного топонима. Так, например, топоним $\mathit{Исес}$ можно разложить либо на $\mathit{И-сеc}$, либо на $\mathit{Ис-сеc}$ (имея в виду, что отдельные согласные между гласными в кетском языке часто бывают полудолгими). Слово uc в кетском языке имеет значение «рыба», слово u — «солнце». Но не следует забывать, что u фактически является тюркской адаптацией кетского слова u что ту же самую форму получили бы в тюркских языках Западной Сибири кетские слова pu «имя», pu , «лабаз», hi «черемуха». Следовательно, топоним $\mathit{Исеc}$ может иметь не менее 5 различных толкований. Какое же из них следует считать правильным или наиболее вероятным?

Для решения такого рода вопросов необходимо выявить особенности национальных (т. е. связанных с определенным языком) систем классификаций терминов данного класса (названий рек, озер и т. д.). Эти системы, как показало изучение топонимов, употребляемых в живых языках Западной Сибири (селькупском, хантыйском, кетском и в различных тюркских языках и наречиях), являются весьма своеобразными и вомногом довольно сильно отличаются друг от друга. Изучение живого языка позволяет выявить не только основные типы морфологического строения топонимов, но и их семантические модели, свойственные тому или иному языку. Другими словами, оно дает возможность вскрыть мотивированность построения топонимов, которая определяется особой направленностью интересов данного общества по отношению к географическим объектам, особенностями материальных условий жизни народа и спецификой его исторического развития. Знание национального своеобразия семантики топонимов позволяет нам выделить среди различных и с формальной точки зрения одинаково допустимых толкований наиболее вероятное. Так, например, мы считаем этимологию названия р. Камзас — «стрела + река» — неправильной и связываем это название с имеющимся омонимом со значением «гусь», потому что кеты до сих пор в своих топонимах отмечают исключительно только такие особенности географических объектов, которые представляют практический интерес для охотника, рыболова и собирателя.

В заключение нам еще хочется указать на значение исследования живых русских говоров в тех местах, где русское население непосредственно соприкасается с иноязычным, и на необходимость сопоставления устных вариантов топонимов с письменными. В том и другом случае можно констатировать стремление говорящих или пишущих более или менее точно передать звуковой состав ассимилируемого слова. Однако реализуется это стремление по-разному. В то время как письменные варианты всегда в известной мере определяются особенностями графики данного языка и правилами орфографии, устные варианты топонимов в народных говорах свободны от стесняющего влияния традиций письма, а, кроме того, постоянное непосредственное общение дает возможность лучше распознать звуковой состав чужого слова и точнее его передавать. Вследствие этого учет устноразговорных суперстратных форм позволяет иногда уточнить звуковой состав того или иного слова, вошедшего в язык путем ассимиляции иноязычного населения.

№ 4

г. в. колшанский

О ПРИРОДЕ КОНТЕКСТА

В системе языка каждый элемент структуры имеет лишь относительно самостоятельное значение. Его значимость поэтому определяется в системе целого построения, координирующего взаимосвязь всех частей. Одной из форм проявления взаимозависимого характера элементов языка, выступающего в виде тех или иных коммуникативных единиц (словосочетание, предложение, абзац и т. д.), является так называемый контекст.

При условии многозначности языковых форм контекст становится решающим фактором при установлении истинного содержания соответствующей языковой формы. Строго говоря, вне контекста невозможно осуществление экспрессивно-коммуникативной функции языка, так как однозначность языковой формы возможна только в заданных условиях и получает свое смысловое выявление только в одном конкретном построении.

С лингвистической точки зрения контекст может быть определен как совокупность формально фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы (лексической, грамматической и т. д.); при этом под однозначностью следует понимать проявление в заданных условиях только одного конкретного содержания языковой формы (например, одного значения слова, одного значения грамматической формы и т. д.).

Понятие контекста связано с семантической стороной языка и имеет смысл только в пределах выявления значения языковой формы, но поскольку семантика обнаруживается конкретно лишь в какой-либо формальной структуре, то правильная расшифровка понятия контекста может быть предпринята при необходимом учете формально-языковых факторов. Контекстуальные условия, определяющие конкретное значение соответствующей языковой формы, должны находиться в сфере самого языка и могут быть извлечены из языковой материи каким-либо способом дешифровки данных признаков. Сами же способы истолкования контекстуальных признаков зависят, естественно, от характера этих признаков (последние могут быть подразделены на признаки, заключенные в рамках одного предложения, в рамках абзаца и в рамках всего текста).

Признаки, лежащие в границах одного предложения, можно назвать микроконтекстом, так как они находятся в плоскости минимального отрезка языка — отправного пункта содержательной речи. Рамки абзаца создают уже макроконтекст, а текстовые признаки можно причислить к разряду тематических (ситуационных), так как они не сосредоточиваются в одном определенном месте текста, а извлекаются из всего содержания материала.

Совокупность языковых условий (контекст) может быть расшифрована в процессе формирования точного смысла предложения (микроконтекст) только путем определенного активного логического процесса. Сами по себе признаки инертны и могут влиять на значение языковой формы дишь как отправной момент для опосредствованного процесса нахождения смыслового результата. Но поскольку способ отыскания вначения формы по контексту действителен только в области семантической сферы языка, то по своей природе этот способ является логическим приемом рассужде-

ния о значениях форм, но не процессом описания и классификации этих форм. При отыскании значения рассуждение должно быть направлено на отыскание значения на основе формальных признаков, а не на фиксацию их. Таким образом, этот процесс является логическим процессом умозаключения, выведения следствия из найденных посылок.

Здесь мы рассмотрим случаи определения лексического значения полисемического слова, независимо от способа его происхождения (метафора, метонимия, омонимия и т. д.), оставив в стороне вопросы грамматической полисемии.

По своей логической структуре рациональный процесс выбора необходимого значения слова по контексту представляет собой формирование вывода из разделительного умозаключения, где в большой посылке перечислены в форме дизьюнкции возможные значения соответствующего слова. Сам вывод делается на основе исключения неправильных вариантов из дизьюнкции большой посылки (малая посылка). Так, в большой посылке перечислены возможные значения слова A (А может иметь значение или B_1 , или B_2 , или B_3 и т. д.), в малой посылке исключаются варианты B_1 и B_2 , что затем дает в выводе значение для $A-B_3$. Например, при переводе немецкого слова *klagen* из трех его основных значений «сетовать», «оплакивать», «подавать в суд», которые фиксируются в большой посылке, по контексту, исходя из употребления предлогов (*über*, *ит*, *gegen*), исключаются два значения, а реализованный в соответствующей фразе третий вариант утверждается как правильный.

Процесс «понимания» текста, если он зависит от нахождения правильного варианта значения слов, состоит как раз в логическом анализе «подходящего» значения слова из всего имеющегося набора (например, указанного в словаре). При этом пользование словарем для узнавания возможных значений слова равносильно образованию разделительной большой посылки, а элиминирование «неподходящих» значений есть не что иное, как образование малой посылки.

Необходимо здесь заметить, что возможен и другой путь построения всего умозаключения, а именно — на основе истипности одного варианта значения делать вывод о непригодности других значений соответствующего слова. Использование той или иной разновидности разделительного умозаключения диктуется каждый данный раз практической целесообразностью и индивидуальными особенностями человека и не содержит в себе каких-либо принципиальных новых моментов.

Обстоятельством, усложняющим обработку малой посылки, является неопределенность самого заключения о бессмысленности фразы при подстановке ложного для данного случая значения слова, что может приводить к необходимости строить длинную цепь доказательств абсурдности смысла предложения. Здесь не всегда бывает возможным определить ложность варианта, а образуемая цепь доказательства не поддается пока конечному описанию вследствие отсутствия всех заданных признаков ложности смысла.

Итак, элиминирование частей дизъюнкции, другими словами, образование меньшей посылки, происходит путем подстановки вариантов значений слова во фразу, некоторые из которых затем снимаются как ложные на основании практически и теоретически (где это возможно) определяемой абсурдности смысла фразы. Проверке подвергаются все члены дизъюнкции. Так как ложность варианта в какой-то степени логически или в других случаях практически должна быть оправдана, то действующие здесь правила могут быть сгруппированы по некоторым признакам.

Наиболее простым и универсальным признаком, по которому определяется непригодность какого-либо значения слова, является тематический признак, другими словами, тематический контекст. При выборе значения слова этот вид контекста по заданной теме однозначно определяет пригодность варианта. Так, для перевода слова раствор на немецкий

язык (Lösung или Öffnung) решающим может быть указание на тему — химия или электротехника. Ограничительным условием этого вида контекста является однотипность текста, в случае же перекрещивающейся тематики в пределах одного текста использование этого признака будет регулироваться условиями макро- или микроконтекста. Если тематический контекст задан на весь однотипный текст, то по существу снятие альтернативы приводит к поиску термина.

При определении истинного значения по условиям макроконтекста ложность вариантов значения слова устанавливается путем определения абсурдности смысла всего абзаца (периода), т. е. смысловая ложность значения выводится путем определения непригодности данного значения для смысла всего абзаца. Например, в предложении Niemand hat die Absicht sein Recht... anzugreifen перевод глагола angreifen не может быть сделан правильно на основании микроконтекста («нападать», «атаковать», «посягать»), обращение же к смыслу абзаца подсказывает вариант «посягать на его право...».

Одним из самых распространенных случаев определения значения слова по контексту является использование микроконтекста, т. е. определение правильного значения слова по признаку смысла предложения. В рамках же предложения минимальным окружением слова является словосочетание из двух слов, стоящих в отношении определения и определяемого (атрибутивной связи). Так, перевод русских сочетаний запуск *спутника* и *запуск мотора* на немецкий язык, например, будет зависеть для слова запуск от определяемого второго слова (вариант для первого — $Abschu\beta$. для второго — Ankurbeln). Нахождение правильного варианта значения по данным словосочетания подчиняется также логическим правилам разделительного умозаключения, а именно — на основании значения всех переводов слова запуск (большая посылка) отбрасываются все значения, несогласуемые со вторым словом (малая посылка), и делается вывод об истинном для этого случая значении слова.

Словосочетание может состоять из нескольких или многих слов, и каждый раз выбор нужного значения зависит от данного в нормах языка употребления того или иного слова в соответствующем контексте. Например, русское сочетание эффективная операция по уничтожению вражеского гарнизона, . . . вредителей . . . при логическом анализе в целях перевода на немецкий язык примет нормальную форму после сопоставления значений слова операция и слова гарнизона, слов уничтожению и гарнизона. Этот анализ и даст затем различные переводы (Kampfhandlungen zur Vernichtung, в другом случае Мавпантел zur Bekämpfung).

Контекстуальное окружение слова может простираться влево и вправо и затрагивать слова любого ряда словосочетания. Когда же окружение выходит за рамки одного сочетания и захватывает обе части предложения (группу подлежащего и группу сказуемого), то в этом случае можно говорить о контексте всего предложения.

Например, русские предложения Туристы были размещены в палаточном лагере и Полк размещен в пункте Н переводятся на немецкий язык, исходя из контекста всего предложения (группы подлежащего и группы сказуемого) в первом случае (для глагола размещать) как unterbringen, а во втором stationieren, что для первого случая невозможно.

Таким образом, лингвистическое понятие контекста как совокупности языковых факторов, главным из которых является тематический фактор, макро- и микроконтекст, поддается логическому анализу и представляет собою в сущности построение обычного разделительного умозаключения. На основании этого можно утверждать, что «контекст» расшифровывается не посредством какой-либо интуиции, а посредством логического рассуждения, поддающегося в основном формальному описанию.

ОБ ОБРАЗОВАНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Учитывая все возрастающий интерес русистов и славистов к проблемам формирования славянских литературных и национально-разговорных языков, в первую очередь русского национального и литературного языка, редакция журнала «Вопросы языкознания» решила предложить ряд вопросов, обсуждение которых будет способствовать более глубокому пониманию процесса исторического развития русского литературного языка. Редакция предлагает славистам-русистам откликнуться на поставленные вопросы в виде кратких ответов (не более 5 страниц машинописи), которые будут публиковаться либо отдельно, либо в общих обзорах ответов, поступивших в редакцию. Автор анкеты — акад. В. В. Виноградов.

1. Какие явления и процессы в истории русских диалектных групи связаны с образованием языка великорусской народности?

2. Что унаследовал русский литературный язык XIII—XIV вв. от предшествующего периода и в чем сказалось влияние на него северовосточнорусского этнографического и двалектного (великорусского) окружения?

3. Как в свете новых данных следует представлять лексические, фравеологические и грамматические изменения русского литературного языка в период так называемого «второго югославянского влияния» (с конца XIV в. по середину XVI в.)?

4. Когда и как в произносительной системе русского литературного языка (по крайней мере, его народнокультурного типа) закрепилось аканье?

5. Чем объяснить усиление влияния и расширение функций деловой речи в стилистике древнерусской литературы XVI—XVII вв.?

6. Каково соотношение северновеликорусских и южновеликорусских диалектных элементов в деловых и литературных памятниках русского литературного языка XVI и XVII вв.?

7. В каком направлении протекали процессы нормализации русского

литературного языка в XVI и XVII вв.?

8. В чем заключается специфическое своеобразие соотношения и взаимодействия народнорусских и церковнославянских элементов в русском литературном языке XVI—XVII вв. сравнительно с белорусским и украписким литературными языками того же времени?

9. Как было приспособлено к русской литературно-речевой практике XVI и XVII вв. античное и средневековое европейское учение о трех

«родах глаголания», о трех стилях литературного языка?

10. Можно ли найти исторические аналогии между процессами развития русского литературного языка в поздний донациональный период и процессами развития литературных языков южного славянства (сербским, болгарским) в донациональную эпоху?

11. Какова была роль художественной литературы в развитии русского литературного языка со второй половины XVI в. до начала XVII в.?

- 12. Как отразилось на процессах формирования системы национального русского литературного языка развитие стилей стихотворной речи в XVIII в.?
- 13. Как развивался в XVII и XVIII вв. процесс общественного осознания основного грамматического и лексико-семантического ядра русского литературного языка в рамках системы трех стилей?
- 14. Можно ли найти некоторые общие закономерности в процессах взаимодействия, синонимического сопоставления и семантико-стилистического противопоставления народных русизмов и книжных «славянизмов» в истории русского литературного языка XVII и XVIII вв.?
- 15. Как определить и оценить влияние стилистической системы классицизма на развитие русского литературного языка и «языка» русской художественной литературы XVIII в.?
- 16. Каково было соотношение системы трех стилей литературной речи с жапровыми стилями и с индивидуальными стилями писателей в поэтике русского классицизма XVIII в.?
- 17. Какую роль в нормализации грамматической системы русского литературного языка XVIII в. сыграли грамматические труды (Адодурова, Ломоносова и др.)?
- 18. Как протекали процессы смещения и смещения границ между тремя стилими в области литературной лексики и фразеологии со второй половины XVIII в.?
- 19. В чем состояла и как происходила нормализация, а также стабилизация морфологической системы русского литературного языка в XVIII в. и в начале XIX в.?
- 20. Можно ли открыть систему или некоторые ряды синтаксической синопимики в конструктивных формах высокого стиля, с одной стороны, и среднего, а также простого, с другой, в русском литературном языке второй половины XVIII в.?
- 21. В какой мере исторически оправдано предположение, что средний стиль русского литературного языка XVIII в. лег в основу русской национально-языковой пормы литературного выражения?
- 22. Что такое «простой» пли «низкий» слог в русском литературном языке второй половины XVIII в., какие типы его различались в то время и каковы были пределы его литературных колебаний?
- 23. Чем отличались взгляды Радищева, Державина и Карамзина на пути дальнейшего развития языка русской художественной литературы и национального русского языка?
- 24. Как и когда сложились произносительные и грамматические нормы литературно-разговорной формы русского национального языка?

МАТЕРИАЛЫ И РАЗЫСКАНИЯ

г. и. геровский

ДРЕВНЕРУССКИЕ НАПИСАНИЯ ЖЧ, ЖГ И Г ПЕРЕД ПЕРЕДНИМИ ГЛАСНЫМИ

1

В древнерусских письменных памятниках новгородской традиции встречаются, как известно, написания со знаком ε перед передними гласными в словах $\Gamma \omega \rho \varepsilon u$ (греч. $\Gamma \varepsilon \omega \rho \gamma \iota o \zeta$) и $\partial \varepsilon \omega \varepsilon \varepsilon$ с производными. Другой способ написания тех же слов — с употреблением знаков $\omega \varepsilon u$ или $\omega \varepsilon (\partial \varepsilon \omega \varepsilon v)$ — находим в древнерусских юго-западных памятниках; в киевских и северо-восточных памятниках находим $\partial \varepsilon \omega \partial \varepsilon$, в Киевской летописи — $\mathcal{I}\omega \rho \partial u$. Возникает вопрос, соответствовала ли разница в написании этих слов каким-нибудь диалектным особенностям произношения в отдельных областях древней Руси.

Исследователи рассматривали указанные различные написания как отражение реальных особенностей древнерусских наречий. Считалось, что написание дъжчь отражает западное или юго-западное (галицко-волынское) диалектное произношение, написание же дъжгь, Гюрги — произношение северных наречий древнего Новгорода и Пскова 1.

Относительно предполагаемого произношения древнерусских написаний же, жч, ж $\hat{\sigma}$ мнения исследователей расходятся. Так, например, А. И. Соболевский отожествляет древнерусские написания ∂ ъжчь, рожчьк с нынешними диалектизмами: укр. дощь, ріще, приіщати или виіщати, а также белорусским дошчик, дощик, считая при этом, что соединение букв жч обозначало произношение глухое, а не звонкое, т. е. равнялось произношению буквы щ в древнерусском. Подобным же образом новгородское написание же Соболевский считает отражением действительно существовавшего там произношения². О том, что в памятниках после же всегда пишется в или ю и т. п., Соболевский не упоминает, хотя уже одно это обстоятельство делает невероятным предположение о возможности произношения типа $\partial \circ wer(v)$, роже(v)к. При указании на произношение $\partial \circ uu$ ь, ріщя в украинском не учитывается существование этих слов в ряде украинских говоров и со звонкими согласными (дождж, ріжджя), а также то обстоятельство, что ріщя восходит к образованию с суффиксом -ъка (укр. різка из розъка); ср. розку, розка, розъка в Луцком евангелии XIV в.³.

¹ Ср.: А. Соболевский, Очерки из истории русского языка, ч. 1, Киев, 1884, стр. 110—112; его же, Лекции по истории русского языка, 4-е изд., М., 1907, стр. 35, 37, 38; Е. Ф. Будде, Лекции по истории русского языка, 2-е изд., Казань, 1913; Р. Брандт, Лекции по истории русского языка, М., 1913, стр. 15—16; А. А. Шахматов, Очерк древпейшего периода истории русского языка, Пг., 1915, стр. 321—322; Н. Дурново, Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 177—179; К. Н. Меуег, Historische Grammatik der russischen Sprache, Bd. I, Bonn, 1923; W. Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I, 2-е Aufl., Göttingen, 1924, стр. 352.

² А. Соболевский, указ. сочинения (см. те же страницы). ³ См.: его же, Очерки из истории русского языка, стр. 45, 107; С. М. Кульбакин, Украинский язык, Харьков, 1919, стр. 41—42.

Ясно, что при глухом произношении жч не было бы никакой необходимости в новых комбинациях букв со звуковым значением обычной в древнерусском письме буквы щ. Р. Брандт правильно определяет звуковое значение написания жч западнорусских (дреговичских) и галицко-волынских памятников как $w'\hat{\sigma}'w'$, между тем как написание wг в новгородских и псковских памятниках он склонен читать как смягченное $\mathcal{M}'\partial'$.

A. А. Шахматов, признавая сочетание согласных $\mathscr{H}(\partial)\mathscr{H}(\mathcal{C})$ из зг переп передними гласными и из з ∂ перед j характерным для большинства древнерусских наречий, считает написание жи принадлежащим южнорусским или юго-западным памятникам. При определении значения г перед гласными е и и Шахматов исходит из звучания его в соответствующих греческих именах и местных названиях. Так, Герасимъ, кеюпьтъ, по его мнению, звучали јерас'имъ, јејуп'ьтъ подобно тогдашнему греческому произношению, где г(ү) перед передними гласными звучало как ј. Полагая, таким образом, что знаком г перед передними гласными передавался ј, Шахматов читает новгородское ∂ -ьжеь как ∂ -ьж' j b, приходя к заключению, что в новгородском говоре XI—XIV вв. заместителем праславянского зг перед передними гласными было жі. К этому Шахматов прибавляет и соответствующее изменение глухого сочетания ск перед передними гласными в $\epsilon \chi$ ' (где χ является глухим вариантом средненёбного фрикативного j): искати, ису еши, что передавалось буквой щ (ищеши). В этой связи Шахматов приводит и церковнославянские слова, где вместо um, $x\partial$ написано ш, жг или ж: въжгелавъши, пръжге (Минеи 1095 г.), рожгение, побъжгенъ, чюжгии (Софийская псалтырь XIV в.) и въжельвыши, бездъжье, иженуть, св жщеныи и т. д.2. Случаи употребления ш вместо щ в церковнославянских памятниках Щепкин объясняет, пожалуй, более обоснованно как возникшие путем пропуска нижней черточки в начертании буквы $oldsymbol{w}^{oldsymbol{s}}.$ Соответственно с этим можно считать вероятным, что и пропуск heta или $oldsymbol{arepsilon}$ в приведенных церковнославянских примерах нужно рассматривать как явление графическое. Написание жч в таких примерах, как *дъжчь, беж* чены «без жены» (Христианопольский апостол XII в.), Шахматов признает южнорусским способом письма с употреблением u в значении $\partial' \mathcal{K}'^4$.

В. Вондрак считал, что звуковое значение написания жеч было сходно с сербским звонким \hbar или венгерским gy^{δ} . Однако оба эти звука далеко не тожественны: \hbar является звонкой смягченной аффрикатой, мой у края переднего нёба средней спинкой языка; фрикативная составная часть этой аффрикаты одинакова с польским смягченным $z^6.$ От него коренным образом отличается gy, звучащее как смягченное альвеолярное ∂ '.

В своей недавно вышедшей «Исторической грамматике» П. Я. Черных возвращается к мнению А. И. Соболевского, считая, что новгородское написание жг (в слове дъжгь) «поддерживалось произношением»; а возникло \mathcal{H}' г' «из \mathcal{H}' д', которое в свою очередь из \mathcal{H}' д \mathcal{H}' » (стр. 148—149).

2

Ири определении звукового значения написания жч является необходимым установить, употреблялся ли знак ч, обозначающий в традиционном кирилловском письме глухую аффрикату тиш', также и для обозначения соответствующей звонкой аффрикаты ∂ ' κ '. В пользу этого имеется

² Р. Брандт, указ. соч., стр. 15—16. ² А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 175—180, 264 и сл., 321.

⁸ В. Н. Щепкин, Рассуждение о языке Саввиной книги, СПб., 1899, стр. 36.

A. A. III ахматов, указ. соч., стр. 175 и сл.
 W. Vondrák, указ. соч., стр. 352.
 Ср. О. Брок, Очерк физиологии славянской речи, СПб., 1910, стр. 44 и

достаточное множество убедительных доказательств в изданных В. Розовым южнорусских грамотах XIV-XV вв. 1. Так, например, в грамоте татарского хана Тохтамыша польскому королю Ягайле 1393 г. имеется написание Хожа (стр. 48) (Курашкевич считает русский текст грамоты составленным в канцелярии короля Ягайлы). Тюркское слово ходжа «учитель, ученый» передано тут кирилловскими буквами: Хожа; сочетанию дж соответствует ж с надписанным сверху ч(ж). В галичской грамоте 1424 г. (стр. 106) встречается написание отчества Жчюрьвичь, которое нужно читать как $\partial' m' \dot{q} p m' e s u u$ или, точнее, $\partial' m' \dot{q} p \partial' m' e s u u$. Аффриката $\partial' \mathscr{H}'$ в начале слова передана здесь также соединением букв \mathscr{H}' ; внутри слова знак ж поставлен выше строки, ч пропущено ради краткости или по недосмотру. Для обозначения звонкого $\partial' \mathcal{M}'$ в южнорусских грамотах могла употребляться и буква ч. Так, в грамоте литовско-русского великого князя Свидригайлы 1434 года находим семейное прозвище пана ксива Ψ_{ycu} (стр. 128), т. е. $E_{cu\phi a}$ Д'ж'юсы (род. п. ед. ч.). Можно бы думать, что упомянутое имя правильно читается $Ecu\phi a\ Yycu$, но против этого говорит встречающееся в другой грамоте того же князя Свидригайлы, написанной годом раньше (в 1433 г.), иное написание этого имени: «панъ андръи дчюса» (стр. 119). Ср. в другом месте: «приказъ па андръевь дчюси-

на маршалковъ» (там же). В основе написания да лежит тот же графический принцип, что и при написании чж. Из-за отсутствия установленного способа письменной передачи или особого знака писцы пользуются знаком ч для передачи звонкого $\partial' \mathcal{M}'$. С целью уточнить, что этот знак в данном случае обозначает звонкую, а не глухую, как обычно, аффрикату, вводится знак ∂ (перед ч) или ж (после ч), т. е. в обоих случаях знаки звонких согласных, присутствие которых в составе звопкой аффрикаты $\partial' \mathscr{H}'$ при произношении действительно ощущалось. Знак ч мог и сам по себе употребляться для обозначения дожения выше дожения выше выше выше выше выше выше форме \mathcal{H} чюрьвичь $^{\pi}\partial$ 'ж' в начале слова передано через жч, внутри же слова — через надстрочное ж. В той же грамоте 1424 г. читаем: «и своимъ братомъ ис жюрьмъ перероскимъ» (стр. 106). Тут написание жюрьмъ нужно читать $\partial' \mathcal{H}' y p \partial' \mathcal{H}' e M$, как доказывает уже рассмотренное написание Жюрьвичь. В другой грамоте (1422 г.) буква ж употреблена и в начале слова: «па иванъ жюржевичъ» (стр. 98). Чтение то же: $\partial' \varkappa' y \rho \partial' \varkappa' e \beta u u$. Наконец, в тех же южнорусских грамотах встречается и написание $\partial' \mathbf{ж}'$ с тем же звуковым значением: ср. в грамоте 1394 г., составленной в канцелярии короля Ягайлы, название села — Джюровъ (стр. 54).

3

В Ипатьевском списке встречается также написание жч. Как известно, этот список принадлежит перу севернорусского писца в Новгороде, который пользовался при этом южнорусским подлинником. Понятно, что при разном происхождении (в территориальном отношении) отдельных частей Ипатьевского списка в нем должны были отразиться различные местные влияния, в основе которых лежит не только различная диалектная принадлежность составителей отдельных частей, а также писцов, но и неодинаковые местные навыки письма. В этом отношении главная роль принадлежит несомненно Новгороду, где в XV в. был сделан дошедший до нас список. Такому состоянию языка и письма Ипатьевской летониси соот-

¹ См. В. Розов, Южнорусские грамоты, т. І, Киев, 1917.

ветствуют особенности в передаче слова $\partial o m \partial b$, которое встречается одно-

временно в трояком виде; тут чередуется дождь (1066), написанное книжным церковнославянским способом, с югозападнорусским написанием дожчь [«онѣмь же бьющимся съ греда и стрѣляющимъ межи собою, идяху стрѣлы, акы дожчь» (1097); «и бы дожчь, и стече снѣгъ биимъ промысломъ» (1146)] и с новгородским написанием дожгь [«у се же лѣто бы бездожгье» (1124); «дожгьцю бывшю и тучи велиции» (1114)]. В Лаврентьевской летониси, возникшей на северо-востоке (в Суздале-Владимире) в XIV в., отсутствуют последние два написания, и слово дождь встречается лишь в традиционной церковнославянской передаче [«того же лѣта, с весны, вѣтри силни быша, и дождове, и громове» (1300)]. Вероятно, Шахматов имел в виду Ипатьевскую летопись, отмечая, что написание жч (дожчь)

встречается иногда также в памятниках новгородского происхождения . Для того чтобы определить звуковое значение z в слове дъжzь, нужно прежде всего установить его употребление в аналогичных случаях. Этим путем шел А. А. Шахматов (см. выше), сопоставляя z в дъжzь со звуковым значением этого знака в заимствованных из греческого словах и полагая, что знак z равняется здесь звуку j. Того же взгляда придерживается В. М. Ганцов в своем описании языковых особенностей Радзивилловской летописи z. Еще раньше высказался в таком же смысле Л. Л. Васильев, обращая внимание на написание Ольердъ (при Олгърдъ) (XIV в.) и сопоставляя его с IOpьu = Jurji < Feopeuu, где произошел «переход z в j» Подобное мнение подтверждается тем, что имя I горгий I горого встречается в древнерусском наряду с I горги также и в звуковом виде I горьи, что указывает на произношение z = j(i), причем такие паписания, как IO горги, IO горьи (Лаврентьевская, Радзивилловская летописи), являются посредствующими ступенями графической передачи.

Во всяком случае несомненно, что в написании Гюрги мы не имеем перед собой действительное г. Потому является возможным употребление после z то ω , то y, то e или o, а также b с одинаковым звуковым значением. Так, например, читаем в Ипатьевской летописи под 1095 годом: «идоша Половић ко Гурьгову... Гюргевци же выбъгоша... И повелъ еппу Мюрину со Гурговић състъту... а Гюргевь зазгоша Половић тощь».Тут повторяется одно и то же название города с производными в двояком виде: Гурьгову, Гурговит и Гюргевь, Гюргевци. Эти написания во множестве встречаются в Ипатьевской летописи. В Лаврентьевской летописи наряду с Гургеву, Гюргевъ, Гюргевци имеется и написание без г в производном от названия города Юрьева — Юргевци (под 1095 годом). В разночтениях Радзивилловского и Академического списков здесь представлена форма Гургевци (там же). Написания Лаврентьевской летописи ясно свидетельствуют о z = j. Написания без г известны и в Ипатьевской летописи. Вообще же имя Георгий встречается в Ипатьевской летописи в следующих вариантах: Γ еоргии, Γ с ω рги α (1126, 1130, 1144); Γ ергия (1107); Γ юрги (1135); Γ юргеви, Гюргевича (1141) и т. п. Полная, воспроизводящая греческий вид этого имени книжная его разновидность (Георгии) встречается изредка, обыкновенно как имя святого, как собственное имя епископа, реже — князя; в разговорном же языке преобладала «простонародная» разновидность этого имени с ю (Гюрги). Нет сомнения в том, что Гюрги представляет фонетическое изменение этого имени в славянских устах при устном заимствовании; ю здесь является закономерной заменой греческого о славянским $oldsymbol{y}$ в заимствованных из греческого словах, пр $oldsymbol{n}$ предыдущее e стало неслоговым e(>i): Гюреи < Геурги (Геурги). Ср. канун из греч. хаую́у

¹ А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 180. ² См. В. М. Ганцов, Особенности языка Радзивилловского (Кенигсбергского)

списка летописи, ИОРЯС, т. XXXII, 1927, стр. 194.

⁸ См. Л. И. Васильев, Кистории звука в московском говоре в XIV—XVII веках, ИОРЯС, т. X, кн. 2, 1905, стр. 222—223.

«правило, устав, песнопение, которое поется на вечернем богослужении». Упомянутый выше единичный пример Гергию (род. п. ед. ч.), возможно, является компромиссной формой между книжным и простонародным видом этого имени, если это не простая описка; ср., однако, болг. Герги.

Если, следовательно, исходить из заимствованного при церковнославянском посредстве и письменной традиции значения знака г = фрикативный j впереди e, u, v, κ , то слово $\Gamma \omega \rho v u, \Gamma v \rho v u$ можно было бы читать как *iupii*. В пользу этого говорят многочисленные примеры в Лаврентьевской летописи, где наблюдается полный беспорядок в употреблении написаний со знаком г и без этого знака с одним и тем же звуковым значением. Имя одного и того же лица, великого князя Юрия Всеволодовича (1212— 1238), сына известного Всеволода Юрьевича из «Слова о полку Игореве», видоизменяется в летописном тексте, относящемся ко времени его деятельности, в следующем виде: Георгии, Юрги (1212), Гюрги, Георгію (1213), Юргемъ, Юрьсва, Юреи (1217), Гюрги (1218), Георгии (1219, 1220), Гюрги (1221, 1222), Георгия, Юргю (1223), Гюрги, Гюргевъ, Гюрги (1224, 1225), Гюрги, Георгии (1226), Гюргю, Гюрга, Гюрги (1227), Гюрги, Гюргеви, Гюргю, Юргева, Юрги (1228), Георгии, Гюргю, Юргі, Юрги (1230) и т. д. Попадаются и такие случаи, где знаки г и ь употребляются рядом одновременно; ср. в Лаврентьевской летописи: Гюрьгя (1151, 1155), Гюрьги (1157). Оба способа — со знаком г и без него — имели для писца одинаковое фонетическое значение — iypii. В Ипатьевской летописи написание IOpьu тоже встречается: IOpьu (1133, 1135). Таким образом, мы приходим к заключению, что в древнерусском существовало произношение знака г перед передними гласными в виде ј (или і), в пользу чего Лаврентьевский и Радзивилловский списки дают несомненные доказательства.

4

В Ипатьевской летописи имеется, однако, и другое написание того же имени, которое указывает на то, что знаку z в положении перед передними гласными принадлежит и иное звуковое значение. Мы имеем в виду написание \mathcal{L} i $\mathsf{$

а Дюрди Переюславчи, и стою ша 50 днии оу Киева». Ср. также: Дюрдови (1142), Дюрдови (1143), за Юрослалича, за Дюрд А (1144). В остальных руконисях Киевской летописи, входящих в состав Хлебниковского, Погодинского, Ермолаевского списков, находим то же написание этого имени. Соболевский, усматривая в написании Дюрдии диалектную особенность древнерусского киевского говора, считал эту форму звуковым изменением старшего Гюргии Начальной летописи (читая первое с мягким д, а последнее с мягким г) 1. Основанием для такого взгляда послужило известное в великорусских говорах изменение Овдокия Овдокия Овдокья Овдомья и т. п. К этому мнению присоединился в своем возражении на работу Соболевского о древнем киевском говоре А. Крымский, некритически сопоставляя формы Дюрдь, Дюрдии, Дюргь Ипатьевского списка с турецким заимствованием герданки, дьорданки (Киевская область), галицк. герда́н, дьорда́н «ожерелье из стеклянного бисера» (ср. серб. \hbar èорда́н) и ссылаясь на переход $m' > \kappa'$ в укр. κ iло < mъло 2.

Еще менее убедительно объяснение Шахматова, которое находится в явном противоречии с его взглядом на звуковое значение знака ε перед передними гласными. Как и у Соболевского, тут предполагается диалектное изменение $\kappa' > m'$ в заимствованных словах в древнерусском киевском говоре (Овъдотию, Лоутию, нъ); переход $\varepsilon' > \partial'$ в форме Дюрди должен

¹ А. И. Соболевский, Древнерусский говор, ИОРЯС, т. Х, кн. 1, 1905, стр. 319.

² А. Е. Крымский, Древнекиевский говор, ИОРЯС, т. XI, кн. 3, 1906, стр. 376 и сл.

был представлять звонкую параллель к нему¹. Однако остается невыясненным, каким образом Γ юрги, для которого принимается звуковое значение $J\dot{u}rji$, могло в то же время обозначать $G'\dot{u}rg'i$ и в пределах одного и того же памятника изменяться в $\mathcal{L} \omega \rho \partial u$ (D'urdi); ибо если и допустить для такого звукового изменения известные промежутки времени, которые, впрочем, не могли бы быть слишком большими, то все же не следует упускать из виду, что диалектная основа древнерусской Начальной летописи, где пишется Гюрги, и ее продолжения — Киевской летописи, где наряду с этим появляется $\mu \rho \partial u$,— одна и та же. Обе летописи являются литературными произведениями древнерусской столицы. Очень сомнительно, чтобы в одном и том же наречии, при одинаковом произношении, спустя два десятка лет вдруг появился новый вид этого имени — $\Pi \kappa p \partial u$. Необходимо, следовательно, предположить для древнерусского две параллельные, существовавшие одновременно формы произнощения одного и того же имени. Для допущения же существования смягченного (палатального) г' в древнерусском языке нет никаких уважительных причин.

Обратимся к старославянской традиции. В глаголическом письме имелся, как известно, особый знак м, служивший для передачи греческого γ перед e и i в заимствованиях из этого языка (в кирилловской транскрипции он обыкновенно передается посредством \hbar , в Супрасльской рукописи ему соответствует г); поэтому казалось естественным считать этот глаголический знак обозначением смягченного (палатального) г'. Однако в повейшее время преобладает склонность к предположению, что тут имелся в виду известный из греческого переднепалатальный фрикативный /, произносимый с сильным трением². То же звуковое значение предполагается и для кириллического г в тех же положениях в греческих заимствованиях. Однако греческое γ перед гласными e и i, звучавшее как переднепалатальный фрикативный (j с сильным трением), следует отличать от сочетания үү в том же положении, где г (в положении после задненёбного カ) до сих пор остается в греческом затворным (взрывным) согласным; оно ни в коем случае не могло передаваться славянским ні; предположение о существовании греческого диалектного nj, как это делает Дильс 3 , лишено всякого основания. Вероятно, глаголическому м соответствовало двоякое произношение. В словах *параскевьћи* из греч. παρασκευγή (со «вставным» фрикативным j после v=s), левъфитъ, ниневъфитъ (еванг.), ал \pm лоу \ddot{a} \ddot{b} , аллелоугъ \ddot{b} (псалт.), егоупьтъ (псалт.), гетьсимани («Савв. кн.») и т. п. произносилось j, но слова кванфелик (еванг.), ангель (псалт.), аггель («Савв. книга») произносились не со звуком ј, а со смягченной краепалатальной аффрикатой ∂ 'ж', которой на славянской почве было замещено необычное в славянских устах греческое взрывное үү в положении перед передними гласными. Эта аффриката до сих пор сохранилась в серб. јеванђеље, анђео. Вполне возможно видеть здесь воздействие балканороманского произношения этих слов (имея в виду тесный контакт южных славян с предками румын до XII в. и позднее с так называемыми цинцарами или аромунами). Cp. рум. inger «ангел» (= $uh\partial$ 'ж'ep) и George (= \mathcal{I} 'ж'op ∂ 'ж'e), где заместителем греч. γ (g) является ∂ 'ж'.

Старославянская традиция передачи греческих заимствований продолжалась в старосербском языке, где распространены написания с в в значении нынешнего сербского \mathfrak{h} . Ср. многочисленные примеры в сербских грамотах XIII—XV вв. 4; «мега, сь всѣмы мегами» (серб. међа «межа») (1254—1264, стр. 594), «к. Гюргь Балшикь, млади Гюргь» (= $\mathfrak{h}yp\mathfrak{h}$), «мегоу

h. 1 A. A. III ахматов, указ. соч., стр. 194.

2 Cp. P. Diels, Altkirchenslavische Grammatik, Tl. I, Heidelberg, 1932, стр. 48и сл. 147.

и сл., 147.

3 Ср. там же, стр. 49.

4 Приводится по кн.: Ст. Новаковић, Законски споменици српских држава средњега века, књ. 5, Београд, 1912.

Доубровчани и Срьбли» (=серб. међи «между, межь») (1387, стр. 200), «како си соу и пръге имали» (=пређе «прежде») (там же). Употребление знака ∂ вместо г также имеет в старосербской графике свое точное соответствие. Ср. в уже цитировавшейся грамоте XIII в: сь всъми медами... како к оть нее серб. $\hbar o \mu \hbar e$ «Георгий», $\hbar u \rho \hbar e \delta \delta u$ «день св. Георгия». Необходимо, следовательно, считаться с двояким значением глаголического М, кирилловского г перед передними гласными.

Конечно, не все составители, писцы и читатели славянских литературных произведений настолько хорошо говорили по-гречески и были знакомы с тонкостями греческого произношения, чтобы различать между z = iв Ниневьгить, Георгии и $e = \partial' m'$ из g в ангель. Поэтому нужно допустить, что при таком двояком значении знака г в положении перед передними гласными e и i были возможны оба произношения, а потому и имя arGammaсоргий могло звучать и действительно звучало как j, так и с ∂ ' $m{\varkappa}$ '. Доказывается это древнерусским написанием $\mathcal{J} \wp p \partial u$, где ∂ недвусмысленно обозначает произношение с аффрикатой $\partial' w'$. Буква ∂ не могла обозначать j, не могла она обозначать и ∂ ', которое не могло произойти из j. Ею передавали аффрикату ∂ ' $m{\kappa}$ ', для которой старались найти (из-за многозначности знака arepsilon, означавшего взрывное arepsilon, фрикативное γ и вместе с тем $ec{j}$ и ∂ 'arphiс') более подходящее обозначение. Знак ∂ , который читался как ∂ ' \mathcal{M} ', встречается в слове $\partial o m \partial b$, как оно писалось в Киеве по церковнославянскому способу. Что автор подлинника Киевской летописи, которому это правописное новшество, несомненно,принадлежит, произносил свое ∂ в \mathcal{L} $mp\partial u$ как ∂ 'm', видно из того, что в списках Киевской летописи оба знака употребляются в этом слове вперемежку как однозначащие. Отсюда следует, что звуковое вначение знака z равнялось аффрикате $\partial' \mathscr{H}'$ (при звуковом j знаки г и heta не могли бы сметиваться). Действительно, наряду с \mathcal{L} юр ∂u и $\Gamma \omega p z u$ в Киевской летописи имеются такие написания, как $\Gamma \omega p \partial u$ и Дюрги. Возможно, что новгородский писец, привнося свой новгородский способ обозначения ∂ 'ж', смещивал оба знака. Ни одного раза, однако, не встречаемся тут с написанием $IOp\partial u$ или $IIop_{bu}$, что указывало бы на произношение z = j. Нужно заметить, что в Инатьевской летописи нет также написаний Юрги или Гюрьи, которые характерны для Лаврентьевского списка. Здесь известны лишь написания с однозначащим употреблением букв г и ∂ : Гюрги (1135), Дюр ∂ и (1135), Гюр ∂ и (1136), Дюргев. Полное смешение s и ∂ в одном и том же значении, ясно свидетельствуемое приведенными написаниями, говорит вполне определенно о произношении $\partial' \mathcal{M}'$. В пользу этого говорят написания позднейших русских грамот, где было введено другое правописное новшество— чж или ж (иногда ч). Жчюрьвичь, Жюржевичь соответствует тут написаниям

Дюрдевичь или Гюрдевичь Киевской летописи, ис Жюрьмъ перероскимъ —

написаниям Дюрди или Гюрги, Дюрди, Гюрди.

Буква г перед передними гласными, следовательно, с самого начала имела в древнерусском языке двоякое значение: Гюрги, произносившееся с ј, повело к упрощенному написанию Юрьи; Гюрги с д'ж' было заменено для большей ясности правописанием Дюрди Киевской летописи и Чжюрчжи, Жюржи югозападнорусских грамот. Нынешний русский язык и его наречия сохранили произношение Юрий, Юра. Бывшее прежде в такой же мере «простонародным» arGamma arphi arphi реги =arPhi мрр ∂u (=arPhi ж $\omega
ho \partial$ жuй, arHatha К ω ржuй) было вытеснено книжной формой (или заимствованием) Георгий.

Обратимся к объяснению слова ∂ ъжгь (∂ ожгь), род. п. ед. числа ∂ ъжга $\{\partial o \mathcal{M} \in \mathcal{M}\}$, твор. п. ед. числа $\partial \circ \mathcal{M} \in \mathcal{M}$ емь, дат. п. ед. числа $\partial o \mathcal{M} \in \mathcal{M}$ ез $\partial \mathcal{M}$ и т. п. Ясно, что писец, употребляя ь и йотованные буквы к (л), ю, а также \boldsymbol{e} вместо o, хотел подчеркнуть иное звуковое значение знака г по сравнению с его значением в положении перед задними гласными a, o, y, b, b,где выступал задненёбный взрывной согласный. Шахматов, как мы видели, читал написание ∂ ъжгь как ∂ ъжіь, считая сочетание жі продолжением праслав. зг перед передними гласными, предшествующей ступенью нынешнего великорусского ж'ж'. Он вынужден был прибегнуть к историко-фонетической стилизации, гипотетически конструируя глухой эквивалент этого сочетания ш'х' (из ск) и выводя из него ш'ш'. Однако употребляемые в русском языке наряду с u'u', $\kappa'\partial'\kappa'$ сочетания uuu', $\kappa'\kappa'$ не нуждаются для своего объяснения в искусственно придуманных промежуточных ступенях, ибо получились они из u'm'u', $\kappa'\partial'\kappa'$ вследствие ослабления и полного устранения затвора. Уже эта необоснованность гипотезы с точки зрения артикуляционной делает объяснение слова $\partial v \mathcal{L} = \partial v \mathcal{L} \dot{v}$ неприемлемым; произношение $\partial v \mathcal{L} \dot{v}$ в живой речи никогда не существовало. Единственно возможным значением г в этом слове было д'ж'. Под написанием г в значении д'ж' в этом слове не скрывается какая-то мнимая диалектная особенность древнего новгородского говора, теперь будто бы исчезнувшая; оно является обозначением того же явления, которое в кневском и северо-восточном письме обозначалось посредством традиционного (церковнославянского) ∂ после \varkappa (∂ ъ \varkappa ∂ ь), в галицко-волынском и западнорусском — при помощи и $(\partial \tau \varkappa v_b)$. Всеми тремя написаниями передавался один и тот же закономерный заместитель праславянского зг перед передними гласными, т. е. смягченное сочетание $\mathcal{H}'\partial'\mathcal{H}'$. Различная графическая передача одной и той же аффрикаты $\hat{\theta}$ 'ж' в древнерусской письменности не может вызывать удивление: в кириллическом письме, в основе которого лежал старославянский звуковой состав, не было особого знака для аффрикаты $\partial' \mathscr{H}$. В письменной передаче слов с этой аффрикатой в сочетании с предыдущим ж в русском правописании до сих пор не выработано единообразия; ср. нынешние написания ∂p ожжи (до недавнего времени также $\partial poж\partial u$), $\partial oж\partial b$, $\partial oж\partial e so \ddot{u}$, приезжать, размозжить, вожжаться.

На основании сказанного приходим к следующим выводам. Развитие древнерусской графики шло разными путями. Киев, как средоточие древнерусской образованности, придерживается традиционных церковнославянских написаний $\partial o \omega \partial b$, $\Gamma \omega p e u$ (Начальная летопись) и вводит в XII в. правописное новшество $\mathcal{A}\omega p \partial u$ ($\partial'=\partial'\omega'$). Древнерусский северо-восток придерживается традиционного церковнославянского написания $\partial o \omega \partial b$ и пишет $\Gamma \omega p e u$ наряду с $\omega \omega p e u$, $\omega \omega v$, $\omega \omega v$ ($v \omega v$). В галицко-волынской и западной письменности, где знаком $v \omega v$ передавались согласные $v \omega v$ ($v \omega v$) и $v \omega v$, который мог заменяться знаком $v \omega v$ в значении звонкого и позднее стал употребляться и в слове $v \omega v$. Новгород, наоборот, $v \omega v$ по слова $v \omega v$ с звуковым значением $v \omega v$ примения $v \omega v$ примения и в написании $v \omega v$ примения и выписании $v \omega v$ примения примения и выписании $v \omega v$ примения и выписании $v \omega v$ прачичения прачичения прачичения

^{*} Покойный доп. Г. И. Геровский, видимо, не имел возможности ознакомиться со статьей Р. Якобсона «Спорный вопрос древнерусского правописания (дъжгь, дъжчь)» («Зборник у част А. Белића», Београд, 1937), специально посвященной исследуемому Г. П. Геровским вопросу. Учитывая данные русских диалектов и принимая во впимание графические особенности древнерусских памятников, Р. Якобсоп приходит к заключению о том, это рассматриваемые различия в написании (же в северных памятниках и жч в южных) не связаны с какими-либо различиями в произношении. Рефлексы сочетания ½'d'z', по мнению Р. Якобсона, совпадали на севере и юге древнерусского языкового мира. В статье делается интересная попытка объяснить наличие графических дублетов фонологическими различиями северной и южной систем согласных фонем.— Ред.

Г. ПОПОВСКА-ТАБОРСКА

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ КАШУБСКИХ ДОЛГОТ

Существование долгот у северных кашубов долгое время признавалось в лингвистической литературе бесспорным. Этому немало способствовало богатое научное наследие крупнейшего исследователя словинских и кашубских диалектов Ф. Лоренца, который при описании этих диалектов пользовался для обозначения долгот и интонации сложной системой знаков. Впервые существование кашубских фонодогических долгот было подвергнуто сомнению 3. Штибером в статье «Проблема кашубских долгих гласных»¹. Анализируя диалектный материал Й. Микколы и Ф. Лоренца², он пришел к мысли о том, что в конце XIX в. в словинском диалекте несомненное фонологическое различие долготы и краткости сохранилось толькоу гласных і и и. Подобным же образом изучение катубских данных, приведенных в работе Г. Брониша о говорах Ястарни и Бора на Хельском полуострове 3, показало наличие фонологического противопоставления долгого и краткого i только в районе Бора. На основании изучения материалов кашубского грамматиста Ф. Цейновы4, З. Штибер полагает, что в севернокашубских говорах второй половины XIX в. различия по длительности еще существовали, хотя и были близки к исчезновению.

Высказывания З. Штибера, а также богатый диалектный материал, собранный на территории всей Кашубщины 2-м Диалектологическим сектором Отделения языкознания ПАН, не оставляют сомнения в том, что кашубских фонологических долгот в настоящее время не существует. Для понимания факта их исчезновения следует более подробно остановиться на показаниях диалектологов прошлого века.

Особенно интересный в этом отношении материал дают работы о вымершем ныне словинском диалекте. Первое хронологически свидетельство И. Микколы (значительные неточности и неясности в обозначении ударения и количества не позволяют воспользоваться еще более ранними работами Гильфердинга) показывает, собственно говоря, отсутствие фонологических количественных различий: длительность гласных в значительной степени зависела от ударения. Ср.: «В настоящее время долгие гласные, действительно, встречаются только в ударенном слоге... Гласная, представляющая собой старую (пралехитскую) долгот у, подвергается с у ж е н и ю и большей или меньщей дифтонгизации, в то время как давняя краткая гласная произносится открыто»⁶. О независимых от ударения различиях по длительности можно говорить на осно-

¹ Z. Stieber, Zagadnienie iloczasu kaszubskiego, «Sprawozdania PAU», t. LI, **№ 8,** 1950.

² См.: Й. Миккола, Кизучению кашубских говоров, І. Несколько заметок по кашубским говорам в Северо-Восточной Померании, СПб., 1897; F. Lorentz.

Slovinzische Grammatik, CIIG., 1903.

3 G. Bronisch, Kaschubische Dialectstudien, AfslPh, Bd. XVIII, Hf. 3-4,

⁴ F. Cenôva, Skôrb kaszébskoslovjnskjè mòvé, Svjecè, 1866. ⁵ См., кроме вышеуказанной статьи: Z. Stieber, Elementy prozodii w dialektach kaszubskich (iloczas, intonacja wyrazowa, przycisk wyrazowy), «Slavia», ročn. XXVI, seš. 3, 1957.

⁶ J. Mikkola, Urslavische Grammatik, Tl. I, Heidelberg, 1913, crp. 141.

вании данных Й. Микколы только относительно i, u, a, u то, как кажется, с гораздо большей уверенностью для диалекта Большей Гардны (западнословинская область), нежели для восточнословинского диалекта Клюк. В этом убеждает анализ двух видов словинского ударения, различаемых Й. Микколой («острое» и «легкое» ударение). Первое из них «встречается только на долгих гласных или, точнее, на дифтонгах с долгим первым компонентом» 1, но «в этимологическом отношении гласный, на котором стоит острое ударение, может быть и кратким, хотя он под этим ударением удлинен» 2. Другое же ударение («легкое») встречается в Гардне на кратких гласных, и именно — на i, u и a. В этом случае различия по длительности от ударения не зависят (pj sac, но $p\bar{i}$ se; $m\hat{u}$ y a, но $s\hat{l}$

Взгляды Ф. Лоренца на вопросы количества в его работах о языке словинцев требуют более подробного рассмотрения ввиду сложности применяемой им системы знаков ударения и интонации³. В «Словинской грамматике» Ф. Лоренц различает три степени длительности: сверхдолгую (три моры), долгую (две моры) и краткую (одна мора); при этом мерой длительности является время звучания безударных θ , \ddot{a} , \ddot{a} в открытом слоге. Долгота ударенных гласных передается пятью различными способами в зависимости от интонации (акутовой или циркумфлексной), которая, по Ф. Лоренцу, свойственна каждой ударенной гласной. Таким образом, употребляются пять знаков: Л — для сверхдолгих акутовых, / — для долгих акутовых, \sim — для долгих под циркумфлексом, \searrow — для кратких акутовых, \sim — для кратких под циркумфлексом. Тем самым получаются пары: акутовые / (долгая) — 🔪 (краткая) и циркумфлексные \sim (долгая) — (краткая), а кроме того, \wedge — акутовая сверхдолгая. Эта сверхдолгая гласная по отношению к акутовым двухморным является комбинаторным вариантом. В записях восточнословинского диалекта, приводимых Φ . Лоренцом (pjīsā $\phi - pj\hat{\imath}ša$, но pjīskāc - pjišča), $\hat{\imath}$ выступает в открытом слоге, ї является его комбинаторным вариантом в закрытом слоге. Такая интерпретация материалов Ф. Лоренца отличается от мнения З. Штибера, который считает парой долгую и краткую гласную: $\hbar \tilde{\imath} d\tilde{a}c - \hbar \tilde{\imath} dq$, $p\hat{j}\tilde{\imath}s\tilde{a}c - p\hat{j}\tilde{\imath}s\tilde{q}$, или, другими словами,— двухморную и трехморную 4. В обозначении Ф. Лоренца эти пары сводятся к интонационным противопоставлениям (циркумфлекс — акут). При положении в закрытом «двухморный циркумфлекс — трехморный слоге соотношение сводится к соотношению: «двухморный циркумфлекс — двухморный акут». Таким образом, восточнословинские записи Ф. Лоренца скорее всего говорят об отсутствии фонологической долготы і и и. Наличие долготы было бы доказано только в том случае, если бы выявились пары: одноморная - двухморная (или трехморная в открытом слоге).

Подобное противопоставление — вопреки утверждениям проф. Штибера об отсутствии в материалах Ф. Лоренца ударенных одноморных фонем —встречается в западнословинском: jic = ji.dq, vji.skac = vji.sčq, pji.sac = pji.sq, vi.čic = vi.čq, pji.sac = pji.sq, vi.čic = vi.čq, pji.sac = pji.sq. Здесь везде

¹ Й. Миккола, К изучению кашубских говоров, стр. 7.

² Там же, стр. 12.
³ Как показывают материалы других диалектологов (Г. Брониша, К. Нича, М. Рудницкого, Т. Лера-Сплавинского) и как это доказал в упомянутых статьях З. Штибер, фонологическая словесная интонация в современных кашубских диалектах не существует и не существовала также и в языке словинцев. Вероятно, Ф. Лоренц принял за интонацию характерное при сильном динамическом ударении повышение тона на ударенных гласных.

⁴ См. Z. Stieber, Zagadnienie iloczasu kaszubskiego, стр. 505.
⁵ В записях Ф. Лоренца точка означает «фонетическое» удлинение (phonetische Dehnung) следующего согласного (в отличие от удлинения этимологического — etymologische Dehnung). Фонетическое удлинение согласного выступает исключительно в ударенных слогах, причем только после краткого гласного. Удлинение же этимологическое — ср. vyššy — от ударения не зависит.

представлены пары: одноморная — двухморная (трехморная), что позволяет предполагать в языке западных словинцев сохранение фопологической долготы *i*, *u*. Именно такое понимание показаний Ф. Лоренца, во-первых, в большей степени согласуется с данными его предшественника Й. Микколы, во-вторых, объясняет состояние, которое мы находим в материалах М. Рудницкого, относящихся главным образом к району Клюк, т. е. к восточнословинской области (см. ниже).

гласной (ә) под ударением.

Итак, в свете данных Ф. Лоренца, вопрос о наличии в западнословинском говоре фонологической долготы i, u не вызывает сомнений. Количественные различия выступают и в безударных позициях ($\chi i \cdot lac - \chi i \cdot lq$ наряду с $v \tilde{a} \chi i \cdot lac - v \tilde{a} \chi i \cdot lac$), хотя и менее четко: в краткой ступени удлинения согласной нет, долгая ступень, по терминологии Лоренца, представлена полудолгим (halblang) i, которое, однако, никогда, по-видимому, не совпадает с гласной краткой. В одном лишь случае можно говорить о нейтрализации фонологической долготы и краткости в западнословниском диалекте, именно, когда i находится перед j. По мнению Ф. Лоренца, удлинения согласной здесь не происходит (j остается кратким), а вместо этого удлиняется краткое ударенное i: bjija, pjija. Вообще весь материал Ф. Лоренца в области словинского вокализма (за исключением i, u и их рефлексов) поражает отчетливой зависимостью длительности гласных от ударения. Это хорошо представлял себе и сам Лоренц, когда рассматривал возможности появления долгих гласных и дифтонгов i.

В 1911 г. речь словиниев исследовал М. Рудницкий. Он склонен был считать пережитки старых фонологических долгот исключительной принадлежностью і. Это сохранение краткого и долгого і в основном наблюдается в восточнословинском говоре, наиболее подробно М. Рудницким, т. е. именно в том говоре, который, как показал Ф. Лоренц, должен иметь под ударением только долгие і и и. Свой вывод о сохранении различий по длительности у і Рудницкий высказывает весьма осторожно: «В некоторых случаях количественные различия еще сохраняются, однако они находятся в стадии непрерывного исчезновения»². М. Рудницкий обозначает долготу только над i, отмечая при этом, чтонаряду с формами с i имеются «параллельные формы с i обычной, средней для ударных гласных длительности, прежде всего в безударном положении» (разрядка моя.— Γ . Π .)³. Анализ словинских текстов М. Рудницкого показывает чрезвычайно большую пестроту при обозначении фонологической долготы i. Здесь имеется: $\gamma o' \ddot{\chi} i l a / |\gamma o' \ddot{\chi} i l a$, 'ciste//'cisto, 'pjītöl,//'pïtöl,'jīc//'jîc, 'rip//'rīр и т. д. Таким образом, почти каждый случай с долготой имеет свое соответствие с краткостью; долгота преимущественно выступает под ударением.

Из всего сказанного ясно, что фонологическая долгота была у словинцев явлением остаточным, ограничивалась исключительно гласными *i* и и и последовательно выступала только в западнословинских говорах.

Остается неясным, различались ли i, u только по долготе ($\bar{i} = i, \bar{u} = \check{u}$), или же здесь имели место и определенные качественные различия. Записи

¹ F. Lorentz, указ. соч., стр. 17 и сл.

² M. Rudnicki, Przyczynki do gramatyki i słownika narzecza słowińskiego, «Materiały i prace Komisji językowej», t. VI, Kraków, 1913, стр. 73—74.

³ Там же, стр. 27.

Ф. Лоренца показывают известные регулярные соотношения: 7 и й (они обозначаются здесь через i, u) и \bar{i}, \bar{u} (обозначаются через \ddot{i}, \ddot{u}). Первую пару Ф. Лоренц называет открытыми гласными (offene), вторую — закрытыми (geschlossene). М. Рудницкий высказывает сомнение, можно ли говорить о закрытом и открытом словинском и, и ищет причины разграничения, предложенного Лоренцем, на немецкой почве (нем. Hütte и hüten). Для і он решительно отвергает все паралдели с немецким языком: в немецком языке i всегда краткое, сниженное, i — долгое, высокое, а в словинском, по его мнению, качественной разницы между рефлексами старых і и і нет.

Что касается количественных отношений в ныне вымершем кабатском диалекте (глувчицко-цеценовский говор), то, как на это уже указывал 3. Штибер¹, материал, представленный Ф. Лоренцом в приложении к «Slovinzische Grammatik» (Die Lautlehre des Kabatkischen), говорит о полном отсутствии в этом говоре фонологических долгот и о сильной

зависимости длительности гласных от места ударения.

Перейдем к рассмотрению свидетельств сохранившихся до наших дней кашубских диалектов. Из материалов двух работ Ф. Цейновы, относящихся к шестидесятым годам XIX в. 2, следует, что в современных ему севернокашубских говорах долготы сохранялись, однако уже тогда появлялось влияние ударения на отношения количества³.

О еще более сильном воздействии ударения на длительность гласных свидетельствует материал, представленный Г. Бронишем в его монографии о говорах Ястарпи и Бора на Хельском полуострове, дополненной рядом диалектных текстов северной кашубщины 4. Факты Хельского полуострова ясно показывают, что фонологическое противопоставление долгого и краткого i сохранялось еще в конце XIX в. в Боре, но не сохранялось в Ястарие. Почти во всех текстах других говоров, Бронишем, а пменно — говора Халуп и Кузниц, говора Кемпы Сважевской и Кемпы Пуцкой, говора Люзина и меховско-стажинского, различаются ї и ї. Лишь говоры Пуцка, Полчина и Кемпы Оксывской представляют несколько иную картину: здесь произошло сокращение безударных гласных; ср. $\mathring{s}\mathring{y}l$, $\mathring{z}\mathring{y}l$, но 'pr $\~os\mathring{y}l$, 'c $\"orn\mathring{y}$, 'l $\"edz\mathring{y}$. В говорах Ясеня и Букова (деревни, расположенные на запад от Картуз) долготы, как пишет сам $\hat{\Gamma}$. Брониш 6 , выступают непоследовательно.

Как известно, при делении кашубских диалектов на северные и южные Ф. Лоренц исходил главным образом из факта сохранения у северных кашубов фонологических долгот. В южных поморских диалектах, писал он, «количественные различия гласных утратились. Долгих гласных нет, различаются лишь гласные, подвергающиеся или не подвергающиеся удлинению, причем в этом отношении их давняя долгота или краткость не играют никакой роли»⁷. Вопрекв такому пониманию, материал Лоренца показывает отсутствие фонологической долготы и на севере кашубской области. Старые количественные отношения продолжаются здесь в различиях тембра. При этом сомнения вызывают опять-таки только і и и. Ф. Лоренц и здесь применяет разные знаки для двух различных по тембру звуков i:i — для i,i — для i; равным образом u для u, u — для u. Говоря об истории i, он пишет: «Развитие поморского i происходит таким образом, что открытое i изменяется в суженное, тем самым сливаясь фонети-

¹ Z. Stieber, Zagadnienie iloczasu kaszubskiego, crp. 506.

² См.: F. Cenôva, указ. cou.; ero жe, Zarés do grammatikj Kaŝébsko-slovjn-skjè mòvé, Роznań, 1879.

³ Подробный анализ материала Ф. Цейновы содержится в статье З. Штибера «Zagadnienie iloczasu kaszubskiego» (crp. 507-508).

⁴ G. Bronisch, указ. coч. ⁵ Cp. Z. Stieber, Zagadnienie iloczasu kaszubskiego, cтр. 506—507. ⁶ G. Bronisch, указ. coч., стр. 88.

⁷ F. Lorentz, Teksty pomorskie, Kraków, 1924, стр. XXXIX.

чески с поморским $\ddot{\imath}$. Полное совпадение произошло в южной части поморской области..., где оба звука в ы р а в н я л и с ь т а к ж е в к о л ичественном отношении, тогда как в севернопоморских говорах выравнивание шло по качеству, а к о л и чественные р а з л и ч и я с о х р а н и л и с ь»¹. «В восточнословинском диалекте и в глувчицком говоре существует под ударением $\ddot{\imath}$ долгое, в о с т а л ьны х с л у ч а я х в е з д е к р а т к о е»² (разрядка моя.— Γ . Π .). Так же обстоит дело и с рефлексами u: в восточной части словинской области и в глувчицком говоре под ударением выступает долгое, без ударения краткое u. Малая и Большая Гардна (западнословинская область) и остальные севернопоморские говоры сохраняют под ударением краткое u.

Таким образом, западнословинская область не была единственным заповедником фонологической долготы і и и. Такое же положение (за очень незначительными исключениями для восточнословинских диалектов и глувчицкого говора) господствовало в севернокашубской области еще в начале XX в.

Любопытно, что дольше всего количественные различия сохраняются у i и u^3 , хотя именно для этих, самых кратких по своей природе гласных можно было бы ожидать наиболее раннюю утрату количественных отношений (так, например, в некоторых моравских говорах различия по длительности i-i, $\bar{u}-\bar{u}$ исчезали при одновременном сохранении количественных различий для других гласных). В польском языке, как и в моравских говорах, исчезновение долгот началось в гласных i, y, u. «...В этих гласных,— говорит В. Циран,— как наиболее кратких (по своей природе) различия по длительности и разница в тембре постепенно становились все менее заметными для слуха, так что их редко обозначали на письме. Таким образом, здесь эти различия исчезли раньше всего...» i^4 .

Возникает предположение, не был ли особый процесс исчезновения кашубских долгот каким-либо образом связан с чисто кашубским изменением $i, \check{u} \geqslant a$. В результате этого пары $\bar{\imath} = \check{\imath}, \bar{u} = \check{u}$ стали в некоторых позициях различаться по тембру ($\bar{\imath} - \check{\jmath}$, $\bar{\imath} - \check{\jmath}$); однако были случаи, где і и и не изменили своего качества и где долгота продолжала оставаться признаком (ї сохраняло свой тембр после основным различительным мягких согласных, \check{u} — после заднеязычных и губных). Для долгих i и й замена количественных различий качественными была труднее, чем для других гласных (особенно незначительной была качественная разница рефлексов $\overline{i}-\overline{i}$). Параллельно выступающие в языке пары: $\overline{i}-\overline{b}$, $\overline{u}-\overline{b}$ и $ar{t}-ar{t},\ ar{u}-ar{u}$ — могли влиять друг на друга. Качественно различающиеся пары могли способствовать сохранению длительности, т. е. единственного различительного признака пар, не изменивших тембра. В свою очередь наличие пар $\bar{\imath} = \bar{\imath}$, $\bar{u} = \check{u}$, несомненно, благоприятствовало сохранению долготы в параллельных $\overline{i} = \widecheck{\delta}, \, \overline{u} = \widecheck{\delta}$ (ср. западнословинские пары i = i . $ar{u} = reve{u}$ при всегда кратком z и отсутствие фонологической додготы в восточнословинском при одновременном появлении подударного долгого ə). Удлинение подударного ə ('mlēnoš «мельник», 'žāle «они жили», puedar- $^\prime$ ē \check{i} ē \check{s} «подаришь»), которое в настоящее время спорадически встречается в Боре и Ястарие на Хельском полуострове, — явление совсем новое, как и исчезновение противопоставления $\bar{\imath} - \check{\imath}$, $\bar{\imath} - \check{\imath}$.

Сильное динамическое ударение было, несомненно, одной из причин, вызвавших утрату старых количественных отношений у кашубов. Севернокашубское подвижное ударение и в настоящее время вызывает значительные различия в длительности и определенности артикуляции удар-

¹ F. Lorentz, Gramatyka pomorska, zesz. 3, Poznań, 1932, стр. 232. ² Там же, стр. 233.

³ На это обращает внимание 3. Штибер (см. «Zagadnienie iloczasu kaszubskiego»,

⁴ W. C y r a n, Ślady iloczasu w głównych zabytkach języka polskiego XIV i XV wieku, BPTJ, zesz. XI, 1952, crp. 17.

ных и безударных гласных, вследствие чего возникает целый ряд вариантов, зависящих от расположения ударения в высказывании. Еще определеннее «акцентная апофония» (термин Ф. Лоренца) выступала в словинских диалектах: «При самом сильном ударении выступают формы с вполне ясными и отчетливыми дифтонгами, под более слабым ударением дифтонги становятся менее четкими, переходят в звуки более или менее однородные.... В безударных же позициях это настоящие монофтонги» 1.

Таким образом, следует признать, что описанная выше зависимость от ударения отнюдь не способствует сохранению старых фонологических долгот. Если принять во внимание, во-первых, что в результате подвижного ударения одна и та же гласная находится в данной парадигме то под ударением, то вне его, во-вторых, что это ударение действует на старые долгие и на старые краткие гласные, наконец, в-третьих, что при сильно развитом фразовом ударении слово — в зависимости от его положения во фразе — может обладать более сильным или более слабым ударением (это влечет за собой разную степень дифтонгизации ударных гласных), — станет понятным исчезновение фонологической кашубской долготы.

В этой связи стоит обратить внимание на следующий курьез: именно на севере кашубщины, где динамическое ударение особенно сильно и вызывает отчетливые изменения гласных, долгота сохранялась дольше всего. Более слабое южнокашубское начальное ударение пе изменяет ударных гласных, хотя известно, что на юге количественные различия исчезли раньше. Польское постоянное ударение еще слабее, хотя в Польше исчезновение долгот, как полагают, произошло раньше, чем у кашубов. Эту проблему отчасти старается разрешить М. Рудницкий, устанавливая, что «зависимость длительности звука от акцента, как и переход словинских количественных различий в качественные, очень недавнего происхождения» 2. Признавая правдоподобие этой гипотезы, не следует, однако, забывать, что уже сравнительно давно некоторые изменения кашубского вокализма были в известной мере обусловлены ударением.

Именно такая, по всей вероятности, наиболее давняя зависимость от ударения представлена в кашубском переходе 🕻, й 🍃 г. Уже Ф. Лоренц обращал внимание на то, что в глувчицком, цеценовском, харбровсколэбском, осецком, гневинско-салинском и тыловском говорах «безударноө · łё регулярно выступает в виде łй: duŭžė, guyt, puietuuką puytuuką (наряду с русіці češ potužčeš и styčeka styžka), syйуй (наряду с sučeya $surange z z z^a$), $par u n \partial y$ (наряду с $puar w n \ddot a$) ... » 3 . Подобное явление было мною отмечено в обследованных севернокашубских диалектах. Ср.: guu' үг, guu' үгү (род. пад. мн. числа) при центральнокашубском 'guəxi 'guəxəx; 'duəksi, 'рцетцика, но 'stuska и рце'тцосев. Указанное изменение не но dyu'ži; ограничивается только старой группой -tũ-. Особенно много случаев такого рода известно в ссвернокашубском Вершхуцине. Ср.: 'рягиу, но 'zepsuy, 'psrla, но 'zepsula, а также: 'mry — 'umiy, 'mrla—' umila, 'šə μ ə-' μ uši μ ə, 'šələ-' μ ušilə; императив šu'kyta, но ср. центральнока-'vəšukota, но 'šəkójta, 'šəkój; '\$əketa; шубское kašubskyu.

Сильная зависимость от ударения наблюдается также в формах типа: 'buduiq — bu'dəies, 'daruiq — dá'rəies, 'drasuiq — dra'səies. Подобная какцентная апофония» свойственна на севере кашубской области старому і: 'uusīiq — uu'səies, 'uumiiq — uu'məies. Ср. засвидетельствованные Ф. Лоренцом kalváriiå velácii наряду с zökrəstəiö, Francəiö, bibləiö. Наконец, следует отметить сохранение в северо-западных кашубских деревнях (Вершхуцию, Жарновец, Дембки, Надоле) в безударном

¹ М. Rudnicki, указ. соч., стр. 50.

² Там же, стр. 26.

³ F. Lorentz, Gramatyka pomorska, crp. 226.

конечном слоге старого $t\check{y}$: $m \ni uy$, zepsuuy, c"igneuy, $p\check{s}e\check{s}uy$; ср. им. падеж мн. числа $\check{s}kouy$, stouy, $\check{s}eguy$, kuescouy. Подобные случаи находим и в

материалах Ф. Лоренца.

Из приведенных фактов, как видно, следует, что об «акцентной апофонии» в северокашубских областях можно говорить уже для времени изменения ₹, й ≥ ∂. Сильнее проявлялась она, по-видимому, в северо-западных кашубских диалектах, нежели в вымерших теперь словинских. Это едва ли не самый древний вид кашубской зависимости вокализма от ударения (если не считать старых, отличных от польских, кашубских сокращений и удлинений гласных, регулятором которых, по общепринятому мнению, было ударение). Затем словинские и близлежащие области охватила новая волна зависящих от ударения преобразований вокализма, вызвавшая существенные изменения как в тембре, так и в длительности ударных и безударных гласных. Несомненно, это уже был период исчезновения катшубских фонологических долгот.

Перевела с польского T. C. Tихомирова

в. м. жирмунский

ГОТСКИЕ *АІ*, *АU* С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ И ФОНОЛОГИИ

Вопрос о фонетическом и фонологическом значении готских диграфов ai, au, обозначающих в орфографии Вульфилы различные по своему историческому (этимологическому) происхождению звуки, до сих пор остается предметом дискуссии, чрезвычайно поучительной для истории языкознания и продолжающей быть актуальной и в наши дни 1. Различия точек зрения в этом вопросе в ряде случаев довольно отчетливо отражают общие методологические позиции участников этой дискуссии.

Перед другими согласными готский имеет только узкие гласные i, u там, где западногерманские и скандинавские языки различают e-i, o-u в зависимости от открытого или закрытого характера последующего гласного. Ср. гот. hilpan-hilpit, дрвнем. helfan-hilfit; прошедш. мн. числа hulpum- причастие II hulpans, дрвнем. hulfum- giholfan. Прочие возможные этимологические соответствия готских диграфов будут рассмотрены ниже (см. пп. 1—6).

Со времен Я. Гримма два фонетических значения гот. ai, au принято различать знаком ударения на первом или втором элементе: \acute{ai} , \acute{au} — дифтонги, $a\acute{i}$, $a\acute{u}$ — открытые краткие гласные.

Против точки зрения Я. Гримма первым выступил В. Вейнгертнер³, отстаивавший употребление диграфов только в значении е, о, кратких — в случаях преломления, долгих — на месте старых дифтонгов, которые «во времена Вульфилы» уже подверглись стяжению. Свидетельство этого произношения В. Вейнгертнер справедливо усматривал в системе написания иноязычных (греческих) слов.

Возражения В. Вейнгертнера были, однако, на долгое время отведены Ф. Дитрихом⁴, опиравшимся на рассмотрение орфографии готских собст-

¹ В учебном пособии М. М. Гухман «Готский язык» (М., 1958, стр. 37—42) дается краткое резюме основных разногласий, причем сам автор присоединяется к дифтонгической теории.

² J. Grimm, Deutsche Grammatik, Tl. I, 2-e Ausg., Göttingen, 1822, crp. 43—48.

³ W. Weingärtner, Die Aussprache des Gothischen zur Zeit des Ulfilas, singig. 1858. crp. 39—43.

Leipzig, 1858, crp. 39—43.

4 F. Dietrich, Cher die Aussprache des Gothischen während der Zeit seines Bestehens, Marburg, 1862.

венных имен в сочинениях латинских и греческих писателей, которая, по его мнению, свидетельствует в пользу дифтонгического произношения. Аналогичные по своей методике разыскания Ф. Вреде привели его к выводу, что стяжение дифтонгов \acute{ai} , $\acute{a}u$ в восточногерманских языках относится к более позднему времени (VI в.) 1.

В дальнейшем традиционную точку зрения (с различными частными ограничениями) отстаивали почти все авторы учебных пособий по исторической и сравнительной грамматике готского языка: В. Штрейтберг (со ссылкой в более поздних изданиях своей готской грамматики на мелодические наблюдения Э. Сиверса, как известно, крайне произвольные и субъективные) 2, В. Брауне (и еще более последовательно редактор последних изданий его учебника проф. К. Хельм)3, В. Вильманс и Ф. Клуге, М. Еллинек и Е. Кикерс, а в новейшее время Г. Краэ и В. Краузе 4. В специальных статьях ее защищали В. Пизани и Е. Зерт (последний с принципиально существенными оговорками) 5. Н. С. Трубецкой, не пересматривая этимологических основ господствовавшей теории, пытался примирить ее с фонологией путем признания фонетической эквивалентности готских дифтонгов $\acute{a}i$, $\acute{a}u$ открытыми долгими \ddot{e} , $\tilde{\rho}^6$.

Сомнения в правильности этой «классической» теории по частным поводам высказывали уже В. Шерер, Г. Пауль, в особенности О. Бремер 7, но наиболее последовательно новую точку зрения аргументировал и остаивал Г. Хирт⁸. Как и В. Вейнгертнер, он исходил из фонетической однозначности орфографии Вульфилы, предполагающей стяжение старых германских дифтонгов в его диалекте. Полемизируя со своими предшественниками, он писал: «До сих пор учебные пособия (Брауне, Штрейтберг, Еллинек) подсказывают нам мысль, будто Вульфила, составивший свой алфавит из трех других алфавитов, не был в состоянии различить в написании звуки e и ais. К точке зрения Γ . Хирта присоединился K. Марстрандер, ее приняли Дж. Райт и Ф. Моссе в своих учебных пособиях по гот-

F. L. Stamm — M. Heyne, Ulfilas, 13—14-e Aufl., hrsg. von F. Wrede, Paderborn, 1920, § 21 u cn.

W. Streitberg, Gotisches Elementarbuch, § 34, 7—8 (cp. 5-e Aufl., Heidelberg, 1928, § 68 u cn.).

W. Braune, Gotische Grammatik, §§ 20—26 (cp. 13-e Aufl., bearb. von K. Helm, Halle, 1952, crp. 13—20).

W. Wilmanns, Deutsche Grammatik, Bd. I, 2-e Aufl., Strassburg, 1897, crp. 228 (cp. 3-e Aufl., 1911, crp. 243—245, 345—347); F. Kluge, Die Elemente des Gotischen. Eine erste Einführung in die deutsche Sprachwissenschaft, Strassburg, 1921, crp. 19—21; M. H. Jellinek, Geschichte der gotischen Sprache, Berlin, 1926, crp. 42—44; E. Kieckers, Handbuch der vergleichenden gotischen Grammatik, München, 1923, crp. 7—8; H. Krahe, Historische Laut- und Formenlehre des Gotischen, Heidelberg, 1948, crp. 25—27, 34—35; W. Krause, Handbuch des Gotischen, München, 1953, crp. 62—63.

V. Pisani, La pronunzia di ai, au in Gotico, «Paideia», anno IV, № 2—3, 1949, crp. 113—120; E. H. Sehrt, Ai und au im Gotischen, c6. «Fragen und Forschungen im Bereich und Umkreis der germanischen Philologie (Festgabe für T. Frings zum 70 Geburtstag)», Berlin, 1956, crp. 1—11.

zum 70 Geburtstag)», Berlin, 1956, crp. 1-11.

6 N. Trubetzkoy, Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme, TCLP, 1, 1929, crp. 57.

7 W. Scherer, Zur Geschichte der deutschen Sprache, 2-e Ausg., Berlin, 1878, crp. 202; H. Paul, Beiträge zur Geschichte der Lautentwickelung und Formenassociation, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur» (PBB), Bd. VII,

879, crp. 157; O. B r e m e r, Germanisches ē, PBB, Bd. XI, 1886, crp. 51—76.

8 H. H i r t, Handbuch des Urgermanischen, Tl. I, Heidelberg, 1931, crp. 39—40; e r o ж e, Indogermanische Grammatik, Tl. I, Heidelberg, 1927, crp. 116; cm. e r o ж e, Vom schleifenden und gestossenen Ton in den indogermanischen Sprachen, IF, Bd. I, 1892, crp. 203—207; Zu den germanischen Auslautsgesetzen, IF, Bd. VI, 1896, crp. 58—64; Grammatische Miscellen, PBB, Bd. XVIII, 1893, crp. 283—290.

9 H. H i r t, Handbuch des Urgermanischen, Tl. I, crp. 39. Eme более резко—

в другом месте: «Вульфила, пользовавшийся тремя разными алфавитами, чтобы создать свое письмо, был бы совершенным идиотом, если бы не был в состоянии различить в письме ai от e, au от o» (см. «Indogermanische Grammatik», Tl. I, стр. 116).

¹ F. Wrede, Ober die Sprache der Wandalen, Strassburg, 1886, crp. 96-100; его же, Cher die Sprache der Ostgoten in Italien, Strassburg, 1891, стр. 165-166; F. L. Stamm — M. Heyne, Ulfilas, 13—14-e Aufl., hrsg. von F. Wrede, Pader-

скому языку и Е. Прокош в «Сравнительной грамматике германских языков» (последний, однако, основываясь на написаниях готских собственных имен у античных писателей, делает оговорку, что это «вопрос хронологический» — см. ниже). К ней присоединились в ряде специальных статей и американские фонологи². Наиболее подробную, хотя и не исчерпываюшую аргументацию содержат работы Ф. Моссе, Г. Пенцля и В. Бенпета, Все эти ученые исходят из основного аргумента Г. Хирта, справедливо указывая на невозможность таких противоречий в орфографии, которые приписывает Вульфиле традиционная точка зрения. По мнению Г. Пенцля, «нашим наиболее важным свидетельством является внутренняя последовательность орфографии Вульфилы. Иначе мы должны будем предположить, что он намеренно нашел возможным оставить необозначенными такие существенные качественные различия в формах слов, как прош. время táih (ед. число) — taihum (мн. число) [taih- — tęh-], táuh (ед. число) — taúhum (мн. число) [tauh — toh-], или в словах типа af-maímáit [-me-mail], ana-aíáik [-e-aik], haíháit [he-hait] и др., хотя он в то же время тщательно отмечал различия между i и j, u и w и сумел приспособить для своих целей знаки, заимствованные из трех различных алфавитов» 3.

Случаи двусмысленности «двухвалентной» интерпретации диграфов ai, au, приведенные Γ . Пенцлем, охватывают довольно обширные морфологические группы прошедшего времени широко употребительных сильных глаголов I и II ряда с основой на -h (7 глаголов) и редуплицирующих с корневым гласным а́і (7 глаголов). Сюда же относятся случаи, когда перед согласными r, h стоят не монофтонги, возникшие в результате готского преломления, а старые германские дифтонги аі, аи, сохранившие, согласно «классической» теории, свое дифтонгическое произношение $(\acute{a}i, \acute{a}n)$. Ср. гот. áih (наст. время ед. числа 1-го лица) «habe» (от áigan «haben», дринем. eigan), но aihts (жен. род.) «Eigentum»; áir «früh», áirus «Bote», но aírþa «Erde», airzeis «irre»; gaurs «traurig», но baurgs «Burg»; hauhs «hoch», auhuma «höher», но auhsa «Ochse». Такая путаная орфография вряд ли могла бы с успехом служить тем целям, которые ставил себе е пископ Вуль фила как «просветитель» готов 4.

Решающим доказательством в спорах подобного рода Г. Хирт считает способ написания иноязычных слов. В написании греческих и еврейских имен Вульфила всегда пользуется для греч. в и о принятыми им и в готских словах написаниями аі, аи (аі, ай). Для первого В. Штрейтберг насчить вает 83, для второго 42 примера 5. Ср. Paitrus (греч. Петрос), Aileisabaif (1 peu. 'Ελισάξετ), Λazaraif (1 peu. Ναζαρέθ), faiaufeilus (1 peu. Θεόφιλε), Saulaumon (1 peu. Σολομών), Assaum (1 peu. 'Ασόμ) 11 мн. др.

Написание а в значении открытого [е], долгого или краткого, было

¹ См. статью К. Марстрандера в «Norsk tidskrift för sprogvidenskap», hd. I. Oslo, 1928, стр. 232; J. Wright, Grammar of the Gothic language, (xford, 1910, стр. 362; F. Mossé, Manuel de la langue gotique, Paris, 1942, cτp. 40-44 (2-e éd., Paris,

F. M о s s é, Manuel de la langue gotique, Paris, 1942, стр. 40—44 (2-е éd., Paris, 1956, стр. 45—48); E. P г о k о s c h, A comparative Germanic grammar, Philadelphia, 1939 (русск. перевод: Э. Проком, Сравнительная грамматика германских языков, М., 1954, стр. 102—103).

2 См.: W. G. Moulton, The phonemes of Gothic, «Language», vol. 24, № 1, 1948, стр. 76—86; W. H. Bennet, The monophthongization of Gothic ái, áu, «Language», vol. 25, № 1, 1949, стр. 15—21; H. Penzl, Orthography and phonemes in Wulfila's Gothic, «Journ. of English and Germanic philology», vol. XLIX, № 2, 1950, стр. 207—230; E. P. Hamp, Gothic ai and au, «Modern language notes», vol. LXXI, № 4, 1956, стр. 265—269; его же, Gothic ai and au again, «Language», vol. 34, № 3, 1958, стр. 359—363; О. F. Jones, Gothic ai in inflectional syllables, «Language», vol. 32, № 4, 1956, стр. 633—640; его же, Gothic au in inflectional syllables, «Language», vol. 34, № 1, 1958, стр. 33—39; его же, Gothic iu, «Language», vol. 34, № 3, 1958, стр. 345—352; J. W. Marchand, [pen. накн.:] F. Mossé, Manuel de la langue gotique, «Language», vol. 33, № 2, 1957, стр. 231—240.

3 H. Penzl, указ. соч., стр. 230.

4 См. также В. М. Жирмунский, История немецкого языка, 4-е взд., М., 1956, стр. 88 (ср. 3-е изд., М., 1948, стр. 114).

6 W. Streitberg, указ. соч., §§ 19, 2 и 5.

подсказано Вульфиле позднегреческим произношением дифтонга αι 1. Написание au в значении открытого [9] соответствовало, вероятно, народнолатинскому произношению дифтонга au². Вместе с тем оно было полсказано составителю готского алфавита параллелизмом в использовании дифтонгов аі и аи в значении монофтонгов для аналогичного типа гласных среднего уровня. В орфографии Вульфилы наличествовал еще и третий диграф — ег для долгого [ї] в соответствии с фонетическим значением дифтонга $\epsilon\iota$ в позднегреческом. Ср. греч. ϵ іб ω λον > слав. $u\partial o n \delta$ (rot. steigan = repm. *stigan «steigen»)³.

Греческий дифтонг ал Вульфила транскрибирует aw во избежание смешения с гот. au [o]. Ср. гот. Pawlus (греч. Пайдос), Daweid (греч. Δαοείδ) и др. Отсутствие свойственной готскому монофтонгизации дифтонга $au > \bar{\varrho}(\varrho)$ в этих заимствованных словах, может быть, объясняется позднегреческим спирантным произношением $au > [aw]^4$. Ср. позднейшие славянские ваимствования: Павылъ «Павел» и др. В таком случае перед гласным вероятно слогоделение [da-wid] «Давид». Возможно, однако, что в основе этого написания лежит транслитерация, поскольку Вульфила вообще обозначает греч. v через w (ср. гот. $\mathit{swnagoge}$ — греч. συναγογή «синагога», гот. $Skw\hbar us$ — греч. Σχύθης). Показательна также передача греч. во через aiw (очевидно, aiw). Ср. гот. aiwlaugia — греч. εύλογία, гот. aiwaggeli — греч. εὐαγγέλιον «евангелье». Она также свидетельствует о принятой в орфографии Вульфилы передаче греч. $\varepsilon = \text{гот. } ai \ (ai)$.

Написание а ј в греческих словах не встречается, поскольку в позднегреческом $ai > \bar{\ell}$ (e) и обозначается Вульфилой как ai (ai). Ср. гот. $Maar{p}ar{p}aius$ — греч. Ματhetaαῖος (слав. Mam hetaeŭ), гот. Farisaieis — греч. φαρισαῖοι (слав. фарисеи).

Написания aw, aj в готских словах (в отличие от ai, au) встречаются только перед гласными. Ср. hawi «Heu» waja- «weh-» и др. (см. ниже n. 5).

Для чтения готских диграфов ai, au большое значение имеет ряд других фономорфологических категорий, не укладывающихся в два указанных выше основных типа. Все они говорят о монофтонгическом произношении (аі, аи).

- 1. В редупликации перфекта гот. ai [e] соответствует и.-е. -e-. Ср. haihald «hielt», lailot «liess» и др. (ср. перфект лат. te-tigi, греч. λέ-λοιπα и др.). Предполагать здесь дифтонгизацию нет никаких оснований.
- 2. Открытое краткое *е* наличествует, по-видимому, в гот. а́рраи «oder» (ср. дреакс. eddo, arc. edda, дрисл. eda), waila «wohl» (ср. дреакс. wela, дрвнем. wela, arc. wel, дрисл. vel), saí «sieh (da)» (по-видимому, неударная форма от повелит. накл. saíhw «смотри» — ср. дрвнем. se «вот»). Краткое e сохранилось здесь, вероятно, в неударном положении; предположить наличие дифтонга $\acute{a}i$ нет никаких этимологических оснований. Сюда же, может быть, относится наречие $au/t\bar{o}$ «vielleicht», отмеченное однажды также в форме $u/t\bar{o}$ (Mk. XXVII, 64).
- $3. \,$ Написания $\,ai, \,au\,$ встречаются перед гласными (в «зиянии») для обозначения звука, которому в других германских языках соответствует долгий гласный.

Cp. гот. saían «säen» (дрсакс. sāian, дрвнем. sāen, агс. sāwan, дрисл. waian «wehen» (дрвнем. $war{a}en$, агс. $war{a}wan <$ герм. $*we_1$ -; слав. еtяmuи др.); гот. faían «tadeln» (греч. тῆ-μα «Leid» и др.); ср. также гот. armaío (жен. род) «Barmherzigkeit» (от arms «arm»); гот. baúan «bauen»

¹ Cm. E. Sturtevant, The pronunciation of Greek and Latin, Philadelphia, 1940, стр. 48—50. ² Там же, стр. 130—132.

³ Там же, стр. 40-41.

⁴ Там же, стр. 54—55.

(дреакс., агс., дрвнем. $b\bar{u}an$, дрисл. $b\bar{u}a$, дршвед. $b\bar{o}a$); гот. trauan«trauen» (дрсакс. trūōn, дрвнем. trūēn, дрисл. trūa, дршвед. trōa); гот. b-naúan «zerreiben» (дрвнем. $n\bar{u}an$, дрисл. $g-n\bar{u}a$, дршвед. $g-n\bar{o}a$).

В основе типа saian и т. д., по свидетельству всех других германских языков, лежит герм. \bar{e}_1 (и.-е. \bar{e}). Ср. гот. manase \bar{p} s «Menschheit» (букваль $s\bar{a}d$. «Menschen-saat») — дрвнем. $s\bar{a}t$, дрисл. дреакс. sad.sæd «Saat». Для объяснения гот. baúan и др. следует исходить из дршвед. $b\bar{o}a$, $tr\bar{o}a$, $-n\bar{o}a$, в которых герм. \bar{u} перед гласными регулярно представдено как б: готский язык с точки зрения лингвистической географии исторически связан с восточноскандинавским («гаутским») и является его ответвлением 1. Чтение ай подтверждается написанием греческих слов с w перед гласным. Ср. гот. Traúas — греч. Троа́с «Троя», гот. Naúel — греч. Νωέ «Ной».

От глагола saían встречаются формы со вставным -j-: несколько раз saijib рядом с saiib, в одном случае также saijands (Mk. IV, 14)2. Разумеется, это не старый германский дифтонг \bar{e}_{j} , как полагают некоторые исследователи (со ссылкой на слав. c5 («сею», 6 вы «вею») 3, а секундарное образование, переходный звук («hiatusfüllender Laut»), который часто появляется в древневерхненемецком в формах і, и или h между ударным гласным основы и неударным гласным окончания в глаголах с зиянием («verba pura»). Ср. дрвнем. sāan (sāen), sāian (sāien), sāwan, sāhan «säen», также sāio «Sämann»; wāian «wehen», blāian «blähen», bluoian, bluohan «blühen», krāwan «krähen» и др. 4; также arc. sāwan, wāwan и др. Современные диалекты знают много случаев спонтанного развития таких переходных звув глаголах этого типа 5. Приведенными примерами опровергается необоснованное утверждение Г. Якобзона, будто переходный звук і может появиться в зиянии только после i, а потому ai в saijis, saian и др. должен читаться как дифтонг⁶.

В. Штрейтберг и В. Брауне предполагали наличие в этой позиции широких долгих гласных \bar{x} , \hat{a}^{7} . Мне представлялось возможным сокращение перед гласным [е, о]. Эту точку зрения в настоящее время убедительно обосновал Е. Зерт со ссылкой на аналогичное фонетическое явление в латинском языке («vocalis antevocalem corripitur») 8 : ср. лат, $fle\bar{o} < *fle\bar{o}$, deus < *dēos, pius и др. Подтверждением является сокращение в готском других долгих гласных в аналогичной позиции. Ср. гот. sijau (оптатив) (дрвнем. sī) «sei», frijān «lieben» (дрисл. frīan, срннем. vrien «freien» к.-е. *prī-), frijonds «Freund», frijapwa «Freundschaft», fian (fijan)
 кhassen» (дрвнем. fien < и.-е. pēi-); fiands (fijands) «Feind», fiapwa (fijap- wa) «Feindschaft». Ср. ниже п. 4 (тип staúa и др.).

4. Долгое \bar{o} перед согласным (j) чередуется в готском языке с au (мы предполагаем $a\acute{u}$) перед гласным. Ср. гот. $ta\acute{u}i$ (ср. род.) «дело» — дат. падеж. tōja, существит. ubil-tōjis «Misseläter» (герм. *tōw-); гот. staúa (муж. род «судья», жен. род «суд»), staúida (прош. время) «судил» — stōjan «судить» (дрвнем. stouwen «обвинять» из герм. *stow-; ср. слав. ставити,

¹ См. E. Schwarz, Goten, Nordgermanen, Angelsachsen, Bonn, 1951, стр. 56-57. Cp. G. Neckel, Die Verwandschaften der germanischen Sprachen untereinander, PBB, Bd. 51, 1927, crp. 3.

W. Streitberg, ykas. cou., § 68, mpmeg. 1.

³ Е. Кіескег, указ. соч., стр. 202—203; W. Кгацье, указ. соч., стр. 76— 77; V. Pisani, указ. соч., стр. 119—120.

⁴ O. Bremer, указ. соч., стр. 119—125.

4 O. Bremer, указ. соч., стр. 51 и сл. Ср.W. Braune, Althochdeutsche Grammatik, 8-e Aufl., bearb. v. W. Mitzka, 1955, §§ 110, 117.

5 См. В. М. Жирмунский, Немецкая диалектология, М.—Л., 1956, стр. 341.

6 H. Jacobsohn, Zwei Probleme der gotischen Lautgeschichte, I. Gotisch saian, «Zeitschr. für vergleichende Sprachforschung», Bd. XLVII, 1915, стр. 91—92.

7 W. Streitberg, указ. соч., §§ 68 и 71; W. Braune, указ. соч., §§ 22 и 26 (иначе К. Хельм: ем. W. Braune, указ. соч., 13-е Aufl., bearb. von K. Helm, 1952, стр. 16 (19)

стр. 16, 19). 8 E. Sehrt, указ. соч., стр. 4—9.

и.-е. *stāu-). Сюда же гот. af-daú-idai «мучимые» (причастие II мн. числа муж. рода от гот. * $d\bar{o}jan$; дрисл. deyja, дреакс. $d\bar{o}jan$, дрвнем. touwan «умереть» из герм. * $d\bar{o}w$ -; ср. слав. $\partial aeumu$, и.-е. * $dh\bar{o}u$ -); a/mauidai «уставшие» (причастие II мн. числа муж. рода от гот. -mōjan; дрвнем. muoan, muojan «müheu»); также saúil «солнце» (дрисл. sõl, ср. лат. sõl < *sāuol-. греч. дорич. $\dot{\vec{\alpha}}$ $\dot{\vec{\alpha}$ $\dot{\vec{\alpha}}$ $\dot{\vec{\alpha}$ $\dot{\vec{\alpha}}$ $\dot{\vec{\alpha}}$ $\dot{\vec{\alpha}}$ $\dot{\vec{\alpha}}$ $\dot{\vec{\alpha}}$ $\dot{\vec{\alpha}}$ $\dot{\vec{\alpha}}$ $\dot{\vec{\alpha}}$ $\dot{\vec{\alpha}}$ $\dot{$

В основе чередования лежит германский дифтонг *ои, результатом стяжения которого является гот. о, сохранившееся перед согласными; в положении перед гласными В. Штрейтберг и В. Брауне восстанавливали открытое долгое $a(aa)^1$; мы предполагаем, как в baaan, краткое открытое

р, согласно общему закону, установленному Э. Зертом.

5. С другой стороны, в готском наличествует чередование аи перед согласным j, aw перед гласным. Ср. гот taujan «делать» (срннем. touwen, дрвнем. zouwen) — прош. время tawida (дррунич. tawido); uf-straujan «streuen» -- прош. время strawida (дрвнем. strouwen, дрсканд. stroian); maujos (род. падеж ед. числа) — mawi, mawilä (жен. род.) «Mädchen» (дрисл. mær, род. падеж meyar, meyla; arc. meowle); hauja падеж ед. числа) — hawi (ср. род.) «Неи» (дрвнем., дрсканд. houwi, дрисл. hey); gaujis (род. падеж ед. числа) — gawi (ср. род) «Gau» (дрвнем. gawi).

Чередование au перед согласным, aw — перед гласным встречается в готском и в случаях редукции германского неударного гласного в готском языке. Ср. гот. naus «Toter» (из герм. *nawiz) — nauis (род. падеж); прош. время snau (из герм. *snawi) — sniwan «eilen» (сильный глагол V ряда). Чередование песлогового -ų — -w паличествует как общий фонетический закон и после других гласных. Ср. pius «слуга» (дррунич. pewaR) — piwi «служанка», *ga-фичап* «заставить служить»; triu «дерево» (ср. род) (из герм. *trewan), triwam (дат. падеж мн. числа) и др. 2.

Чередование аи перед согласным, аш — перед гласным рассматривается Г. Пенцлем (со ссылкой на Г. Хирта) как «единственное веское внутреннее доказательство наличия в готском дифтонгического ау, хотя бы в небольшом числе случаев» (тип táujan — прош. время tawida) 3. Однако взгляд этот основан на неожиданном для фонолога смешении исторического чередования с живым позиционным, активно действующим внутри данной фонетической системы (т. с. диахронии с синхронией). В основе рассматриваемого явления — с точки зрения исторической — действительно лежит фонетически закономерное позиционное чередование, связанное, по-видимому, с различиями слогоделения: дифтонг ац перед согласным (tau-jan) чередуется с a- $\|w+ ext{vocal}\|$ перед гласным (ta-wida). В дальнейшем, однако, дифтонг *аи* в готском языке времен Вульфилы переходит в этом случае, как и во всех прочих, в открытое долгое ў и чередование $a \hat{u} \, \left[ar{\varrho}
ight] \, - \,$ аж сохраняется как историческое.

Положение это ясно в особенности на примерах аналогичных чередований ai (в нашем чтении ai) перед согласным (j) и aj (перед гласным), которое встречается, как справедливо указал тот же Г. Пенцль, только в случаях словопроизводства — «этимологических» (т. е. исторических), а не «морфонологических» 4. Ср. wai «wehe», wai-dēdja «Übeltäter» — waja*mērjan «*lästern»; *aiws «*Ewigkeit», *aiweins «*ewig» — *ajukdū́р́s (ж*ен. род) «Ewigkeit»; bai «beide» — bajōps «beide» (ср. дрисл. bāæter < *bajaætir). С переходом $ai>ar{e}$ в готском языке Вульфилы живое позиционное чередование ai перед согласным $a//i + \mathrm{vocal}$ перед гласным заменилось и здесь историческим чередованием $ai \ [\tilde{e}] - aj$.

4 H. Penzl, указ. соч., стр. 229.

¹ W. Streitberg, указ. соч., § 71, I; W. Braune, указ. соч., § 26 (иначе К. Хельм: см. W. Braune, указ. соч., 13-e Aufl., стр. 19).
W. Krause, указ. соч., стр. 102.
H. Penzl, указ. соч., стр. 229; ср. H. Hirt, Handbuch des Urgermanischen,

Другое показание по этому вопросу может представить следующее явление. Еще Я. Гримм обратил внимание на фонетическую непоследовательность гот. taujan рядом со stōjan в одинаковом положении перед согласным (і) и привел примеры таких пар, как наст. время 1-го лица taú/a («facio»), наст. время 2-го лица taú/is («facis») от глагола taú/an, но $t\bar{o}ja$ (мн. число ср. рода) «facta» от taui (ср. род) «factum», $-t\bar{o}jis$ «factor» (прилагат. муж. рода) 1 . Дж. Марчанд хочет видеть в taujan и stō/an диалектные дублеты². Однако сравнительно-грамматические исследования пытаются объяснить это различие древними отношениями индоевропейского аблаута: готские формы на $m{o}$ восходят к герм. $*ar{o}\mu$ (из и.-е. $*ar{a}oldsymbol{u}, \ ar{o}oldsymbol{u}$), готские формы на $au-\kappa$ низшей ступени аблаута герм. au(из и.-е. *ди). Ср. гот. tauja «facio» из герм. *tauiō, но гот. tōja «facta» из герм. * $t\bar{o}u(i)\bar{o}^3$.

- 6. В неударных слогах Г. Хирт предполагает стяжение как результат редукции, указывая на то, что ни один древнегерманский язык не сохранил дифтонгов в заударном положении 4. В. Штрейтберг также признает вероятность ранней монофтонгизации готских дифтонгов в неударном подожении⁵. Полный обзор окончаний с гот. ai, au и их соответствий в других германских языках дает О. Джонс в двух специальных исследованиях ⁶. Разумеется, там, где в основе окончания лежал германский дифтонг, подвергшийся монофтонгизации в других германских языках, это обстоятельство не может, взятое само по себе, служить доказательством монофтонгизации в готском. Ср., например, дат. падеж ед. числа жен. рода основы на o гот. gibai—arc. gifa из gifae (герм. -ai из н.-е. -ai); род. падеж ед. числа жен. рода основы на -i гот. anstais — дрисл. naufar из дррунич. $-\bar{a}R$ (герм. -ais из и.-е. -ois); род. падеж мн. числа прилагат. сильного склон. blindaizo — дреакс. blindaro, дрвнем. blintero, дрисл. godra (из герм. местоим. * (\hbar) -aizo(m) < u-e. *(t)-oiso(m); оптатив наст. времени ед. числа 2-го лица bairais — дрвнем. beres, дрсакс. beres, дрисл. berer (герм. -ais, -aiz из и.-е. -ois) и т. п. Однако существует ряд других случаев, в которых восстановление германских открытых долгих $ar{e}$, $ar{e}$, непосредственно отраженных в готских монофтонгах ai, au, предложенное Γ . Хиртом, дает единственное простое и последовательное объяснение готских грамматических форм.
- а) В слабых глаголах III группы типа гот. haban прош. время habaida, дрвнем. $hab\bar{e}n$ — $hab\bar{e}ta$ Γ . Хирт усматривает непосредственное соответствие между готскими формами на $a\hat{\imath}$, древневерхненемецким ${f u}$ на е и латинскими глаголами II спряжения на е. Ср. гот. habais, habaif дрвнем. habés, habét — лат. habés, habét 7. Число готских и древневерхненемецких слабых глаголов III группы с прямыми этимэлогическими соответствиями латинскому и другим индоевропейским языкам довольно значительно. Ср. гот. фанап «молчать», дрвнем. dagen (лат. tacere); гот. witan «наблюдать», дрвнем. gi-wizzen (лат. videre, слав. eudhmu); гот. ana-silan «умолкнуть» (лат. silere); гот. munan, дрвнем, manen (лат. monere слав. мънъти «мнить») и некоторые другие⁸;
- б) Готские окончания ед. числа 1-го лица и мн. числа 3-го лица на -au, встречающиеся в ряде глагольных форм, Г. Хирт объясняет регулярным соответствием и.-е. $-\bar{e}m$, $-\bar{a}m >$ герм. гот. $\acute{a}\acute{u}$. Ср.:

¹ J. Grimm, указ. соч., стр. 74.
2 J. W. Marchand, указ. соч., стр. 234—235. Ср. J. W. Marchand, Dialect characteristics in our Gothic mss., «Orbis», 5, 1956, стр. 141—151.
3 См. Е. Кіескегѕ, указ. соч., стр. 44. Ср. W. Кгаиѕе, указ. соч., стр. 77

⁽со знаком вопроса).

⁴ H. Hirt, Urgermanische Grammatik, I, стр. 39. ⁵ W. Streitberg, указ. соч., §§ 34, 7, примеч. 3.

⁶ O. F. Jones, Gothic ai in inflectional syllables, стр. 639; его же, Gothic au in inflectional syllables, crp. 34.

⁷ H. Hirt, Urgermanische Grammatik, II, стр. 180. Ср. также его статью в РВВ, Bd. XVIII, crp. 283-290.

^в См. Н. Hirt, Urgermanische Grammatik, II, стр. 171—172.

Повелит. накл. 3-го лица ед. числа bairadaú, мн. число bairandaú — ср. rpeu. φερέτω, φερόντω, πατ. agito, agunto, cancer. медиум bharatām, bharantām (из и.-е. $-\bar{o}m$).

Оптатив медиопассива 1-го, 3-го лица ед. числа nimaidaú, мн. число nimaindau — cp. cancep. Meduym bhávatām, bhávantām, греч. φεροίμ $\bar{\alpha}$ ν (из \mathbf{m} .-е. $-\bar{a}m$).

Наст. время оптатива 1-го лица гот. wiljaú — слав. велы (из и.-е.

* $veli\bar{a}m$).

Наст. время оптатива 1-го лица гот. $bairai < *berar{o}m$ (Г. Хирт считает возможным сопоставление этой формы с греч. ἀψευδήων [оптатив (?)], в более ранних работах — с латинским конъюнктивом $(feram, fesre)^1$.

Различные объяснения, исходящие от дифтонгического аі, аи, значительно более сложны и искусственны и представляются поэтому малоубедительными. Типична в этом смысле теория, выдвинутая Бругманом и защищаемая многими сторонниками готских дифтонгов, которая объясняет окончание $-\dot{a}u$ как индоевропейский индикатив с добавлением модальной частицы -u (гот. $bair\acute{a}u < u$.-е. * $bher\~o$ -u) 2. Как справедливо замечает Γ . Хирт, «частица - u обычно появляется там, где объяснение отсутствует» :

О. Джонс сопоставляет гот. ahtaú «acht» (дрвнем. ahto, дрисл. atta, arc. eahta) с греч. ахты, в котором и.-е. -о является вариантом -оц (ср. санскр. $a \pm t \bar{a} \hat{u}$, $a \pm t \bar{a}$). Сюда может быть отнесено и гот. $a i \hbar \bar{p} a \hat{u}$ «oder» (дрвнем., дрсакс. eddo, дрисл. eda, arc. edda), на которое было указано выше⁴.

Таким образом, монофтонги ai, au встречались в готском языке Вульфилы не только перед h, r в случаях готского преломления, но также в ряде других случаев, а именно — в корневых морфемах (пп. 1—3), во флексиях (п. 6 — а, б), а также там, где монофтонг наличествовал уже в германском (индоевропейском) или может считаться доказанным для готского (п. 4). Учитывая единство и последовательность орфографии Вульфилы в целом, и в частности в написаниях иноязычных слов, следует признать, что и в тех случаях, где в основе готских диграфов лежали германские дифтонги аі, аи, засвидетельствованные этимологически, они в вестготском языке Вульфилы подверглись монофтонгизации. Например: stains «Stein», wait «weiss»; auso «Ohr», laun «Lohn»; gibai «Gabe» (дат. падеж ед. числа), blindaizo (прилагат. жен. рода, род. пад. мн. числа), bairais (оптатив наст. времени ед. числа 2-го лица), или, возвращаясь к приведенным выше примерам: gaúrs как baúrgs, aúhuma как aúhsa, прош. время taih (ед. число) как taihum (мн. число), taih (ед. число) как taihum (мн. число); maimait (прош. время, редупл. глагол)

Характерно, что возражения против этого простейшего разрешения искусственно созданной проблемы произношения готских диграфов аі, аи исходили по преимуществу из лагеря специалистов по сравнительноисторическому языкознанию (В. Штрейтберг, М. Еллинек, Э. Кикерс, В. Краузе, Г. Краз и др.), которые, опираясь на соображения в сущности этимологического порядка, тем самым смешивали историко-генетическую (диахронную) точку зрения с показаниями самого готского языка, рассматриваемого в синхронном разрезе. Неслучайно поэтому, что для обоснования своей точки зрения они вынуждены были прибегать к очень сложным и искусственным сравнительно-грамматическим построениям, кото-

¹ H. Hirt, умаз. соч., I, стр. 135—136; II, стр. 135, 184—187. Ср. его же статьн, IF: Bd. I, стр. 206 и сл.; Bd. VI, стр. 58 и сл.

² Обзор теорий дается в работе: М. Jellinek, Beiträge zur Erklärung der germanischen Flexion, Berlin, 1891, стр. 94—105. Ср. К. В rug mann, В. Delbrück, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. II, Strassburg, 1893, § 444; Е. Кіескетѕ, умаз. соч., стр. 192; W. Кгашѕе, умаз. соч., стр. 213.

³ IF, Bd. II, 1896, стр. 59.

⁴ O. F. Jones, Gothic au in inflectional syllables, стр. 35—36.

рые Ф. Моссе справедливо назвал «нагромождением неправдоподобных ғипотез» 1.

Не может считаться доказательным и критерий, в свое время применявщийся Φ . Дитрихом; написание готских имен через ai, au у античных писателей. Как показало гораздо более полное собрание М. Шёнфельда, написания эти в ряде случаев колеблются. Ср., например, имя короля вандалов (V-VI вв.): Gaisericus, Geisericus, Gesericus, Gisericus, Gizericus, Γεζέριγος, Γιζέριγος и даже с народной этимологией: Gensericus, Ginsericus, Γ ινζίριχος Π T. Π . 2 .

Существенную роль в этих колебаниях играла не только фонетика, но еще более — традиция письма, которая должна была, как правильно указал О. Бремер, опираться в ряде случаев и на готскую орфографию, восходящую к Вульфиле³. Тем не менее после Вульфилы в ряде примеров бесспорно засвидетельствовано стяжение. Так, слово Austrogothi «остготы» с конца IV в. регулярно пишется $Ostrogothi^{4}$; свидетельством того же явления могут служить формы froja armes «domine miserare» (гот. frauja armais) в латинской рукописи Вигилия из Тапса (конец V в.) и транслитерация libeda вместо традиционного libaida (прош. время слабого глагола III группы) в более поздней Зальцбургской рукописи, принадлежавшей Алкуину (IX в.), с пояснением «diphthongon ai pro e longa» («дифтонг ai для долгого e»). С другой стороны, готская руническая надпись на кольце из Петроассы (Румыния), содержащая слово hailag, хотя и независима в своей орфографии от Вульфилы, однако относится к более раннему времени (III в.) ⁵.

Для остготского языка VI в. Ф. Вреде установил монофтонгизацию на основании написания собственных имен: Gesimund, Gesila (<*gaiza= = дрвнем. gēr «копье»); Odwin (<* Audwins), Oswin (<* Auswins), Goda (<* Gaдр. 6. В крымско-готских словах, uda) и мн. записанных ландцем Бусбеком (XVI в.), герм. аи отражено как ое (диграф, обозначающий в нидерландском долгое \tilde{o}). Ср. broe «panis» (дрисл. braud, нем. brod), hoef «caput» (гот. haubi#), oeghene «oculi» (гот. augona); на монофтонгизацию ai указывают iel «heil» (гот. hail) и ieltsch (вероятно, гот. hailifa) 7. Указания романистов, в особенности Э. Гамильшега, на сохранение дифтонгов в готских заимствованиях в южнороманских языках (например, прованс. raus «тростник» < гот. raus «Rohr», исп. gaita «волынка» < гот. gaits «Geiss» («коза») и некоторые другие] в не имеют, по-видимому, решающего значения: примеры обнаруживают колебания, свидетельствующие, вероятно, о диалектных различиях в самом готском языке ⁹.

Что касается вестготского диалекта самого Вульфилы как предполагаемой основы его орфографии, то здесь решающим, как справедливо указал Э. Прокош, в сущности является «вопрос хронологии»: «незадолго до Вульфилы герм. аі, аи были еще дифтонгами в готском..., вскоре после Вульфилы они монофтонгировались» 10, Вульфила стоит, таким образом, на рубеже этих двух периодов. При таких условиях нет оснований, в свете

¹ F. Mossé, указ. соч., изд. 2-е, стр. 47. 2 Cp. M. Schönfeld, Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völker-

namen, Heidelberg, 1911, стр. 99—100.

3 О. В гемег, указ. соч., стр. 53. О. Бремер приводит вестготское имя F ге idebadus (VII в.) с готским написанием еі вместо і.

⁴ М. Schönfeld, указ. соч., стр. 38.

⁵ W. Streitberg, указ. соч., §§ 15, 34, 7. ⁶ F. Wrede, Ostgoten, стр. 165 (выводы).

⁷ См. W. Streitberg, указ. соч., Anhang III.
8 См. W. Meyer-Lübke, Romanische Namenstudien, «Sitzungsberichte der Wiener Akademie», Bd. CXLIV, 1905, стр. 1 и сл., 99 и сл.; Е. Gamillsche g, Romania germanica, Bd. II, Berlin, 1935, стр. 33 и сл.; его же, Historia lingüística de los visigodos, «Revista di filologia española», t. XIX, 1932, стр. 149 и сл.
9 См. Н. Реп z I, указ. соч., стр. 228—229; Р. Натр, указ. соч., стр. 267—

<sup>269.
10</sup> Э. Прокош, указ. соч., стр. 103.

приведенных фактов, приписывать ему создание внутренне противоречивой орфографии; напротив, есть все основания думать, что в его диалекте монофтонгизация уже соверщилась.

Фонетическое и фонологическое значение гот. ai, ai определяется на основании следующих соображений. В системе готского вокализма наличествовали долгие ē, ō (lētan «lassen», sokjan «suchen»), закрытый характер которых обнаруживается, если учесть достаточно частые смешения с долгими \bar{i} (гот. ei), u^{-1} . Как правильно указывает Ф. Моссе, следующий в этом за Г. Хиртом, этим закрытым звукам противопоставляются гот. aí, aú как открытые e, o, в одних случаях долгие, в других краткие².

Долгий характер сохраняют стяженные герм. ai, au >гот. \bar{e} . \bar{o} . Свидетельством долготы этих гласных является стяжение последующего неударного ii > ei[i:] по общему закону готской фонетики, установленному Э. Сиверсом. Поэтому haúsjan «hören» — haúscib (наст. время ед. числа 3-го лица), haúhjan «erhöhen» — haúheiß; laísjan «lehrer» — laíseiß, hraínjan «reinigen» — hraineib и т. д. по типу sokjan — sokeis, sokeib; hwaiteis

«Weizen» (основа на -), муж. род) как hairdeis «Hirte» и т. п.

Гласные ai, ai явились результатом расширения («преломления») кратких герм. i - e, и перед r, h (baúrgs, raíhts). Поэтому есть все основания думать, что они остались краткими; они должны были также иметь открытый характер е, р, поскольку закрытые гласные среднего уровня объединились в готском языке в і, и. К кратким (открытым) должны быть также отнесены гласные ai в редупликации (п. 1) и в группе малоуларных слов (п. 2), поскольку и они не объединились с закрытым e > i, а также все случаи сокращения в положении перед гласными (по закону Э. Зерта, n. 3—4).

При этом имеются достаточные основания и для того, чтобы рассматривать открытые долгие и краткие гласные среднего уровня как самостоятельные фонемы, поскольку в двух основных группах случаев долгота или краткость е, о не определяется позиционно. В этом смысле особенно показательны приведенные выше случаи перед $h, r: \acute{a}ir$ «früh», $\acute{a}irizans$ «Vorfahren» ([\ref{e}], но $\acute{a}irzeis$ «irre» [\ref{e}], $\acute{h}\acute{a}uhs$ «hoch», $\acute{h}\acute{a}uhjan$ «erhöhen» [\ref{e}] (cp. наст. время ед. числа 3-го лица háuheið), но aúhsa «Ochse» [q] и т. п.

Отрицание фонологического значения долготы и краткости готских гдасных и признание «релевантным» признаком только закрытости и открытости стало за последнее время своего рода догматом американских германистов-фонологов³. Утверждение это само по себе мало вероятно уже потому, что, в связи с особенностями ударения, во всех германских языках различия долготы и краткости имеют решающее значение в развитии их вокализма. Но и по отнешению к готскому языку в частности, поскольку количественные различия имеют в нем явно не обусловленный характер, для подобного предположения нет, мне кажется, никакого основания, кроме желания уложить готский вокализм в абстрактную схему симметрично построенных треугольников⁴. Однако, как хорошо известно, асимметричные фонологические системы встречаются на практике довольно часто.

¹ О тенденции готского вокализма к сужению гласных среднего уровня (долгих и кратких) см. В. Жирмунский, Сравнительно-историческая грамматика и диалектология, «Материалы Первой научной сессии по вопросам германского языко-знания», Ин-т языкознания АН СССР, М., 1959, стр. 16.

² F. Mossé, указ. соч., стр. 40. По мнению Г. Хирта («Indogermanische Gramт. М о s s e, указ. соч., стр. 40. По мнению г. хирта («плодетнанистве стащатых», I, стр. 116), «...аі и аи — повсюду монофтонги, которые могли быть долгими или краткими, поскольку количество гласного не обозначалось в латинском и греческом алфавитах, послуживших для Вульфилы образцами».

3 Ср. Р. Н а m p, Gothic ai and au, стр. 265; е г о ж е, Gothic ai and au again, стр. 359; J. W. М а г с h а п d, указ. соч., стр. 236. Иначе у В. Беннета и Г. Пенцля, которые следовали в этом вопросе за Г. Хиртом и Ф. Моссе.

Особенно произвольный и искусственный характер имеют фонологические схемы готского вокализма, предлагаемые О. Ф. Джонсом (см. «Gothic iu», стр. 357) и П. Хэмпом (см. «Gothic ai and au again», стр. 360—363).

Вряд ли можно также без всяких оговорок выдвигать в защиту этой теории утверждение Г. Пенцля относительно «фонологического» характера алфавита Вульфилы, в особенности в наивно упрощенной формулировке Дж. Марчанда: «Либо алфавит Вульфилы фонологический, либо не фонологический» 1. Все алфавиты, созданные заново, если бы они создавались на пустом месте, были бы фонологическими в том смысле, что буквы обозначали бы фонемы как смыслоразличительные звуковые типы (термин Л. В. Шербы), а не оттенки фонем, механически обусловленные положением звука и не осознаваемые ни говорящими, ни слушающими. Однако алфавиты никогда не создаются на пустом месте; они обычно примыкают к традиции другого, более раннего письма, а алфавит Вульфилы и его орфография создавались, как известно, с использованием трех предшестнуюющих — греческого, латинского и рунического. Кроме того, не будучи ученым-специалистом в области фонологии, создатель нового алфавита в своем «стихийном фонологизме» мог натолкнуться на те или иные объективные трудности технического характера в обозначении или даже в различении как фонем, так и их оттенков. Из алфавитов, которыми пользовался Вульфила, латинский и рунический не различали долготы и краткости особыми знаками. В позднегреческом исконно долгие и краткие продолжали писаться различными буквами. Однако, в связи с заменой мелодической интонации силовым ударением, они в произнощении ко времени Вульфилы уже переставали различаться по долготе². Эти объективные трудности отразились и на орфографии Вульфилы. Если он обозначает особым знаком только долгое \bar{i} (греч. ϵi) в отличие от краткого i, то не потому, что только эти звуки различались в его произношении по количеству, а потому, что только они, как правильно указывает Г. Хирт в. обозначались разными знаками в его греческих образцах. Иными словами. неразличение полгих и кратких в тексте Вульфилы — явление орфографическое, а не фонологическое.

В качестве аналогии подобным написаниям Ф. Моссе приводит фран**пу**зское ai, которое может обозначать как долгое, так и краткое открытое e⁴. Cp. laid [le] и laide [led]. Со сходным явлением мы имеем дело, по-видииому, и при употреблении готских диграфов.

Приложение

Когда статья эта уже была написана, проф. С. Д. Кацнельсон любезно обратил мое внимание на лекции по готскому языку, читанные акад. Ф. Ф. Фортунатовым в Московском университете в 1889—1890 гг. и сохранившиеся в архиве Академии наук СССР в записи его ученика проф. В. К. Поржезинского — в то время студента университета 5. Запись эта показывает, что независимо от Г. Хирта и раньше его русский ученый самостоятельно пришел к тем же правильным выводам относительно произношения готских диграфов. Приводим его рассуждения, не потерявшие значения и для современности:

«Написание ai. Это написание обозначает, как я думаю, всегда звук е открытое, т. е. е близкое к с. как краткое, так и долгое. Такое зна-

¹ J. W. Marchand, указ. соч., стр. 236.
2 E. Sturtevant, указ. соч., стр. 104—105.
3 H. Hirt, Indogermanische Grammatik, I, стр. 116.
4 F. Mossé, указ. соч., стр. 40.
5 Фонд 90, опись 1, № 50.—Курс Ф. Ф. Фортунатова «Готский язык» сохранился в двух тетрадях. Тетраль I (лл. 1-70) содержит запись 30-ти лекций (историческая фонетика и начало исторической морфологии), переписанную начисто, с карандашными поправками, которые внесены в окончательный текст, содержащийся в тетради II (лл. 74—105: только 7 первых лекций— начало фонетики). В ту же тетрадь II вошли черновые выписки и наброски к лекциям, сделанные рукой самого Ф. Ф. Фортунатова (лл. 106-121).

чение видно из того, что в греч. словах у Ульфилы это написание перелает греч. ε , а также и греч. $\alpha\iota$, которое в ту эпоху звучало уже как e открытое. Мы увидим, что ai в значении \bar{e} в больщинстве случаев произошло из дифт. аі, и некоторые лингвисты думают, что написание аі выражает в таких случаях дифтонги. Основанием для такого заключения служит главным образом то, что в готских собственных именах у латинских писателей в этих случаях употребляется написание ai или ei. Как скоро, однако, мы примем во внимание то, что в готских текстах то же написание передает греческое e, выражавшееся буквою ε , и греческое \bar{e} , существовавшее уже тогда из дифт. ai; то, что тем же написанием ai выражался готский краткий звук, который получался из і при известном фонетическом положении; то, что написание аі, где выражает долгий звук, в некоторых случаях выражает такой долгий звук, который мог не быть дифтонгом; если мы примем все это во внимание, то все это, я думаю, устраняет возможность предположения, что в этом написании аі у Ульфилы передается не только гласная е, но и дифт. аі. Написание аі у Ульфилы передает є, имевшее различное происхождение, и в, между прочим, и из дифт. аі [тетрадь І; т. е. надо думать, что в эту эпоху Ульфилы в его наречии бывший дифтонг аі уже обратился в е открытое и, значит, по качеству, совпал с е: различие в количестве гласных у Ульфилы восбще не обозначалось — зачеркнутої. Возможно, что в некоторых наречиях готского яз. старый дифт. аі сохранялся в впде дифт., но в наречии Ульфилы он уже изменился в ё, и таким образом объясняется то, что латинские писатели готские собственные имена писали через аі, еі, там, где Ульфила тоже писал аі, обозначавшее не дифтонг аі, а долгое е. То, что говорится в последнем издании книги Stamm и Heine 1 относительно этого написания, именно о его произношении, не имеет научного значения» (тетрадь II, лл. 79 об. — 8; ср. тетрадь I, лл. 6—7).

Сходным образом построен следующий параграф, посвященный «написанию au», из которого приводим наиболее существенное для настоящей темы:

«Написание аи обозначает, как я думаю, везде открытое о, краткое и долгое, и является, следовательно, аналогичным с написанием аі для обозначения е открытого, краткого и долгого. В греческих словах у Ульфилы через аи передается обыкновенное греч. о... Готское долгое о, переданное в текстах через аи, в большинстве случаев получилось из дифт. аи, и некоторые ученые думают, что в таких случаях написание аи обозначает не о, но дифтонг аи, и основанием для такого заключения служит главным образом то, что латинские писатели в готских собственных именах пишут тут аи. Соображения, аналогичные тем, которые применяются, как мы видели, к написанию аі, применяются и тут и исключают возможность видеть в написании аи не только обозначение звука о, но и дифт. аи. Как дифт. аі обратился в наречии Ульфила в с открытое, но, может быть, сохранялся в других диалектах, так и дифтонг аи, обратившись в наречии Ульфилы в о открытое, сохранялся, может быть, в других наречиях...» (тетрадь ІІ, лл. 79 об.— 8, ср. тетрадь І, лл. 6—7).

¹ Подразумевается издание текста Вульфилы с грамматикой и словарем: F. L. S t a m m — M. H e y n e, Ulfilas, 6-e Aufl., Paderborn, 1874.

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ДВА СПОРНЫХ ВОПРОСА СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

$1.\,\,0\,$ происхождении элемента l в окончаниях так называемых внешнеместных падежей

Отличительным признаком внешнеместных падежей в прибалтийскофинских языках, как известно. является наличие в составе их окончаний характерного элемента l. Ср. формы адессива: фин. ikkunalla «на окне», эст. laual «на столе»; формы аблатива: фин. talolta «от пома», эст. laualt «со стола»; формы аллатива: фин. järvelle «к озеру», эст. lauale «на стол».

Элемент l обнаруживается также в составе окончаний некоторых местных падежей в пермских языках: ср. коми-зырянские форму дательного падежа rgrlį «лесу», форму апроксиматива vgrlań «по направлению к лесу» и соответствующие падежные формы в удмуртском языке: nulesli «лесу», nuleslan «по направлению к лесу». Не чужд элемент l и падежным окончаниям марийского языка, ср. луг. марийск. joltašlan «товарищу», горномарийск. tulleč «от огня» и т. д.

Относительно происхождения элемента l высказывались различные предположения. Е. Лёнрот, рассматривая это явление в финском языке, пытался связать элемент l с существительным liki «близость» («närhet») 1 . Toro же мнения о происхождении l придерживался Боллер 2 . В. Шотт возводил элемент l к финскому существительному ala «поверхность» 3 .

Эта же точка зрения развивалась впоследствии А. Алквистом 4.

O. Доннер попытался связать элемент l с финским словообразовательным суффиксом $la\,^{5}$, заложив тем самым основу широко распространенной в настоящее время гипотезы о происхождении элемента \emph{l} . Согласно этой гинотезе, которая наиболее четко была сформулирована И. Синнеем ⁶, элемент l, характеризующий группу падежных суффиксов в прибалтийско-финском, марийском (или, как пишет Синней в согласии со старой терминологией, черемисском), первоначально был словообразовательным суффиксом, сохранившимся до сих пор в финском (-la, $-l\ddot{a}$) и в пермских языках (-la); ср., например, фин. pappila «дом священника» (pappi «священник»), appela «дом тестя» (appi «тесть») и т. п. Следы этого словообразовательного суффикса можно найти также в лапландском, мордовском и венгерском языках. При образовании форм местных падежей слов, имеющих в своем составе суффикс -la, произошло переразложение основы, в результате чего l вместе с падежным суффиксом стал восприниматься

Schott, Altajische Studien oder Untersuchungen auf dem Gebiete der

Altai-Sprachen, I, Berlin, 1860, стр. 591.

⁶ Cm. J. Szinnyei, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Leipzig, 1910.

¹ E. Lönrot, Bidrag til finska språkets grammatik, «Suomi», hf. 5, Helsinki,

^{1841,} crp. 35.

Prof. Boller, Die finnischen Sprachen (Aus dem Jännerheste des Jahrganges 1853 der «Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der kais. Akademie der Wissenschaften» [Bd. X] besonders abgedruckt), 6. r.

W. Schott, Altajische Studien oder Untersuchungen auf dem Gebiete der

A. Alquist, Suomen kielen rakennus, Helsinki, 1877, crp. 105, 106. ⁵ O. Donner, Die gegenseitige Verwandschaft der finnisch-ugrischen Sprachen, Helsinki, 1879, crp. 92.

как показатель падежа. Таким путем новый суффикс абстрагировался и стал распространяться дальше; Синней пытается объяснить таким образом происхождение пермского адессива на -lgn, -len, аллатива на -li, апроксиматива на -lan, финского адессива на -lla, $-ll\ddot{a}$, финского аблатива на -lta, $-lt\ddot{a}$, старофинского аллатива на -len и марийского аллатива на -lan.

В финно-угроведении, как уже упоминалось выше, эта гипотеза получила всеобщее признание, сторонниками ее являются многие выдающиеся исследователи финно-угорских языков².

Переразложение основ является довольно обычным явлением и нередко наблюдается в самых различных языках. Однако одним из основных недостатков традиционного финпо-угроведения, как и традиционной индоевропеистики, является такой подход к объяснению происхождения форм, при котором внимание исследователей часто обращается только на внешнее созвучие различных формативов и даже не ставится вопрос о том, есть ли в исходной форме какие-либо семантические предпосылки для возникновения нового значения.

Внешнеместные падежи, содержащие в составе своих окончаний элемент l, в прибалтийско-финских языках имеют вполне определенную семантику: они обозначают или движение по направлению к предмету, без проникновения в его внутреннюю сферу, или местонахождение на поверхности предмета; таким образом, понятие внутренней сферы предмета совершенно исключено из значения внешнеместных падежей.

Если рассуждать чисто логически, то необходимо признать, что форматив, из которого возник элемент l, должен был обладать тождественной или по крайней мере сходной семантикой. Если бы источником образования элемента l действительно был словообразовательный суффикс -la, скажем, в слове $set\ddot{a}l\ddot{a}$ «дом дяди», то этот суффикс непременно должен был бы содержать в своем значении понятие поверхности предмета. Только наличие такой семантики могло обусловить роль элемента l в создании новой серии местных падежей, из значения которых совершенно исключено понятие внутренней сферы предмета.

Такого значения в фин. selälä, коми-зырян. vod'z'la «передняя часть» и подобных им словах, содержащих суффикс -la, нет. В связи с этим возникает вполне законный вопрос: если в семантике словообразовательного суффикса -la не содержится никаких точек опоры для значения внешнеместных падежей, то совершенно непонятно, как этот суффикс мог послужить основой для образования показателя целой серии этих падежей с вполне определенной семантикой.

В связи с этим возникает и другое, не менее серьезное противоречие. Если предположить, что словообразовательный суффикс -la не обладал какой-либо особой семантикой, то он мог бы быть механически распространен по аналогии и на внутреннеместные падежи, однако в действительности внутреннеместные падежи оказывают упорное сопротивление проникновению элемента l; ср. формы иллатива: фин. taloon «в дом», коми-зырян. kerkag «в дом», марийск. tšodraške «в лес»; формы элатива: фин. talosta «из дома», коми-зырян. vgriś «из леса» и т. д. Это contraditio in adjecto явно свидетельствует о том, что общепринятая гипотеза невериа по самой своей сущности.

Происхождение l-ового элемента окончаний внешнеместных падежей, по нашему мнению, следует искать не в словообразовательном суффиксе -la. Элемент l, вероятнее всего, произошел от какого-то внешнеместного паде-

¹ См. об этом там же, стр. 73—74. ² См. J. Budenz, Az ugor nyelvek összehasonlitó alaktana, Budapest, 1884, стр. 296; Ö. Beke, Cseremisz nyelvtan, Budapest, 1911, стр. 190; Т. Е. U otila, Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen, Helsinki, 1933, стр. 199; Д. В. Бубрих, Историческая морфология финского языка, М.—Л., 1955, стр. 28 др.

жа, обозначавшего или местонахождение на поверхности предмета, или движение к предмету без проникновения в его внутреннюю сферу.

Материалы современных финно-угорских языков не дают никаких данных, подтверждающих былое существование в финно-угорских языках l-ового аблатива. В обско-угорских языках встречаются аблативные образования с исходом на l тина мансийского numəl «сверху» (ср. также венгерские падежные суффиксы с исходом на tol, t"ol, rol, r"ol, bol, b"ol, b"ol, hanpumep fatol, farol «от дерева» и т. д.), но этому l в других финно-угорских языках обычно соответствует t или d (ср. финскую форму партитива vet- $t\ddot{a}$ «воду», образовавшуюся из древнего аблатива на-ta,- $t\ddot{a}$; эрзя-мордов. kudodo «из дома» и т. д.). Следовательно, этим путем объяснить происхождение элемента l падежных окончаний прибалтийско-финских, пермских и марийского языков нельзя. Но если нет данных для предположения о былом существовании в финно-угорских языках l-ового аблатива, то для предположения о существовании l-ового аллатива такие данные, по нашему мнению, имеются.

Прежде всего обращает на себя внимание так называемый конзекутив (достигательный падеж) на -la в современном коми-зырянском языке, обозначающий цель действия, например muna vere tšakla «я иду в лес за грибами», vala munnį «идти за водой».

Коми-зырянский конзекутив возник из древнего финно-угорского аллатива на -la, и muna vere tšakla некогда обозначало «иду в ту сторону, где растут грибы» или «иду к грибам». В пользу такого предположения говорит тот любопытный факт, что в других языках в выражениях подобного рода коми-зырянскому конзекутиву соответствует дательный или направительный падеж; ср. татар. suqa barêrqa «идти за водой», удм. vuli minini, эрзя-мордов. ved's molems, мансийск. вити минуукве, марийск. vütlan kajaš, хант. jiýka manta. Аллатив на -la отчасти сохранился и в современном марийском языке, обозначая там неопределенное направление движения, например Joškar-olaškâla kaiâšâ kornâ «дорога, ведущая по направлению к Йошкар-Ола» (ср. Joškar-olaškâ kaiâšâ kornâ «дорога, ведущая в Йошкар-Ола») 1. Марийский суффикс -šk'la состоит из двух суффиксов — лативного суффикса škâ² и суффикса -la.

От древнего аллатива на -la происходит, вне всякого сомнения, широко распространенный в коми-зырянском и удмуртском языке апроксиматив на -lań. Ср. в коми-зырянском muna verlań «иду в сторону леса, к лесу», а также аллатив на -lan в современном марийском языке, например луг. марийск. joltašlan «товарищу».

Есть основание предполагать, что старофинский аллатив на -len, ср. совр. фин. kaivolle «к колодцу» из kaivolen, isälle «отцу» из isälen (возникновение двойного l и отпадение n объясняется влиянием формы адессива на $-lla/-ll\ddot{a}$) также произошел от древнего аллатива на -la (-le — его фонетический вариант).

Любопытно отметить, что соображения о возможной генетической связи этих падежей были сто двадцать лет $70\Sigma\%$ назад высказаны М. Кастреном, который относительно происхождения коми-зырянского апроксиматива на $-la\acute{n}$ писал: «Этот новый падеж, \dot{n} » видимому, возник из конзекутива на -la после того, как изменилось значение первоначального аллатива»³. М. Кастрен предполагал также наличие генетической связи между окончанием коми-зырянского конзекутива на -la и марийским суффиксом -la часто фигурирующим в образованиях наречного типа 4. Есть также

 ¹ М. Ф. Дружинина, Пространственно-местные падежи в марийском язы ке. Канд. диссерт., М., 1951, стр. 97.
 ² Суффикс -3k2 исторически возник из двух лативных суффиксов — -5 и -k2.

² Суффикс -skə исторически возник из двух лативных суффиксов — -s и -кə. ³ M. A. Castren, Elementa grammatices syrjaenae, Helsingforsiae, 1844, стр. 20.

⁴ M. A. Castren, Elementa grammatices tscheremissae, Kuopio, 1845, стр IX—X.

⁶ Вопросы языкознания, № 4

у М. Кастрена предположение о близости дательного падежа на -lle (-len) в финском языке и окончания дательного падежа -lan в марийском языке ¹. Однако М. Кастрен, к сожалению, не развил своих интересных мыслей и, указав на возможную генетическую общность названных падежей, остановился в решении этого вопроса на полдороге.

Все так называемые внешнеместные падежи, по нашему мнению, происходят из одного источника — общефинноугорского аллатива на -la (-le), который в некоторых финно-угорских языках, несомненно, имел фонетический вариант -le: на наличие такого варианта указывает старофинский аллатив на -len, где -le соединено с другим лативным суффиксом -n (<-n); этот же фонетический вариант мы находим в мансийском языке в образованиях типа juvle «назад».

Наличие в финно-угорском языке-основе аллатива на -la/-le послужило имнульсом к созданию других форм внешнеместных падежей. Для обозначения, например, движения, отправляющегося от поверхности предмета по направлению к говорящему, аллатив на -la (поскольку он уже был связан с идеей движения, не проникающего во внутреннюю сферу предмета) мог быть соединен с древним падежным окончанием элатива; ср. фин. talol-ta «от дома», горно-марийск. tulleć «от огня», коми-зырян. vgrliś «леса» (первоначально — «от леса»). Таким же образом могло возниклуть падежное окончание адессива, вернее суперессива (см. фин. ikkunalla «на окне» < ikkunal-na), хотя происхождение этого падежного показателя, как мы увидим в дальнейшем, могло быть объяснено иначе.

Сторонники общепринятой гипотезы обычно выдвигают в защиту ее еще один аргумент, который им кажется особенно веским: они указывают на довольно широкое распространение элемента l в различных наречных и послеложных образованиях даже в таких языках, как мордовский и лапландский, где нет лативных падежей с элементом l. Ср. эрзя-мордов. rasolo «далеко», vasoldo «издалека»; норв.-лапл. baggiel «над», mangel «после», avdal «перед», vuollel «под»; марийск. $li\hat{s}l$ «вблизи» и т. д. При этом элемент l во всех указанных образованиях возводится все к тому же словообразовательному суффиксу -la. И. Синней, рассматривая вопрос о рефлексах общефинноугорского окончания аблатива $t \sim d$ в различных финно-угорских языках и указывая при этом, что в обско-угорских языках ему соответствует l, совершенно неправомерно, с нашей точки зрения, возводил к древнему аблативу явно локативные образования типа венг. alul «под», $f\ddot{o}l\ddot{u}l$ «наверху», hatul «позади» 2 . Типология развития значений вообще пе знает случаев, когда бы из древнего аблативного значения развивалось инессивное или суперессивное значение.

Не свидетельствует ли наличие l в вышеперечисленных случаях о существовании в финно-угорском языке-основе l-ового локатива? Если такой l-овый локатив с окончаниями -la (-l) действительно существовал, то в таких случаях, как норв.-лапл. baggiel «над», mangel «после» и т. п., марийск. $li\tilde{s}ll$ «вблизи», венг. alul «под» и т. п., элемент l является реликтом этого древнего l-ового локатива.

По мнению эстонского языковеда Э. Паюсалу, выступившего с критькой общенринятой гипотезы, *l*-овые падежи в прибалтийско-финских языках образовались на базе исконно финно-угорских наречий места, именших элемент *l*: фин. *täällä* «здесь», *täältä* «отсюда», эст. *seal* «там», *sealt* «оттуда» и т. д. Эти наречия отличались особенной продуктивностью именно в общеприбалтийском языке, в результате чего с течением времени в этих языках, как считает Э. Паюсалу, происходит переразложение основы: формант *-l* перестает быть частью основы и становится признаком окончания наречия. В дальнейшем сфера употребления такого слитного наречного суффикса расширяется за счет имен существительных, в системе

² I. Szinnyei, указ. соч., стр. 66.

¹ M. A. Castren, Elementa grammatices tscheremissae, crp. X, XI.

склонения которых со временем и оформляются общеупотребительные $l ext{-}$ овые падежи со значением места $^1.$

Гипотеза Э. Паюсалу в сущности мало отличается от критикуемой им гипотезы, поскольку все *l*-овые падежные окончания возводятся им к тому же самому словообразовательному суффиксу -*la*. Различие состоит лишь в том, что, по мнению Э. Паюсалу, элемент *l*, возникший из словообразовательного суффикса -*la*, в разных группах финно-угорских языков приобретал разные значения и притом в разное время.

Возражая Э. Паюсалу, мы хотели бы обратить внимание на тот факт, что основное значение *l*-овых падежей в пермских языках не есть притяжательное, как утверждает автор: все эти падежи, за исключением родительного, имеют то же специфическое значение, что и внешнеместные *l*-овые падежи в прибалтийско-финских языках. Подобно Д. В. Бубриху², Э. Паюсалу считает, что в древних финно-угорских языках один и тот же падежный формант мог развивать самые различные значения. На самом деле развитие значений падежей также имеет свои пределы и возможности.

Возвращаясь к затронутому нами вопросу о происхождении элемента l в окончаниях внешнеместных падежей финно-угорских языков, мы хотели бы предложить иное решение этой сложной проблемы.

В общефинноугорском праязыке, по всей видимости, существовало два особых падежа — так называемый аллатив на -la/-le и локатив на la/-l. Аллатив на -la/-le означал движение к поверхности предмета без проникновения в его внутреннюю сферу. Локатив на -la/-l также был внешнеместным падежом и мог обозначать местонахождение около предмета или на его поверхности. l-овый локатив сохранился в некоторых наречных образованиях типа норв.-лапл. baggiel «над», марийск. lisôl «близко», венг. alul «под» и т. п. Не исключена также возможность наличия окончания l-ового локатива в окончании финского суперессива на -lla, где оно было соединено с окончанием n-ового локатива (-lla<-lna) 3. Роль древнего l-ового локатива в образовании падежных окончаний финио-угорских языков вообще была очень незначительна.

Словообразовательный суффикс -la в словах типа фин. setälä «дом дяди», по-видимому, имеет другое происхождение. Он обозначает не местонахождение, а скорее отношение к чему-либо. То же самое относится и к суффиксу -la пермских языков в образованиях типа berla «задняя часть», vod'z'la «передняя часть» и т. д. Этим, по-видимому, объясняется участие форматива la в образовании родительного падежа местоимений и существительных в пермских языках; ср., например, коми-зырян. as-la-m «меня самого», as-la-d «тебя самого», as-la-s «его самого», а также удмуртские формы родительного падежа личных местоимений mi-l'a-m «пащ», ti-l'a-d «ващ» и т. д. Ср. также окончание родительного падежа существительных -len в комизырянском п -len в удмуртском, первоначально имевщем вариант -lan-(этот вариант до сих пор существует в диалектах, например в коми-язьвинском).

В образовании серии внешнеместных l-овых падежей гораздо более вначительной была роль древнего аллатива на -la/-le, послужившего основой для образования коми-зырянского конзекутива на -la, старофинского аллатива на -la, удмуртского и коми-зырянского апроксиматива на -la, марийского дательного падежа на -lan, коми-зырянского и удмуртского аблатива на -lis', а также аблатива на -lis, -list в прибалтийско-финских языках и образований на -le с аллативным значением в мансийском языке.

Л. Паюсалу, По-поводу І-овых падежей в финно-угорских языках, «Ежегодник общества родного языка», ПІ, Таллин, 1957 (на эстонск. и русск. языках).
 Д. В. Бубрих, Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР,

[«]Уч. зап. [ЛГУ]», № 105. Серия востоковед, паук, вып. 2, 1948, стр. 55.

³ Возможно также происхождение *l*-ового локатива из *l*-ового аллатива. По сообщению М. Ф. Дружининой, в звениговском говоре лугово-восточного диалекта марийского языка суффикс -*la* имеет интенсивное значение, например *t*-odra§ *la* «в лесу».

2. Существовал ли в марийском языке переход звукосочетаний $\check{s}n > \check{s}t$?

В современном финно-угроведении считается твердо установленным положение, что в марийском языке имел место переход звукосочетаний $\tilde{s}n > \tilde{s}t$.

В качестве аргументов обычно приводятся следующие факты: 1) наличие у марийского инессива окончания на štâ, которое якобы развилось из šne, в свою очередь возникшего из более древнего sne, например: южноланл. kōdtsne «в палатке», фин. maassa «в стране» (<maa-sna), марийск. olaštâ «в городе», vüdəštə «в воде», ketšəštə «на солнце» и т. д. 1; 2) соответствие звукосочетания št в некоторых словах марийского языка звукосочетанию šn в соответствующих словах финно-угорских языков, например: марийск. šüštö «ремень», мордов. šna kšna, фин. hihna (<литов. šikšna); марийск. Віšte, Віste «полба», мордов. viš, фин. vehnä «пшеница»; марийск. šište «дятел», коми-зырян. s'iz', фин. hähnä и т. д.

С внешней стороны эти аргументы могут казаться весьма убедительными, на деле же это оказывается не так. Уже из сопоставления марийск. *šüštö «*ремень, кожа» с фин. *hihna* и литов. *šikšna* логически следует вывод. что в марийском языке звукосочетание куп упрощалось в уп, а затем возникало št. В действительности же такого упрощения звукосочетания kšn в марийском языке никогда не существовало, что наглядно подтверждается такими примерами, как pikšna «наша стрела», ukšna «наша ветвь» и т. д., где группа kšn сохраняется. Следовательно, марийск. šūštö «ремень, кожа» не могло получиться из литов. šikšna. Предположение же о заимствовании слова *šūštö* из финского языка, где оно, по-видимому, некогда звучало как šišna, лищено всяких оснований, так как в момент проникновения литовских заимствований в прибалтийско-финские языки, марийны уже не были связаны с финно-угорскими народами Прибалтики. Помимо того, слово *šūštö* в марийском языке тесно связано с исконным марийским глаголом *šūštaš* «очищать, очищать лыко от коры; сдирать что-либо», в составе которого нет звукосочетания $k \dot{s} n$. Поэтому связь марийск. $\ddot{s} \ddot{u} \dot{s} t \ddot{o}$ «ремень, кожа» с литов. šikšna и даже мордов. kšna весьма сомнительна.

Несвободно от противоречий и сопоставление марийск. $\dot{s}i\dot{s}t\dot{s}$ «дятел» и фин. $h\ddot{a}hn\ddot{a}$. Заранее сформулированный тезис не позволял сторонникам этой гипотезы принять во внимание несомненно родственное марийскому $\dot{s}i\dot{s}t\dot{s}$ эрзя-мордовское $\dot{s}ek\dot{s}ata$ «дятел», иначе им было бы ясно, что конечное $\dot{t}s$ в $\dot{s}i\dot{s}t\dot{s}$ может отражать древнее t+ гласный, но не n+ гласный. Это противоречие в еще большей степени осложняется тем, что омонимичное марийск. $\dot{s}i\dot{s}t\dot{s}$ «воск» имеет соответствие в эрзя-мордовском языке в виде $\dot{s}ta$ «воск»; ср. коми-зырян. $\dot{s}'i\dot{s}'$ «свеча», «воск» из « $\dot{s}'i\dot{s}'t^2$.

В неменьшэй степени противоречиво сопоставление марийск. Вiste «полба», фин. vehnä, эрзя-мордов. viš. Слово β ište в марийских диалектах не имеет единообразного звучания (β iste, β is'te, β ište). Этот факт свидетельствует о том, что δ в слове β ište нельзя поставить в один ряд с древнемарийским δ , превратившимся впоследствии в δ . Кроме того, непонятно, почему в мордовском языке угратился конечный слог δ 0, который на самом деле никогда не исчезал; ср. литов. δ 1, δ 1, δ 2, δ 3, δ 4, δ 4, δ 5, δ 6, δ 7, δ 8, δ 8, δ 8, δ 9, δ

В марийском языке есть случаи, когда звукосочетание šn сохраняется: ср. такие наречные образования, как lišnə «близко», küšnö «наверху», torešnə «около». Переход šn в št в марийском также не осуществился в таких случаях, как iləšna «наша жизнь», βatšəšna «мы ждали», kuyəšnaš «гордиться», ušnaš «соединяться» и перед приметой желательного наклонения,

¹ J. Szinnyei, указ. соч., стр. 78, 79.

² Можно предполагать, что и коми-зырян. s'iż' «дятел» возникло из более древнего s'is't. Озвончение конечного s' совершилось, вероятно, под влиянием слова s'üz' «филин».

например supsnem «я хочу тащить» и т. д. Сторонники существующей гипотезы обычно объясняют это так, что переход звукосочетания sna в sta в случаях типа sop s

Если даже допустить, что воздействие грамматической системы в вытеуказанных случаях действительно имело место, то все же остаются необъясненными причины сохранения этого звукосочетания в таких глаголах, как луг. марийск. ašnaš «содержать», горно-марийск. jäšnäš «занимать напрасно место». Воздействие грамматической системы здесь не имело места, и все же звукосочетание šn не подверглось превращению в št, как следовало бы ожидать.

Руководствуясь этими соображениями, мы склонны предполагать, что перехода звукосочетания δn в δt в марийском языке никогда не существовало. Окончание δte современного марийского инессива, вернее локатива, восходит не к окончанию древнемарийского местного падежа ne, $n\ddot{o}$, сохраниешегося в единичных наречиях (типа $m\ddot{u}nd\hat{\sigma}rn\ddot{o}$ «вдалеке», $j = maln\hat{\sigma}$ «внизу», $\ddot{u}mbaln\sigma$ «наверху» и т. д.), а к окончанию какого-то локативного падежа на te (позднее $\delta t\hat{\sigma}$, $\delta t\sigma$), сходного по своей семантике с местным падежом на -ne. Весьма возможно, что по своему происхождению этот падеж был родствен местному падежу на -t в мансийском языке (ср. манс. vort «в лесу», а также образования в венгерском языке типа $k\ddot{\sigma}z\ddot{\sigma}tt$ «между», $koložv\ddot{\sigma}rott$ «в Колошваре» и т. п. 1). Есть некоторые основания предполагать, что этот падеж первоначально имел пролативное значение (ср. марийский послелог $\beta o\delta t$ «через», например $\delta table \delta table \delta table \delta table \delta table <math>\delta table \delta tabl$

Местный падеж и пролатив имеют известные семантические точки соприкосновения: местный падеж обозначает местонахождение, значение пролатива — местонахождение в динамике (ср. эрзя-мордов. vir'ga moli «идет по лесу»). Возможно, что это соприкосновение семантических сфер двух падежей явилось причиной для превращения древнего марийского пролатива на -te (-šte) в новый местный падеж, который с течением времени совершенно вытеснил некогда существовавший в марийском языке местный падеж на -ne.

В связи с этим вырисовывается и другая любопытная деталь: исторически окончание древнемарийского пролатива на -šte было составлено из окончаний двух падежей — окончания s-ового латива -s (позднее -š) и окончания локатива -te. Точно такую же структурную модель обнаруживает пролатив в коми-зырянском vered «по лесу» в коми-пермяцком диалекте veret, где окончание пролатива также, по-видимому, составлено из окончаний направительного падежа на -e и окончания местного падежа -t.

¹ J. Szinnyei, указ. соч., стр. 73.

в. ф. дубровина

ОБ ОДНОМ ТИПЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО **АОРИСТА**

Несмотря на то, что вопрос о значении древнегреческого аориста уже давно привлекает внимание ученых, его нельзя считать до конца разрешенным. Виолне установленным можно считать лишь тот факт, что смысловое различие между отдельными образованиями аориста (сигматическим, тематическим, атематическим) оказывается невозможным проследить уже в самых ранних памятниках. Таким образом, аорист рассматривается как система форм, объединенных общим значением.

Одним из нерешенных вопросов в определении этого общего значения аориста является вопрос об отношении его к длительности действия. Почти все имеющиеся определения выражаемого аористом действия («пунктуальное», «мгновенное», или «моментальное», «чистое и простое», «действие само по себе» и т. д.) говорят о несовместимости с природой аориста понятия длительности. Иногда такое толкование сущности аориста отражается в самих определениях, и говорят о выражении аористом «чистого и простого процесса в отвлечении от всякой идеи длительности» 1, о «пропісдшем действии без всякого дальнейшего значения, и именно без длительности»² и т. д.

Подобное понимание значения аориста некоторыми учеными можно объяснить, вероятно, тем, что аористом, по их мнению, обязательно выражается определенный момент в развитии действия. Так, И. В. Нетушил считает, что «все употребление аориста исчерпывается» значениями момента, «с которого началось действие», и момента, «в котором действие прекратилось»³. Если исходить только из этих двух типов употребления аориста, то, несмотря на то, что, например, при аористе законченного действия длительность действия может иногда подчеркиваться в тексте даже особыми словами4, смысл формы действительно заключается лишь в указании момента законченности или начала действия.

Однако, как показывает материал аттической прозы, функции аориста не исчерпываются двумя указанными случаями и не могут быть вообще сведены к выражению лишь определенного момента в развитии действия.

Речь идет об употреблении аориста с определителями длительности действия (типа «два дня» и др.). Поскольку основное значение формы должно объединять отдельные случаи ее употребления, преломляясь соот-

3 И.В. Иетушил, Об основных значениях греческих времен, ЖМИИ, 1891,

¹ A. Meillet, J. Vendryes, Traité de grammaire comparée des langues classiques, Paris, 1948, crp. 174; cm. также A. Delotte, Le verbe grec, Paris, 1953, стр. 35. ² L.

Meyer, Griechische Aoriste, Berlin, 1879, crp. 88.

нюнь, стр. 89—90.

4 Например: κατά μικρόν συνεπορίσαντο (Isocr. IV, 32) «постепенно сами добыли себе»; μόλις κατενόησε (Thuc. II, 102, 6) «с трудом понял» и т. д. В статье приняты следующие сокращения: Dem.— Demosthenis orationes, vol. I, Lipsiae, 1879 (римская цифра обозначает речь, арабская — параграф); Isocr. IV — Isocratis panegyricus, Lipsiae, 1831 (арабская цифра обозначает параграф); Thuc.— Thucydidis historiae, vol. I Lipsiae, 1876 (пимская цифра обозначает параграф); Thuc.— Трисуdidis historiae, vol. I Lipsiae, 1896 (пимская цифра обозначает параграф); пимская демования потрава и предостава потрава потр vol. I, Lipsiae, 1954; Xen. Hist.— Xenophontis historia graeca, Lipsiae, 1896 (римская цифра обозначает книгу, первая арабская — главу, вторая арабская -- параграф).

ветствующим образом в каждом из них, посмотрим, насколько понимание несовместимости аориста с длительностью действия приложимо к указанному типу его употребления.

Аорист рассматриваемого типа охватывает круг глаголов, означающих длительное по природе действие, не связанное с достижением определенного результата. Среди этих глаголов особенно широко представленными оказались глаголы со значением «быть», «пребывать»: γίγνοραι в значении «быть», συμμένω «существовать, сохраняться», οἰκέω «жить», μένω «оставаться», νοκτερεύω «проводить ночь», «ночевать», διαμερεύω «проводить день» и т. д. Встречаются также глаголы, указывающие на отношение субъекта к тем или иным явлениям (например, ἐπιθυμέω «стремиться»); глаголы, означающие род деятельности или положение субъекта (например, βασιλεύω «быть царем», «царствовать»); глаголы, указывающие на занятие или времяпрепровождение субъекта, не являющиеся его более или менее постоянным признаком (например, πολεμέω «вести войну», «воевать», πολιορκέω «осаждать», διώχω «преследовать») и др.

Помимо случаев с точным обозначением срока длительности действия (типа «два дня»), которые обычно только и принимаются во внимание, аорист засвидетельствован также при менее точном обозначении периода длительности действия (типа «в то время», «долго» и т. д.). При объяснении этого типа употребления аориста исследователи, как правило, совсем не принимают во внимание тот факт, что помимо аориста в аналогичных условиях употребляется также имперфект. Учитывая то обстоятельство, что отношения имперфекта и аориста в этом типе контекста не совсем обычны и изучение их может помочь лучше понять значение аориста, коснемся различных случаев употребления аориста с определителями длительности действия, привлекая для сравнения примеры с имперфектом в аналогичных условиях.

1. Аорист при указании точного срока длительности действия

В качестве определителей длительности действия и при аористе, и при имперфекте в данном случае употребляются выражения типа: τρεῖς ἡμέρας «в течение трех дней», ἐκτώ μήνας «в течение восьми месяцев», ἑβδομήκοντα ἔτη «семьдесят лет» и т. д.

В употреблении форм аориста и имперфекта можно отметить некоторую закономерность. Аорист обычно употребляется в тех случаях, когда хотят только подчеркнуть, если можно так выразиться, количественную сторону процесса. Аористом может просто отмечаться, что такоето событие длилось столько-то времени, подчеркивается большая или меньшая длительность одного действия по сравнению с другими действиями и т. д.

Действия, выраженные аористом, выступают обособленно от других действий, течение их не характеризуется сопутствующими действиями, которые определяли бы их глубже с качественной стороны, подчеркивая тем самым их длительность. Например: «οἱ μἐν περὶ μίαν πόλιν ἔτη δέκα διέτριψαν, οἱ δὲ τὴν ἐξ ἀπάσης τῆς ᾿Ασίας δύναμιν ἐν ὀλίηω χρόνω κατεπολέμησαν» (Isocr. IV, 83) «Одни с одним городом провозились десять лет, а другне в короткий срок одержали победу над сплами, (собранными) со всей Азии».

Встречаются, правда, случаи, когда действие, будучи выражено сначала лишь с количественной стороны, затем раскрывается глубже. Например: «i... Поλύροων ἦρξε μὲν ἐνιαυτόν, κατεσκευάσατο δὲ τὴν ταγείαν τυραννίδι ἐμοίαν» (Xen. Hist. VI, 4, 34) «Полифрон командовал год, власть тага же сделал подобной тирании».

^{1 «}Предводитель», «командующий».

Хотя, несомненно, вторая часть фразы характеризует качественную сторону командования, однако, поскольку сказуемое катебхерабато «сделал» выражено аористом законченного действия и мы получаем представление лишь о конечном моменте развития, мы не можем рассматривать его как действие, сопутствующее интересующему нас действию, выраженному аористом $\tilde{\eta}\rho\xi$ е «командовал».

Таким образом, при аористе с точным обозначением срока длительности действия внимание, как правило, не задерживается специально на его развитии. Бросается в глаза одно общее свойство обозначаемых им действий: все они полностью укладываются в рамки указачного периода. Следовательно, действие, выражаемое в данном случае аористом, можно определить как целостное действие, длившееся и законченное в рамках указанного точного срока.

В отличие от аориста, действие, выраженное имперфектом, может не полностью укладываться в рамки указанного периода. Например: «ὡς δὲ ἀπαξ ἤρξατο, ἔρρει αὐτῷ νὐκτα τε καὶ ἡμέραν τὸ αἰμα, καὶ πάντα ποιοῦντες οὐκ ἐδύναντο σχεῖν τὸ ρεϋμα πρὶν ἐλιποψύχησε· τότε μὲντοι ἐπαύσατο» (Xen. Hist. V, 4, 58) «Кровь как начала (течь), текла у него в течение ночи и дня, и никакими средствами не могли остановить кровотечение, пока он не потерял сознания; тогда кровотечение прекратилось».

В данном случае имперфектом έρρει «текла» передается действие, начало которого отмечено перед этим специально (ἤρξατο «начала»), таким образом, речь идет уже о продолжении действия. Вместе с тем, указав, сколько времени длилось действие, автор как бы не считает его еще законченным, не выпускает его из поля зрения и говорит о его окончании особо (ἐπαὺσατο «прекратилось»). Это обстоятельство лишает действие имперфекта той целостности, которую мы имеем при употреблении аориста.

В употреблении имперфекта имеется и еще одно отличие от аориста. В действии имперфекта отмечается большая связь с сопутствующими действиями, которые глубже характеризуют его, иногда обосновывая, иногда конкретизируя и сосредоточивая, таким образом, внимание на его развитии. Например: «хаі ἐπὶ μὲν ἕξ ἢ ἑπτὰ ἡμέρας ἀνθῶρμουν ἀλλήλοις μελετῶντές τε καὶ παρασκευαζόμενοι τὴν ναυμαχίαν» (Thuc. II, 85, 5—6) «В течение шести или семи дней они стояли на якоре друг против друга, упражняясь и готовясь к сражению».

В данном случае причастия настоящего времени μελετώντες «упражняясь» и παρασκευαζόμενοι «готовясь», сопутствующие действию имперфекта ἀνθώρμουν «стояли на якоре», обосновывают и конкретизируют это действие, тем самым подчеркивая его длительность.

2. Аорист при указании периода длительности действия

Типы выражений периода длительности при обеих формах (аорист и имперфект) в общем совпадают: и там, и здесь есть определения более конкретные (νέος ὧν «будучи молодым», τόν χειμῶνα «зимой») и менее конкретные (τότε «тогда»).

В употреблении аориста при указании периода длительности действия можно выделить два основных типа:

а) В ряде случаев передаваемое аористом действие специально не характеризуется и не конкретизируется сопутствующими действиями, но выступает изолированно. Правда, при определителях такого рода границы действия становятся как бы менее осязательными, более расплывчатыми, чем в предыдущем случае, но тем не менее и здесь оказывается возможным выделить промежуток времени, занимаемый действием. Например: «καὶ πρότερον ἡ πόλις ἡμῶν δικαίως τῆς θαλάττης ἡρξε καὶ νῦν οὐκ ἀδίκως ἀμφισβητεῖ τῆς ἡγεμονίας» (Isocr. IV, 20) «И раньше наше государство по справедливости господствовало на море, и теперь не без оснований оспаривает эту гегемонию

Здесь интересующее нас действие, передаваемое аористом трес «господствовало», ограничено периодом, выраженным наречием тротероу «раньше», которое противопоставляется другому периоду, выраженному наречием уйу «теперь». Таким образом, в приведенном примере мы также имеем дело с целостным действием, длившимся и законченным в рамках указанного периода.

б) Имеются случаи, гдф действие, передаваемое аористом, тесно сближается с действием имперфекта. Например: «παίς μὲν αν μετὰ πολλῆς ἐνδείας έτράφης άμα τῷ πατρὶ προς τῷ δῖδασκαλείω προσεδρεύων, τὸ μέλαν τρίβων καὶ τὰ βάθρα σπογγίζων..., ανήρ δε γενόμενος...» (Dem. XVIII, 258) «Ребенком ты рос в большой нищете, сидя вместе с отцом в школе, растирая черную краску

и вытирая скамейки, сделавшись же взрослым...»

Причастия настоящего времени προσεδρεύων «сидя», τρίβων «растирая», эπογγίζων «вытирая» конкретизируют процесс, выражаемый аористом έτραφης «рос», задерживают внимание на его развитии, что несомненно сближает это действие с действием имперфекта. Однако подобные случаи не нарушают основного принципа, установленного нами для предыдущей разновидности рассматриваемого типа аориста: и здесь действие полностью охватывается указанным периодом (παῖς ὧν «будучи ребенком»).

Таким образом, действие аориста при определителях длительности подобного типа можно охарактеризовать как целостное действие, длившееся и законченное в рамках указанного периода; при этом возможны случаи, когда это действие наделяется дополнительными конкретизаторами

длительности, сближающими его с действием имперфекта.

В отличие от аориста, действие имперфекта не всегда заключено полностью в рамках указанного периода. Оно может начаться, например, до указанного периода: «хай ούτως έχεῖνος μέν ἀποχομισθείς είς Λαχεδαίμονα ήρρωστει τό τε λοιπόν θέρος και δια χειμωνος» (Xen. Hist. V, 4, 58) «И, таким образом, его отвезли в Лакедемон, и он болел и остаток лета, и зиму». По контексту можно установить, что Агесилай заболел раньше и увезли его уже больным. Таким образом, имперфектом ή δρώστει «болел» обозначается продолжение процесса, начавшегося до указанного периода (τὸ λοιπόν θέρος καὶ διὰ χειμῶνος «остаток лета и зиму»),

3. Аорист при обозначении промежутка времени большой или малой неопределенной длительности

В выборе определителей длительности можно отметить такой факт: аорист встречается с определителями как длительного, так и недлительного времени (ολίγον χρόνον «недолго», πολύν χρόνον «долго» и т. д.), имперфект — только с выражениями, указывающими на длительное время: πολύν χρόνον, ἐπὶ πολύ «долго», πολλὰ ἔτη «в течение многих лет».

В большинстве случаев действие аориста, которое, как и в предыдущих разновилностях этого типа, можно охарактеризовать как целостное, выступает изолированно, не характеризуясь дополнительными средствами. Η Απριμφρ: «οι δὲ διὰ τὰ ὑπάρχοντα άμαρτήματα καὶ τὴν παρούσαν ἀταξίαν ὀλίγον μεν χρόνον υπέμειναν, έπειτα δε ετράποντο ες τον Πάνορμον» (Thuc. II, 92, 1) «Вследствие допущенных ошибок и царившего беспорядка они продержались недолгое время, затем повернули к Панорму».

В приведенном примере автору важно лишь подчеркнуть, что указанное действие (ὑπέμειναν «продержались») длилось «недолгое время» (όλίγον хрочоч), какая либо более глубокая характеристика действия отсутствует.

Но аорист встречается и в таких условиях, где действие его характеризуется подробнее. Например: «μετὰ δὲ ταῦτα ἐναὑμάχησαν χρόνον πολύν, πρωτοι μεν άθρόαι, έπειτα δε διεσκεδασμέναι» (Xen. Hist. I, 6, 33) «После этого они долгое время сражались сначала сомкнутым строем, потом в одиночку». Здесь действие, выраженное аористом εναυμάχησαν «сражались», раскрывается более подробно: άθρόαι «совместно, сомкнутым строем», διεσκεδασμέναι «рассеянно, в одиночку», чем обращается внимание на его длительность. В таких случаях действие аориста сближается с действием имперфекта. Однако и при этом типе определителей длительности не встретилось такого случая, где бы действие, выражаемое аористом, не укладывалось полностью в рамки указанного периода.

Во всех рассмотренных случаях аорист, следовательно, характеризует целостность передаваемого им действия, которое полностью укладывается в рамки указанного срока, что не всегда можно сказать о действии имперфекта в аналогичных условиях.

Принимая во внимание рассмотренный тип употребления аориста, никак нельзя, следовательно, согласиться с учеными, считающими несовместимым с природой аориста понятие длительности. Длительность действия имеет место, несомненно, и в тех случаях, когда употребляется аорист законченного действия или аорист, выражающий начало действия, но там мы ее игнорируем, сосредоточивая внимание только на определенном моменте действия. В данном же случае, когда благодаря указателю длительности мы имеем представление о всем действии, длительность его никак игнорироваться не может, если даже она не подчеркивается дополнительно.

по страницам зарубежных журналов

ПУТИ И ЦЕЛИ СТРУКТУРАЛИЗМА

От редакции. Статья К. Хапсена, напечатанная в «Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik» (Jg. 6, Hf. 4, 1958), представляет собою попытку в общем очерке охарактеризовать три основные теоретико-лингвистические направления современного структурализма. Автор отдает явное предпочтение американской дескриптивной школе структурального изучения языка. По его мнению, пражскому направлению, осново-положниками которого являются Н. С. Трубецкой и В. Матезиус, больше подходит наименование «функционализм». Копентатенское течение структуральных исследований языковой системы, связанное с именами В. Брёндаля и Л. Ельмслева, К. Хансен считает непродуктивным. Возможно, что предпочтение, оказываемое К. Хансеном американской дескриптивной школе, до некоторой степени обусловлено теми историческими связями, которые существовали между Л. Блумфилдом и немецкими младограмматическими исследованиями и исследователями. Статья К. Хансена, так же как и опубликованный в предыдущем номере обзор Сюй Го-чжана, является откликом на дискуссию, ведущуюся на страницах нашего журнала. Статья К. Хансена печатается с некоторыми сокращениями.

В 1953 г. один из видных представителей структурализма и в то же время один из издателей журнала «Word»—А. Мартине писал следующее: «Большинство выдающихся теоретиков лингвистики — убежденные и активные структуралисты. На международных съездах их научные противники обычно остаются в тени, а взрывы антиструктурализма становятся реже. Однако, по крайней мере в Европе, непроизвольные реакции снизу являются признаком того, что широкие круги лингвистов занимают отрицательную позицию по отношению к "эксцессам" структурализма»¹. Уже самый поверхностный обзор произведений, опубликованных за последние годы, и учет результатов работы созывавшихся за это время лингвистических конгрессов, кажется, убеждает в правильности этих слов. Термин «структура» и все другие производные от него слова буквально наводняют названия книг и статей 2. Даже если учесть, что в общем едва ли найдутся два автора, понимающих под этим термином одно и то же, и что структурное рассмотрение языка вовсе не нуждается в термине «структуралистский», то остается фактом, что так называемый «структурализм» представляет собой не просто модное явление, а практически превратился в господствующее течение в буржуазной — да и не только буржуазной — лингвистике³. Такое распространение структурализма прежде всего объясияется тем, что он в корне порывает с традиционными и часто фактически недостаточными представлениями и что целый ряд видных ученых находят в нем долгожданный выход из того тупика, в который к началу нашего столетия попала лингвистика, как и вообще вся буржуазная наука. «Структурализуют» в настоящее время не только во всей Западной Европе и Америке, но и в Чехословакии, Польше, Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии, Японии, а с недавнего времени и в Советском Союзе. Лишь одна страна — Германия, которая отнюдь не потеряла своего значения для лингвистики, упорно воздерживалась от дискуссии. Причины этого следует искать, во-первых, в том, что немецкое языкознание в значительной мере все еще твердо держалось традиций младограмматиков, традиций, которыми в высшей степени гордится пемецкая лингвистика (ср. грамматики древневерхненемецкого, средневерхненемецкого, готского и других языков); во-вторых же, в том, что н мецкая лингвистика была во время второй мировой войны, а частично и теперь остается изолированной наукой.

Следует отметить, что «взрывы антиструктурализма», о которых говорит Мартине, относительно редки и не всегда достаточно убедительны, несмотря на то, что чересчур смелые выступления многих структуралистов могли бы их вызвать. Особенно это сказывается в рецензиях журнала «Language», в которых часто вся «доструктуралистская» лингвистика широким жестом отбрасывается в область донаучного периода развития

¹ А. Martinet, Structural linguistics, сб. «Anthropology today», Chicago, 1953, стр. 574. ² Ср., например, «Language», vol. 29, № 1, 1953, стр. 99.

³ М. Коэн говорит уже о «структуралистской эре» («Современная лингвистика и идеализм», ВЯ, 1958, № 2).

языкознания. Так, например, Э. Бегби Этвуд (Техасский университет) следующим образом отзывается об одной швейцарской диссертации 1: «Ясно, что Сутер не связав строгой методологией современной лингвистики. Его подход — доструктуралистский и в основном нелингвистический. Было бы, однако, неправильным больше не производить исследования подобного рода; нет сомнения, что такие исследования могут действительно приносить пользу лишь в том случае, если лингвистические теория и методология более широко применяются практически» 2 (термин «лингвистический» здесь отождествляется с термином «структуралистский»). Структуралистские методы подверглись критике со стороны советских лингвистов, особенно в связи с появлением работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Естественно, речь шла прежде всего о философской основе этих учений, начиная от механистического материализма (как, например, у Блумфилда) й кончая крайним идеализмом (как у Ельмслева), что, как ни парадоксально это звучит, в основном сводится к одному и тому же — недооценке сущности языка, в особенности к недооценке его общественного характера. Хотя эта критика и была верной и необходимой, временами все же за философией забывали лингвистику и поступали довольно поспешно, когда со структуралистами разделывались как с «идеалистами» и «реакционерами». Нужно при этом заметить, что нельзя говорить о лингвистике, не связывая ее с какой-либо идеологией. Известно, что Маркс не отбросил, как это сделал Фейербах, идеалистическую систему Гегеля вместе с его диалектическим методом, а поставил ее с головы на ноги; и если сравнения не всегда убедительны, то по крайней мере можно задать вопрос, может ли марксистское языкознание успешно пользоваться тем или другим методом структуралистов. Кажется, именно этот вопрос в настоящее время волнует советских ученых, о чем свидетельствует оживленная дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Вопросы языкознания». Наряду с голосами, выражающими отрицательное отношение, можно услышать также — и особенно в последнее время — голоса, положительно отзывающиеся об этом течении, хотя и не лишенные элементов критики. Так, М. И. Стеблин-Каменский пишет: «Выясняя, что такое структурализм, мне кажется, надо прежде всего отказаться от господствовавшей долгое время в нашем языкознании практики, которая заключалась в том, что это лингвистическое течение рассматривалось как философская система... Прежде всего, думаю, надо признать, что структурализм это течение в языкознании, а не философская система и что, следовательно, оценка структурализма должна основываться на роли этого течения в развитии языкознания как науки» 3.

Широкая дискуссия со структуралистами, которая охватывала бы не только философскую основу этого направления, но и ее языковой научный метод, еще не имеет места, и это происходит по двум причинам: с одной стороны, потому, что ученые, которые могли бы осуществить это, не знают структурализма, да и не пытаются что-либоузнать о нем; с другой стороны, потому, что структурализма вообще не существует. а возможно, и вообще никогда не будет существовать. Вплоть до настоящего времени под «структурализмом» понимается такое множество различных взглядов и школ, что справедливая оценка становится возможной лишь на основе анализа деятельности всех крупных представителей этого направления. Отсюда понятно, почему А. Мартине разочарованно констатирует: «Можно было бы применить термин "структуралист" к любому лингвисту, который считает себя таковым, и признать структуралистской любую лингвистическую школу, которая работает под знаменем структурализма» 4. Однако я хотел бы указать 4 момента, типичных для взглядов структуралистов

на язык: 1) взгляд на язык как на структуру sui generis, свободную от всякого отношения к внеязыковой реальности, и прежде всего от носителя языка; 2) изучение языка в синхронной плоскости; 3) изучение языка, исходя из его формы как системы чистых отношений, часто независимых от своей фактической реализации; 4) попытка приравнять языкознание к «чрезвычайно передовому уровню других наук», вернее к есте-

ственным наукам, сделать его точной наукой.

Следует, однако, иметь в виду, что структуралистский метод находится еще в стадии разработки, как это постоянно подчеркивают сами структуралисты. То, что уже существует, лишь наметки, имеющие программный характер. Когда хотят показать, как выглядит или должно выглядеть структуралистское описание языка, то обычно пользуются примерами из самых различных языков. Однако подробный, последовательный и прежде всего удовлетворительный структуралистский анализ какого-либо конкретного языка все еще отсутствует. Теория и практика (в зависимости от рольпоследней) не всегда равноправны. Практика, в особенности у американцев, является определяющей для теории. В результате приходится идти на компромиссы. И все жеименно проверка и отбор различных методов и взглядов требуют критического рассмотрения структурализма, ибо это дает нам возможность, принимая или отклоняя структуралистский метод, извлечь пользу и для собственной работы.

¹ K. Suter, Das Pronomen beim Imperativ im Alt- und Mittelenglischen, Zürich — Aarau, 1955.

² «Language», vol. 33, № 2, 1957, стр. 245; ср. также Е. Наидеп, tions in modern linguistics, «Language», vol. 27, № 3, 1951, стр. 211.

⁸ М. И. Стеблин-Каменский, Несколько замечаний о структурализме, ВЯ, 1957, № 1, стр. 35. 4 А. Martinet, указ. соч., стр. 574.

2

Структурализм возник не случайно. Структурализм — это своего рода реакция на господствующее до сих пор учение младограмматиков. Как каждое научное течение, он имеет своих предшественников, например, с одной стороны, в лице Бодуэна де Куртене и его ученика Крушевского, выступивших с исследованиями о понятии фонемы, исследованиями, заложившими основу современной фонологии в том виде, как она была разработана представителями пражской школы (прежде всего Н. С. Трубецким Р. Якобсоном), с другой стороны, в лице Ф. де Соссора, который, хотя и на идеалистической основе, выявил социальную обусловленность и системный характер языка и подчеркивал примат синхронного рассмотрения языка по отношению к диахронному.

Я должен отказаться здесь от более подробного рассмотрения фонологии, без которой немыслим был бы не только структурализм, но и современное языкознание вообще¹. Наиболее важным в этой связи является учение Ф. де Соссюра, которое оказало решающее влияние на все школы структурализма, особенно на Л. Ельмслева и копенгагенскую школу, более или менее косвенно — на развитие европейских школ,

а от них и на американцев.

Собственным объектом языкознания, согласно де Соссюру, является язык (la langue); при этом существенно то, что он рассматривает его как социальный факт (fait social), тем самым сознательно выступая против индивидуалистического взгляда на язык, характерного для младограмматиков. Правда, он едва ли делает практические выводы из этого для своего труда. Истолкование языка как «fait social» противоречит даже его определению языка «как системы знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и звукового образа и в которой обе стороны знака одинаковым образом относятся к области психики»². Таким образом, эта система -существует сама по себе, заключена в самой себе, независима от своей конкретной реализации, а соссюровское «общество» оказывается идеальной абстракцией. Все, что чуждо системе, относится к внешней сфере языкознания, например, отношение между языком и политической историей, отношение языка к различным общественным устройствам (церковь, школа и т. д.), а также отношение между историей языка и историей рас или культур. Все эти отношения не отрицаются Ф. де Соссюром; напротив, ол пишет: «На наш взгляд, изучение внешних языковых явлений — очень плодотворно. Но (!) было бы неверным утверждать, что без них нельзя было бы знать внутреннего организма языка» 3.

Как систему знаков язык можно сравнить с другими системами подобного рода: с письмом, с азбукой глухонемых, с символическими ритуалами, формами вежливости али военными сигналами. «Языкознание — только часть широкой общей науки, которая исследует жизнь знаков в рамках социальной жизни, эта наука могла бы стать частью социальной психологии и вследствие этого частью общей психологии» 4. Сос-

сюр называет эту науку «семиологией» (греч. semeion «знак»).

Лингвистическая концепция де Соссюра содержит положение, имеющее большое значение для структурализма. «Язык — система, части которой могут и должны рассматриваться в их синхронном взаимоотношении» 5. Соссюр требует строгого разграничения синхронного (стагического) и диахронического (эволюционного) подхода к языку, причем синхрония у него выдвигается на первый план. Это ясно вытекает из его определения языка как системы ценностей, так как если все языковые явления следует рассматривать в системе, в их отношениях друг к другу, то это можно сделать только лри синхронном способе рассмотрения. Однако он не может отрицать существование фактора времени — «этого великого препятствия к рациональности», как его называет Брёндаль , но предполагает все-таки, что практически существуют более или менее долгие промежутки времени, в пределах которых сумма изменений относительно ничтожна. Кроме того, он считает диахронные явления за «исключительно особые случаи», так как изменение системы происходит только под влиянием событий, которые не только ей чужды, но которые также изолированы и не образуют между собой си--стему ⁷. Изменения, как он думает, касаются в первую очередь какого-либо отдельного звена в системе, но не системы в целом. Мало того, они нарушают систему. В конечном счете все изменения коренятся в речи, т. е. вне системы. Поэтому не может существовать никакого внутреннего отношения между этими изменениями и теми следствиями, которые вытекают из них для системы. Само собой разумеется, де Соссюр не мог

стики, ВЯ, 1956, № 5.

F. de Saussure, Grundfragen der allgemeinen Sprachwissenschaft, Berlin —

¹ Cp.: G. Dietrich, Das Phonem und die Phonologie, «Zeitschr. für Anglistik und Amerikanistik», Jg. 5, Hf. 4, 1957; A. V. Isačenko, Hat sich die Phonologie überlebt?, ZfPh, Bd. 2, Hf. 4, 1956; С. К. Шаумян, Осущности структурной лингвистика ВЯ 1956 М 5

Leipzig, 1931, стр. 18. Там же, стр. 26.

⁴ Там же, стр. 26.

⁵ Там же, стр. 103.

V. Bröndal, Linguistique structurale, «Acta linguistica», vol. I, fasc. 1, Copenhague, 1939, crp. 7.
F. de Saussure, Grundfragen..., crp. 113.

оспаривать того, что каждое изменение имеет обратное влияние на систему. Однако создается такое впечатление, что система языка следует не закономерному процессу постоянного движения и изменения, а что будто бы она изменяется скачкообразно

и случайно¹.

Но прежде всего не надо забывать следующего. Если де Соссюр не призпает системного характера диахронных явлений, то он исходит из работ своих учителей младограмматиков, и его требование о примате синхронного рассмотрения языка в своей основе представляет собой только необходимую антитезу атомистическому и историко-эволюционному методу рассмотрения языка младограмматиками, который соответствовал уровню современной им науки. Там, где де Соссор обращается к вопросам диахронии (в 3-й части своей книги), он все еще стоит на позициях своих учителей.

Структуралисты, за исключением, может быть, пражской школы, абсолютизируют как раз синхронное рассмотрение языка, несмотря на то, что уже де Соссюр признавал, что строгое разделение диахронии и синхронии, хотя и является идеалом, но практически не всегда осуществимо. В своем стремлении к созданию точной науки ученые пытались избежать всего, что не относится к прямому описанию и одновременно ставит под вопрос научность всего построения. Не говоря о немногих ранних трудах (например, «Принципы исторической фонологии» Р. Якобсона, ТСLР, 4, 1931), в последнее время некоторые исследователи2, кажется, стремились к синтезу, например А. Мартине.

Де Соссюр в основном лишь поставил задачу, но не показал пути к ее разрешению. В последнее время это пытаются сделать структуралисты, которые исправляют его положения, систематизируют, развивают дальше и при этом частично доходят аd absurdum. В целом под общим названием «структурализм» можно объединить следующие 3 школы; 4) пражская школа (Cercle linguistique de Prague); 2) копенгагенская школа (Cercle linguistique de Copenhague); 3) американская школа или, лучше, американские школы, которые ведут начало от Л. Блумфилда, в меньшей степени Э. Сепира, причем в такой же мере, а может быть, и более удачно для этой школы можно было бы выбрать название «функциональная лингвистика», «глоссематика» и «дескриптивная лингвистика». При этом не надо забывать того, что за этими группировками кроется множество различнейших мнений и методов. Если придерживаться хронологии, то нужно начать с пражцев. Однако по некоторым причинам, о которых будет речь ниже, я обращусь прежде всего к копептагенской школе.

Копенгагенская школа (глоссематика)

Копенгагенский кружок возник в 1933 г. под руководством двух известных ученых — В. Брёндаля (1887—1942) и Л. Ельмслева (род. 1899). Коненгагенский кружок, особенно Л. Ельмслев³, очень ярко и последовательно развил идеи де Соссюра, при

этом, однако, все более и более удаляясь от конкретных данных языка.

В стремлении к универсальности теория Ельмслева достигла такой высокой степени абстракции, что, естественно, оказалась бесполезной при исследовании конкретных языковых явлений. Влияние теории Ельмслева на рабочие методы его учеников оказалось даже вредным. Хаммерих насмешливо, но метко заметил по этому поводу: «У Ельмслева есть талант к абстракции, но он не интересуется наблюдениями. Можно даже сомневаться в том, разрешил ли он когда-либо в своих структуралистских работах проблемы, не поставленные им самим»4.

Проникнутый духом науки своего времени, для которого характерно тяготение кматематике, пытаясь везде видеть лишь системы, он стремится к своего рода «linguistique linguistique» или «linguistique immanente», к точному исследованию языка при помощи чисто лингвистических предметно-имманентных понятий при отрицании существования материи (ср. положения современной физики). Его цель — «алгебра языка, оперирующая неопределенными единствами, т. е. произвольно названными

² Нитературу см.: М. И. Стеблин-Каменский, указ. соч., стр. 37 (примеч. 1); Р. Г. Пиотровский, Структурализм и языковедческая практика. (Возможна ли структуральная диалектология?), ВЯ, 1957, № 4, стр. 28 (примеч. 6)

5 Cp. L. H jelmslev, Éditorial, «Acta linguistica», t. IV, fasc. 3, 1944, crp. VIII.

¹ Еще отчетливее подобный взгляд изложен у В. Брёндаля, который говорил о «резких прыжках от одного состояния к другому» (см. V. B r ö n d a l, Linguistique structurale, стр. 4 и сл.).

п стр. 29 (примеч. 1).
³ Хотя Ельмслев подчеркивает оригинальность своей теории, однако, как замечает ученик де Соссюра — Ш. Балли, Ельмслев просто правильно истолковывает следующее положение Соссора (последнее предложение «Курса»): «Единственным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в себе и для себя» (ср. L. Hjelmslev, Structural analysis of language, «Studia linguistica», année I, Nº 2, 1947, crp. 74).

L. L. H a m m e r i c h, Les glossématistes danois et leurs méthodes, «Acta philologica scandinavica», Bd. XXI, Hf. 1, 1950, crp. 4.

единствами, получающими мотивированное название только при соотношении с субстанцией». Это сразу же исключает всякое отношение к внеязыковой реальности. Изык рассматривается на основе своей внутренией логики как абстрактная, семиологическая система, которая существует независимо от своей фактической или возможной реализации.

В томе I «Acta linguistica» (Hf. 1) Брёндаль подводит итог прежним лингвистическим исследованиям и предлагает свою программу. Вслед за де Соссором он излагает структуральную точку зрения на язык в его общности (структуре), в его единстве (langue) и его тождестве (синхрония). Язык (la langue), который сравнивается с понятием вида в биологии, он понимает как «чисто абстрактное единство, высшую норму для индивидов, совокупность важнейших типов, которые реализуются речью бесконечно разнообразными способами»; структуру — как «целое, образуемое "солидарными" явлениями, так что каждое из них зависит от другого и может быть самим собой лишь в от и о ш е и и к системе и в с л е д с т в и е с в о е г о о т и о ш е и и я к системе».

Брендаль понимает структуру как «самостоятельный объект». Его целью является построение общей или логической грамматики. В связи с этим возникает вопрос о правомерности панхронического или ахронического рассмотрения языка, при которых псследуются общечеловеческие факторы, действующие на протяжении всей истории языка вообще, а следовательно, также и на каждой стадии развития каждого отдельного языка.

Ельмслев рассматривает язык не как конгломерат физических, физиологических, исихологических, логических и социологических, иначе — неязыковых, явлений, а как «самодовлеющее целое, структуру sui generies и старается создать теорию языка, которая была бы настолько абстрактной и общей, что могла бы применяться не только к любому возможному тексту на любом возможном языке (все равно, встречался ли он ему на практике или нет), но и к текстам и языкам, которые, может быть, никогда не были реализованы и викогда не реализуются.

Основой этого является исключительно формальная система предпосылок, и прежде всего одна «константа», которая, по мнению Ельмслева, дает возможность возвести какой-либо язык в статус языка и благодаря которой каждый конкретный язык во всех формах его проявлений становится идентичным самому себе. Эта константа не содержится, однако, в какой-либо «реальности» вне языка, а, напротив, после се обнаружения может быть проецирована на эту реальность. Указанная константа — это «система», и Ельмслев исходит из предположения, что каждому тексту, полученному на основе опыта, соответствует система, при помощи которой может апализироваться текст.

Вслед за Соссюром истолковывая язык как систему чистых цепностей, Ельмслев требует, чтобы лингвистика изучала не звуки, письменные знаки и значения как таковые, а изображенные с их помощью элементы корреляции, так как именно они для Ельмслева являются реальными языковыми единицами и образуют внутреннюю систему языка, отличающую его от других языков. Реализация этих взаимсогистений в форме конкретных звуков, письменных знаков или значений незначительна для системы, так как языковый знак существует имманентно, независимо от своей резли-зации. Таким образом, несущественно, передаем ли мы что-либо на датском языко устно, письменно, посредством азбуки Морзе или флажных знаков. Во всех случаях мы имеем дело с датским языком, а не с четырьмя различными языками, если только сохраняются связи между отдельными элементами. Фонетика и семантика при этом являются лишь вспомогательными дисциплинами собственно лингвистики: лингвистика описывает модель отношений, отвлекаясь от сущности самих соотносымых единиц, фонетика же и семантика вскрывают сущность этих последних липы путем описания отношений между их частями и частями их частей. Это значит, что фонетические и семантические данные должны следовать или логически выражаться в терминах отношений, в терминах формы, а не субстанции. Погически выражаясь, «лингвистика -- это метаязык первой степени, тогда как фонетика и грамматика -- метаязыки второй степени».

Ельмслев указывает на тесную связь структурализма с логической теорией языка в том виде, как она разрабатывалась такими учеными, как Уайтхэд и Рассел, а также венской школой (прежде всего Карнаном). Независимо от лингвистики и в тесном контакте с математикой Карнап, рассматривая понятие структуры, подобно Ельмслеву, отводит структуре связей первенство по отношению к ее членам и говорит о структур-

ном описании как о высшей степени фогмализации и дематериализации.

Объем настоящей работы не позволяет мне рассматривать различные вилы отношений, которые могут возникнуть между языковыми элементами. Однако следует коротко разъяснить понятие функции, которое играет большую роль для Ельмслева. Под функцией он понимает отношение зависимости между двумя величинами, так называемыми «функтивами», причем «функтив» оп истолковывает как величину, которая имеет функцию по отношению к другим величинами. Пример этому — знак. Знак представляет собой единство двух функтивов, содержания и выражения (точнее — формы содержания и формы выражения), которые связаны функциями знаков. Содержание и выражение «солидарны», т. е. предполагают друг друга. Это соответствует соссюровскому объяснению знака как соединения означаемого и означающего.

¹ L. Пје l m s l e v, Prol**e**gomena to a theory of language, Baltimore, 1953, стр. 2.

Понятия «содержание» и «выражение» не истолковываются [в своем традиционном смысле как значение или звуковой образ (форма акустического звука), так как языковой знак существует независимо от своей реализации. Для существования знака нет необходимости, чтобы его содержание было реальностью, отраженной сознанием, а его выражение реализовалось бы языковыми звуками. Содержание и выражение это только произвольно выбранные обозначения для обоих функтивов знака. «Их функциональное определение не дает оснований называть одно, а не другое из этих единств "выражением" или "содержанием"» 1.

Выражение и содержание нельзя также сравнивать с формой и субстанцией, ибо Ельмслев пользуется последними двумя понятиями как в плоскости выражения, так и в плоскости содержания и говорит о форме выражения и субстанции выражения, гезр. о форме содержания и о субстанции содержания. Ельмслев развивает положение де Соссюра, который утверждал, что язык, вырабатывающий свои единицы между двумя бесформенными массами («массой» мыслей и «массой» звуков), есть форма, а не субстанция. Бесформенная «масса» мыслей, как и бесформенная «масса» звуков, существует поэтому лишь как субстанция для формы. Форма содержания, resp. форма выражения, преобразует эту «массу» мыслей, формирует ее в субстанцию (в субстанцию содержания, гезр. в субстанцию выражения). Особая структура каждого языка вытекает, следовательно, из того, что каждый язык различно формирует и строит обе эти субстанции. Так, например, в плоскости содержания смысл следующих фраз один и тот же: нем. Ich weiß nicht, англ. I do not know, франц. Je ne sais pas, русск. π не внаю. Однако смысл оформлен по-разному. То же относится к плоскости выражения; ср., например, название города Берлина, которое имеет в отдельных языках различное звуковое оформление: нем. [ber'li:n], англ. [be:'lin], япон. [berurin]. Поэтому решающей для Ельмслева остается форма, субстанция же - «нелингвистический предмет» 2. С его точки зрения следует прежде всего изучать язык только как форму, как модель, независимую от употребления³. Ф. Хинтце верно указывал на то, что Ельмслев односторонне понимает отношение формы и субстанции, считая форму константой, а субстанцию переменной и думая, что форма лишь проецирована на субстанцию $(F \rightarrow S)$. По Хинтце, можно предполагать взаимозависимость $(F \stackrel{?}{\rightarrow} S)$. Бросается в глаза, что между обеими уровнями — «содержанием» и «выражением» — существует абсолютный параллелизм. Отсюда следует возможность связи между корреляциями в плоскости содержания и корреляциями в плоскости выражения. При помощи коммунитационных текстов можно решить, являются ли две языковые единицы двумя «инвариантами» (например, двумя фонемами) или только двумя «вариантами» одного инварианта (например, двумя аллофонами, двумя членами одной фонемы). Так, i, e в словах pit и pet — инварианты, так как корреляции i — e в плоскости выражения соответствует корреляция обоих содержаний (pit -- pet) в плоскости содержания. «Важно учесть, что рассмотрение либо только выражения, либо только содержания не дает возможности понять структуру языка. Это возможно лишь при учете взаимодействия различных планов»⁴.

В этом основном положении глоссематики предполагается, что в обеих плоскостях (содержании и выражении) речь идет только о формальных отношениях, а не о фактических языковых звуках или значениях. Подобного рода лингвистику, в которой учение о выражении не есть фонетика, а учение о содержании не есть семантика, эту имманентную алгебру языка Ельмслев с 1936 г. называет «глоссематикой» (греч.

Из того факта, что только форма является предметом рассмотрения, в то время как субстанция не имеет значения, вытекает следствие, на которое уже указывалось. Этот факт дает возможность перенести познания, добытые при помощи естественного языка, на всякую аналогичную структуру (и наоборот). Ельмслев придерживается здесь уже высказанного де Соссюром понятия семеологии — науки о системе знаков, которое он прежде всего «освобождает» от его социологической и психологической основы. Он считает плодотворным изучать при помощи чисто лингвистических методов «языковые» структуры, которые больше не являются звуковым языком, но которые вследствие своей большой простоты представляют собой образцовые примеры элементарной структуры языка, исключающие все сложности, возникающие при исследовании более развитой структуры обычного звукового языка. Такими структурами (langues non-linguistique) являются, например, световые сигналы светофора, диски автоматических телефонных аппаратов, удар башенных часов, которые отбивают часы и четверть часа, азбука Морзе и азбука стука у заключенных. Собственно звуковой язык (langue linguistique) в этой связи рассматривается лишь как частный случай, несовершенный (нелогический) вид реализации языка вообще. Он характеризуется тем, что все другие семеологические структуры могут быть переведены на этот самый язык. То, что исключается из рассмотрения языка, так называемая «внешняя лингвистика», на более высокой ступени анализа снова входит в сферу теории языка (в более широком семеологическом смысле, прежде всего на «имманентной» основе). Теория

² Там же, стр. 49.

¹ L. Hjelmslev, Prolegomena..., стр. 37 и сл.

³ L. Hjelmslev, Structural analysis, crp. 74. ⁴ L. Hjelmslev, Prolegomena..., crp. 48.

языка поэтому, как говорит Ельмслев, занимает ключевую позицию в познании. «Лингвистическая теория следует внутренней необходимости вскрыть не только очертания и использование, цельность и индивидуальность лингвистической системы, но обращает внимание и на стоящих за языком человека и человеческое общество, а также на всю совокупность человеческого знания, приобретенного через язык»¹.

Эти краткие сведения, которые по крайней мере должны указать на направление, по которому развивалась теория Ельмслева, уже показывают, что здесь, если говорить словами О. С. Ахмановой, речь идет о своего рода научном освобождении лингвистики от языка, в той мере, насколько здесь вообще уместно выражение «язык».

Американские школы (дескриптивная лингвистика)

Если можно в чем-либо упрекнуть американцев, то одно, несомненно, можно простить им по сравнению с Ельмслевом и копентагенской школой: они исходят из абстрактных умозрений не дедуктивно, а индуктивно², чисто описательно (дескриптивно), исходят из конкретного, главным образом разговорного языка, или -- чтобы не отступать от терминологии де Соссюра — из речи (la parole). Поэтому им часто удается добиться большой полноты материала, но в то же время им никогда не удавалось показать систему отношений конкретного языка, не говоря уже о языке вообще. По этому поводу И. Уотмоу сделал довольно меткое замечание. «Целью, кажется, является достижение полноты путем каталогизации всех возможных фонем и их дифференциальных признаков во всех языках, что можно сравнить с каталогизацией звезд или морского песка»³. Когда они пытаются установить такую систему отношений, это получается лишь в программной форме, причем примеры берутся из целого ряда незнакомых языков (индейских или туземных), которые в большинстве случаев не поддаются дополнительному контролю. Эти «экзотические» неевропейские языки решающим образом повлияли, однако, на метод исследования и теорию дескриптивлингвистики.

Разбор дескриптивной лингвистики должен начинаться с произведения, которое является для каждого лингвиста-неструктуралиста одним из наиболее фундаментальных трудов, а для структуралистов играет роль библии языкознания, а именно — с книги Л. Блумфилда «Language». Эта книга является исходным пунктом почти всех значительных публикаций американских структуралистов; изложенные в ней положения оттесняют на задний план взгляды других школ. Подобно де Соссюру, Блумфилд идет новыми путями только в области синхронии, в области описания языка, при рассмотрении же истории языка он стоит в целом на позиции младограмматиков и находит их взгляды настолько верными, что название «младограмматик» в Соединенных Штатах иользуется хорошей славой и в настоящее время.

Строго следуя учению своих учителей — бихевиористов, Блумфилд сводит язык и мышление к бесконечной цепи раздражений и реакций, причем мышление, по его мнению, не обязательно связано с языком. Он исходит при этом из следующих простых ситуаций: Джек и Джилл идут по улице, Джилл голодна, видит яблоко на дереве, взбирается вверх и достает его. Тот же самый процесс мог бы разыграться и по-другому: Джилл голодна, однако выражает свое требование при помощи языка, после

этого Джек лезет на дерево и достает ей яблоко.

В первом случае мы имеем дело с простым процессом S (stimulus) \rightarrow R (response). Реакция Джилл не отличается от реакции животного. В последнем случае практические события (процесс S \rightarrow R) прерываются актом говорения, т. е. язык дает человеку возможность реагировать (R), если у другого человека есть стимул (S) 4. В виде формулы это можно выразить так: S \rightarrow rs \rightarrow R. За практическим «stimulus» (S) у говорящего следует «linguistic substitute reaction» (r), которая действует на слушающего как «linguistic substitute stimulus» и которая приводит, наконец, к практической реакции (R). Итак, звуковые волны служат как бы мостом между нервной системой говсрящего и слушающего, не действуя на их сознание.

Предметом лингвистического исследования является собственно речевой акт (г......s), который состоит из элементов голоса, значения которых представляют собой соответственные им элементы раздражения и реакции (S — R). Если Блумфилд сводит язык к механизму раздражения и реакции, то это означает в конечном счете, что человек может понять только то, что лежит в сфере его восприятия. Не случайно, что при выборе примеров он обращается к очень простым ситуациям, в которых речь идет об удовлетворении элементарных человеческих потребностей. Язык сводится в конце концов к диалогу. Вместо общества выступают два индивидуума, говорящий и слушающий, которые непосредственно связаны друг с другом речевым актом.

Последовательное применение этой теории Блумфилда к конкретному предмету, построению английских предложений, проводится Фризом в его нашумевшей книге «The structure of English». Фриз кладет в основу своего анализа английского пред-

¹ L. Hjelmslev, Prolegomena..., стр. 81 и сл.

² L. Bloom field, Language, New York, 1933, crp. 20.

^{1 3} J. What mough, Mathematical linguistics, «Reports for the Eight international congress of linguists», vol. 1, Oslo, 1957, crp. 219.

⁴ L. Bloomfield, Language, стр. 24.

ложения связь раздражения и реакции и очень умело использует при этом свой материал. Он перехватывал телефонные разговоры в течение 5—30 минут (в общей сложности около 50, т. е. свыше 25 000 слов) без уведомления о том слушателя. Этот материал очень подходит для обоснования его теории, так как: 1) речь идет о разговорном языке куниверситетской общины в северно-центральной части СП.А»¹, об (американском) Standard English; 2) язык здесь фактически сводится к диалогу, так как по телефону могут беседовать лишь два лица; 3) речь идет о простых ситуациях из повседневной жизни, т. е. о своего рода «behavior», которое действительно можно выразить формулой «раздражение — реакция»; 4) разговоры были относительно краткими, так что смена говорящих означала в целом конец одного «utterance» и начало другого; итак, материал представляет некое разграничение «utterance units»; 5) все пеязыковые факторы, например жесты, исключались с самого начала, так как говорящие не могли видеть друг друга.

видеть друг друга.

Из этой блумфилдской схемы раздражений и реакций Фриз делает вывод, что с точки зрения их функции звуки могут рассматриваться, во-первых, по отношению к ситуации, которая их вызывает (S), и, во-вторых, по отношению к реакции, которую они возбуждают (R). Для исследования живых языков последний путь ему кажется

самым практическим.

Фриз группирует исследуемые им предложения таким образом, чтобы они регулярно противостояли следующим за ними реакциям. При этом он обнаруживает высказывания, которые регулярно вызывают устную реакцию (приветствие: good morning — good morning; восклицание: Carol — what; вопрос Is Mr L there? — I'm sorry he isn't in just now), далее высказывания, которые вызывают действия, частично сопровождаемые языком [приказ: Just wire me collect if anything has happened — O. K. (Later the wire is received)], и, наконец, высказывания, которые вызывают так называемые conventional signals of attention to continuous discourse, например вкраиленные в эти высказывания слова I see, Good, Oh и т. д. 2 (имеются в виду повествовательные предложения «statements»). Весьма сомнительна, однако, группировка, предполагающая в каждом случае сопоставление раздражения и реакции; кроме того, повествовательные предложения составляют 60% всех языковых высказываний. Таким образом, основные функции языка не исчерпываются функцией обращения, как считал Блумфилд, а после него и Фриз.

В тесной связи с этим стоит вопрос о значении языковых единиц вообще. Все критики обычно указывают, что структурализм рассматривает язык как чистую форму, не учитывая при этом значения. Это является веским упреком, если иметь в виду, что смысл и цель языка состоят как раз в том, чтобы служить средством общения людей между собой. Мнения американцев по этому вопросу расходятся. Одни (Харрис, Трейджер, Блох и др.) принципиально полагают, что чисто формальное описание языковых единиц без учета их значения возможно и может быть вполне исчерпывающим и что оно одно допускает точную формулировку результатов. Другие (Блумфилд, Фриз, Пайк и др.) открыто говорят о том, что вообще нельзя обойтись без значения (и с этим должны согласиться формалисты). Для Фриза, который основательно занимался этой проблемой в своей уже упомянутой книге «The structure of English», а также и в статье «Meaning and linguistic analysis», вопрос стоит по-другому: «Речь идет не об оппозиции между полной бесполезностью значения и его частичной и полной применимостью, а о том, чтобы установить, насколько и в какой форме следует учитывать значение для адекватного анализа» ³. Ориз пытается доказать, что принципиальное исключение фактора «значение» исходит не от Блумфилда; следует иметь в виду при этом, что Блумфилда по праву упрекают в том, что он ведет себя в этом вопросе непоследовательно. Блумфилд настоятельно заявляет, что изучение звуков языка, не учитывающее их значений, есть абстракция, однако из его толкования значения языковой формы как «ситуации, в которой говорящие ее произносят, и реакции, которые она вызывает» 4, следует, что научно точное истолкование значения формы языка предполагает научно точное знание мира говорящими. Это значит, что мы должны быть «всезнающими». Блумфилд, очевидно, путает содержание речевых высказываний вообще со значением лингвистических единиц, которое является единственным предметом лингвистики, и оставляет без внимания прежде всего диалектическое единство общего и частного в значении слова 5. То, что такое единство существует, обеспечивает понимание людей между собой. Но это не означает того, что каждый говорящий употребляет языковую форму в особенном, только ему свойственном значении. Языковой знак относительно постоянен и обязателен внутри языкового коллектива, и практика вынуждает Блумфилда признать это. Язык не просто система условных рефлексов, а вторая сигнальная система. Хотя две ситуации никогда не бывают полностью одина-

¹ C. C. Fries, The structure of English, New York, 1952, crp. 3.

² Cp. C. C. Fries, указ. соч., стр. 41 и сл. ³ C. C. Fries, Meaning and linguistic analysis, «Language», vol. 30, № 1, 1954, стр. 60.

⁴ L. Bloom field, Language, стр. 139.
⁵ Ср. особенно М. М. Гухман, Лингвистический механицизм Л. Блумфилда и дескриптивная лингвистика, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. IV, 1954, стр. 131.

ковыми, Блумфилд все же предполагает, что определенные языковые высказывания по своему значению идентичны, так как «пока мы не обращаем внимания на значения, нельзя решить, являются ли две произнесенные формы идентичными или разными» 1. Без этого нельзя было бы определить дифференциальные признаки отдельных элементов. Важно прежде всего только то, различаются ли две формы по своему значению или нет, а не то, в чем собственно состоит это отличие. По мнению Блумфилда, точный анализ значения еще долгое время останется слабым местом в исследовании языка. Поэтому он принципиально требует, чтобы изучение языка всегда начиналось с фонетической формы, а не со значения. Значения... могли бы быть проанализированы и систематизированы лишь почти всезнающим исследователем 2.

Фриз различает, во-первых, «social-cultural meaning» в широком смысле собственно «linguistic meaning», также «lexical meaning» «structural meaning». Существенными для него являются струк-Блумфилд, как называет их турные, или. конструкционные (иначе ---Блумфилду, функциональные), значения. По конструкция включает в себя множество упорядоченных единиц или позиций, которые могут заполняться только определенными формами. Позиции, в которых может появляться форма, являются ее функциями. Все формы, которые могут стоять в какой-либо деленной позиции, т. е. все формы с одними и теми же функциями, образуют класс форм. Значение конструкции, соответствующий ей комплекс «раздражитель — реакция» он называет конструкционным значением (например, повествовательное, повелительное, вопросительное предложения), значение же позиции — функциональным значением (например, подлежащее, дополнение). Итак, структурные значения представляют собой синтаксические значения отношений, которые «сигнализируются» при помощи формальных средств. Эти формальные сигналы, которые обусловливают различие в структурном значении, являются поэтому для Фриза собственным объектом исследования, и он требует также формального описания языка.

Эти соображения нашли практическое отражение в его анализе английского предложения. Следуя за Блумфилдом, Фриз решительно выступает против традиционного понимания синтаксиса, согласно которому значение — «основа» исследования. Он придерживается мнения, что «грамматика языка состоит из элементов, сигнализирующих структурное значение»³, и предполагает, что эти структурные сигналы — чисто формальны и могут описываться «в физических терминах форм, соотношений этих форм и их перестановок»⁴. Кроме того, он полагает, что эти формальные сигналы функционируют в определенной системе. Элементы формы и перестановки могут быть сигнализирующими, только если они являются частью моделей структурного целого⁵.

Для понимания структурного значения, о котором идет речь, знание лексического значения слова менее важно, нежели установление класса форм, к которому принадлежит слово. Фриз доказывает это на примере двусмысленных телеграфных текстов: Ship sails today. Только если класс форм ship, resp. sails, характеризуется однозначностью (например, через функциональное слово the), структурное значение (повествовательное предложение: The ship sails today или повелительное предложение: Ship the sails today) будет ясным, а предложение понятным. Классы форм — это основные единицы предложения, так что можно сказать: «английское предложение — это не группа слов как таковых, а скорее структура, состоящая из классов форм или частей речи» 6. Принадлежность к классу форм решается не на основе лексического значения слова, а на основе его формы и прежде всего его места в предложении по отношению к другим словам, в том числе и к сопроводительным функциональным словам. Фриз показывает это с помощью так называемых «nonsense words»: A diggled woggle ugged a woggled diggle» (A — ed — ed — ed — ed —). Хотя это предложение не имеет смысла, оно узнается как английское, потому что его структура типична для английского языка и даже сигнализирует структурное значение (хотя и смутно), так как классы форм могут отождествляться. Недостает лишь лексического значения отдельных позиций, которые можно было бы, пожалуй, всегда заполнить словами, имеющими значение. Важным является указание Фриза на то, что формальные средства, которые сигнализируют структурное значение, могут изменяться в ходе исторического развития языка (ср. др.-англ. предложение Glædne giefend lufa god с его переводом на современный англ. God loves a cheerful giver).

В целом Фриз различает 4 класса форм, причем вместо традиционных понятий (существительное, глагол, прилагательное, наречие) он выбирает ничего не говорящие (а поэтому, по его мнению, как раз и подходящие!) обозначения: класс 1, 2, 3 и 4, так как для принадлежности к классу форм решающим является тот факт, что слово может занимать в исследуемом предложении типичную для класса позицию, не изменяя при этом его структурного значения, например: (The) concert was good (food, coffee, it).

¹ L. Bloom field, Language, crp. 77.

² Там же, стр. 162.

³ C. C. Fries, The structure of English, crp. 56.

⁴ Там же, стр. 58.

⁵ Там же, стр. 60.

⁶ Там же, стр. 64

К 1-му классу, таким образом, принадлежат также личные местоимения, так

как они могут заменяться существительными.

Остаются еще 154 слова, так называемые функциональные слова (артикли, притяжательные местоимения, числительные, предлоги, союзы, модальные глаголы и т. д.), которые в разговоре, состоящем из 1000 слов, составляют 7%. Знание этих слов необходимо при овладении каким-либо языком. Их лексическое значение едва ли можно отделить от структурного значения, сигнализируемого ими. Фриз не очень удачно делит их на группы от А до О. Эта строгая классификация позволяет Фризу представить каждое английское предложение или часть предложения в виде формулы (как пример структуры), вследствие чего лексическое значение не мешает формальному рассмотрению. Отдельные образцы предложений характеризуются выбором классов форм, а также их формой и отличительным формальным расположением. Интонапия играет относительно небольшую роль, так что Фриз иногда, вопреки своему требованию придерживаться разговорного языка, грешит против самого себя.

Гораздо строже поступает Харрис в своей книге «Methods in structural linguistics», которая в настоящее время многими рассматривается как стандартное произведение дескриптивной лингвистики. Почти излишне указывать на то, что Харрис в своей книге исходит главным образом из труда Блумфилда «Language». Цель его работы — найти по возможности более простые и целесообразные методы расположения (расстановки) фонологических и морфологических элементов языка, а также определить их распределение по отношению друг к другу (под распределением Харрис понимает сумму всех возможных «окружений», в которых может находиться какой-либо элемент). «Основной областью исследования дескриптивной лингвистики, ...является распределение или расположение некоторых признаков по отношению друг к другу в потоке речи» 1. Хорошим примером применения метода Харриса является его толкование фонемы, которое не основывается на обычной фонологической оппозиции. «Наш метод не зависит от фонемных противопоставлений. Фонемы образуются в связи с регулярными различиями, отмечаемыми в каждом окружении» 2.

Ввиду того что каждый элемент на каждой ступени исследования определяется суммой своих отношений к остальным элементам того же порядка, он теряет свою позитивную предметность и становится точкой пересечения пучков отношений. (Ср. подобную же точку зрения Ельмслева.) «Так как каждый элемент узнается соотносительно с другими элементами того же уровня и определенными элементами низшего порядка, рассматриваемые элементы представляют собой просто символы определенных соединений отношений: особые возможности встречаемости и особые отношения к другим элементам. Поэтому можно считать символы не выражением определенных наблюдаемых элементов, которые занимают "окружение", а скорее самим "окружением" и его отношением к другим окружениям, занятым тем или иным элементом. Мы можем говорить, таким образом, об отношениях между окружениями или о позициях как об основных элементах» 3.

Этими элементами, которые больше не являются составными частями фактических языковых высказываний, а являются символами, можно довольно свободно оперировать. Каждое языковое высказывание можно перевести в комбинацию элементов отношений, а эти последние после окончания анализа перевести снова в язык. «Поэтому удобнее считать элементы чисто логическими символами, при помощи которых можно производить различные операции математической логики» 4. Разница состоит только в том, что дескриптивисты, в отличие от логиков, анализируют фактически существующие языки.

Если учесть это сведение языка к системе чистых отношений, так напоминающее положения Ельмслева, то совершенно неудивительно стремление Харриса абсолютно исключить значение языковых форм. Однако он все же допускает его, чтобы определить, является ли форма повторением другой формы или нет. Если этого нет, то последовательное применение метода Харриса требует, чтобы обе формы отличались также с точки зрения своего распределения: «Затем мы обнаружим, что они отличаются по своему распределению (а отсюда!) и по значению» 5.

После приведенного сжатого обзора мы можем ответить на вопрос, поставленный ранее, а именно, как американские структуралисты относятся к проблеме значения

языковых единиц.

1. Следует различать лексическое и структурное значение (синтаксическое значение отношений). Под «значением» мы подразумеваем в общем лексическое значение.

2. Американские структуралисты теоретически едины в предположении, что языковые высказывания можно анализировать точно лишь в отношении их формы, тем более что различие в значении может выражаться формально (каждое определение, основанное на значении, ненаучно). Практически эти ученые признают также, что нужно учитывать значение языковых единиц по меньшей мере в смысле «дифференциального значения». Достаточно установить, что две формы различаются по зна-

¹ Z. S. Harris, Methods in structural linguistics, Chicago, 1951, ctp. 5.

² Там же, стр. 76.

³ Там же, стр. 370 и сл.

⁴ Там же, стр. 18. ⁵ Там же, стр. 7, примеч. 4.

чению, при этом несущественно, в чем именно. Если исходить из практики, то намеченное вначале деление на две группы фактически является мнимым.

3. Однако из этого не следует делать поспешный вывод о том, что всем структуралистам была неясна основная функция языка как средства понимания. Значение исключается целым рядом исследователей только в силу их методических принципов, ибо до сих пор науке не удалось точно определить его. Так, Фриз предостерегает: «Традиционное использование понятия "значение" как основы анализа не должно приводить к выводу, что я не считался со значением как с таковым, или что я отрицаю положение о том, что главная цель языка — сообщать различные значения. Лингвист должен постоянно оперировать значением» 1. Однако признание функции сообщения находится здесь в противоречии с методом, ибо оно не влияет на сущность метода.

4. Следует заметить, что ни у одного из названных исследователей ничего не говорится о взаимодействии формы и значения, формы и функции. В этой связи моя задача не состоит в разъяснении тезисов Хорна, касающихся проблемы формы и функции; мне хотелось бы лишь указать на то, что взгляд Хорна на функционирование языка был своего рода реакцией на теорию младограмматиков и что только Хорн в противоположность структуралистам, которые впадали из одной крайности в другую, нашел путь, который, по моему мнению, верно соответствует сущности языковых явлений, его диалектике, а потому и указывает на правильный выход из кризиса. который переживает языкознание. Может быть, небезынтересно узнать, что Блумфилд в своей книге «Language» хотя и приводит примеры из труда Хорна «Sprachkörper und Sprachfunktion»², все-таки не признает доводов Хорна и невольно возвращается на позиции младограмматиков, взгляды которых вполне соответствуют его механистическому методу. Исключения из механически действующих звуковых законов объясняются при помощи аналогических изменений или лингвистических заимствований; причины звуковых изменений отбрасываются как неизвестные. «Причины звуковых изменений - неизвестны» 3. Блумфилд невольно поддерживает теорию Хорна, объясняя утрату окончания -е- 1-го лица настоящего времени ед. числа как апокопу (стр. 382). Он пишет: «OE (ie) singe > (I) singe». По поводу развития латинского amare habeo>франц. aimerai он замечает следующее: «Это явление, должно быть, произошло при весьма необычных условиях»⁴. Это звучит малоубедительно, однако нам известны также подобные случаи из других языков (например, образование претеритума германских слабых глаголов с так называемым «дентальным суффиксом», фактически представлявшим собой глагол $tun)^5$.

Второй большой упрек, который можно сделать структуралистам,— это анти-историзм, характерный для большинства американских структуралистов. Блумфилд, например, откровенно говорит: «Для описания языка совсем не требуется исторических данных; в самом деле, исследователь, который опирается на такие данные при описании языка, всегда искажает факты» 6. Это не мешает ему посвятить значительную часть своего произведения вопросам исторического языкознания, хотя он и не получает при этом сколько-нибудь ценных новых результатов. Для значительного числа дескриптивистов проблема синхронного или диахронного рассмотрения языка не существует. Объясняется это не столько влиянием де Соссюра, сколько практическими

требованиями, а именно — спецификой исследования индейских языков.

Дескриптивисты ограничиваются регистрацией и описанием языковых явлений в том виде, какими они кажутся наивному говорящему, и сознательно лишают себя средства объяснить эти явления?. Каждый конкретный язык, в том числе и формальная сторона языка, которой структуралисты придают слишком большое значение, в любой момент существования является продуктом своего исторического развития, связанного в свою очередь, хотя и не непосредственно, с историей носителей языка. Различение синхронии и диахронии, несомненно, оправдано с точки зрения методики. Это, однако, не должно приводить к абсолютизации одного из указанных моментов. Как при синхронном рассмотрении языка можно не исключать фактора времени, так и при диахронном рассмотрении языка можно учитывать наличие системы. Неправильным во взглядах дескриптивистов является то, что они выдают свой основной недостаток (отсутствие исторического подхода к языку) за идеальное описание языко-

¹ С. С. F r i e s, The structure of English, стр. 8, примеч. 6. Ср. также Y. В. С а г-

rol, The study of language, Cambridge (Mass.), 1953.

2 Cp. L. Bloomfield, Language, стр. 354, 363 и сл., 387, 415, особенно 388, где он по крайней мере иногда поддерживает «теорию семантической слабости», как он сам ее называет.

³ Там же, стр. 385.

⁴ Tam me, crp. 415.
5 Cp. R. Berndt, Form und Funktion des Verbums im nördlichen Spätaltenglischen, Halle, 1956, стр. 21.
6 L. Bloomfield, Language, стр. 19 и сл.

⁷ Сам Блумфилд должен согласиться: «Лингвистические изменения особенно интересуют нас, так как они дают единственную возможность объяснить языковые явления» (L. Bloom field, Language, стр. 281).

вого состояния (которого, строго говоря, даже и нет) и этот принцип переносят на такие

языки, история которых хорошо известна.

Наряду с этой необходимой критикой нельзя, однако, не указать на положительные моменты в методах работы американских лингвистов, например их требование исходить из разговорного языка, а не из письменного образа. Это имеет значение не только для исследования языка в настоящее время; следует попытаться применить добытые таким образом сведения к разным периодам развития языка 1. Положительным также является и то, что исследование неиндоевропейских языков привело американских лингвистов к выводу, что понятия и представления, выработанные на основе индоевропейских языков, не должны переноситься на все семьи языков, как это делалось до сих пор; язык должен описываться при помощи категорий, которые свойственны его структуре. Это звучит как азбучная истина, но новейшие публикации показывают, что мы еще не окончательно перешли от традиционной грамматики, ориентирующейся на классическую латинскую, к описательной грамматике (слово «описательная» здесь употребляется не в антиисторическом смысле, а лишь должно означать, что язык не терпит принуждения). Чтобы признать эти требования, не обязательно нужно быть структуралистом. Они, однако, подтверждают правильность того, что мы сами требуем от современного изучения языка.

Пражская школа (функциональная лингвистика)

Пражский лингвистический кружок (Cercle linguistique de Prague), который послужил образцом для уже упомянутых школ, был основан в 1926 г. проф. В. Матезиусом (1832—1945) и объединил ряд молодых лингвистов (в том числе Б. Гавранка и Б. Трнку). Этих ученых больше объединяли общие интересы к определенным проблемам общего языкознания, чем единые рабочие методы.

Возникает вопрос, можно ли говорить о пражцах как о приверженцах структурализма. Как известно, их способ рассмотрения языка существенно отличается от американского и копентагенского. Они, например, никогда не теряли из виду связь языка с внеязыковой реальностью. Они менее придерживались крайних новшеств во взглядах де Соссюра (строгое отличие «langue» от «parole» или отличие внутренних и внешних языковых явлений, строгое отграничение синхронии от диахронии, взгляд на язык как на систему чистых отношений и т. д.). Напротив, они скорее близки к тому, что в работе Соссюра является традиционным. В связи с этим Ельмслев упрекал их следующим образом: «Ими принимаются главным образом те части работы де Соссюра, где langue не отожествляется с чистой формой, а речь понимается как форма, находящаяся внутри субстанции, и зависит от нее» 2. Однако большую путаницу создало то обстоятельство, что пражская школа и фонология стали одним понятием, и если говорят о пражской школе, то подразумевают в общем фонологию. Менее известны теории, которые развивались этой школой в других областях, например перенесение основных понятий структурного рассмотрения языка на литературоведение. Без фонологии ³ современная лингвистика немыслима, значит: ergo если фонология является структурализмом, то каждый ученый, который занимается ею, в некотором отношении неминуемо должен быть «структуралистом». Само собой разумеется, что эта формулировка чересчур утрирована, но заключает в себе и рациональное зерно: фонология невозможна без структурного рассмотрения языка (мы избегаем «неприятного» слова «структуралистский»), так как понятия «фонологический» и «неструктуралистский», или нефункциональный, несовместимы 4 . Существенно только то, что пражцы употребляют понятие «структуралистский» в связи с их понятием функции, и это отличает их от подлинных «структуралистов». Пражцы едины с остальными структуралистами, во-первых, в отказе от атомистического способа рассмотрения языка, типичного для младограмматиков, и придерживаются вытекающего отсюда положения о необходимости рассматривать язык как систему, во-вторых, в тезисе о том, что линг-- самостоятельная наука, которая строится на понятии языкового знака, а не конгломерата психологии, физиологии, логики и социологии. Кроме того, между ними существуют значительные различия. Поэтому если под «структурализмом» подразумевают в основном отрицательное направление в лингвистике, то в настоящее время о пражцах можно было бы говорить как о структурной или (по предложению Трнки) о функциональной лингвистике (следует подчеркнуть, что именно в настоящее время, так как до этого упомянутые положительные черты существовали только как тенденция и не у всех представителей пражской школы). Это отчетливо показала дискуссия о структурализме в журнале «Tvorba» (1951 г.), которая не припела к достаточно удовлетворительным результатам.

¹ Cp. W. Horn — M. Lehnert, Laut und Leben, Bd. I, Berlin, 1954, crp. 69—71.

² L. Hjelmslev, Structural analysis, ctp. 73.

³ Или, точнее, следовало бы говорить о фонологиях? Ср. G. Dietrich, указ. соч. и С. К. Шаумян, указ. соч.

⁴ F. Hintze, Bemerkungen zur Methodik phonologischer Untersuchungen, «Studia linguistica», année 2, № 1, 1948, crp. 34.

Программа пражцев к І съезду славистов была разработана в октябре 1929 г. в Праге и появилась под названием «Thèses» в первом номере «Travaux du Cercle lin-

guistique de Prague».

Пражцы рассматривают язык как систему целесообразных средств выражения, как функциональную систему. Изучение языка вызывает настоятельную необходимость считаться с различием лингвистических функций и способов их реализации в рассматриваемом случае. В противном случае (синхронная или диахронная) характеристика какого-либо языка «нарушается», а в некоторой степени и искажается. Звуковая и грамматическая структура языка и его словарный состав меняются именно в зависимости от этих функций и способов ¹. В отличие от Ельмслева, под «функцие**й»** они понимают не только внутреннюю взаимозависимость отношений, скажем, обеих функтивов знака, а цель, назначение языковых единиц.

Далее они подчеркивают, что лучшим способом исследования сущности и харакгера языка является синхронный анализ; однако в противоположность де Соссюру и женевской школе они добавляют следующее: «Между синхронным и диахронным методами нет непроходимых преград» ². В диахронический анализ должно вводиться понятие системы, в связи с чем делается следующее критическое замечание о де Соссюре: «Было бы нелогичным предположить, что лингвистические изменения представляют собой стихийно действующие "разрушительные" явления, разнородные с точки зрения структуры» 3. Следует постоянно иметь в виду воздействие отдельных изменений на систему. С другой стороны, синхронное описание, которое охватывает элементы языковой системы с точки зрения их функции, не полностью исключает понятие эволюции (например, в вопросе, продуктивна форма или нет). Практически пражцы вообще обращались к синхронному изучению языка. Это отчетливо видно из их стремления не к генеалогическому, а к типологическому сравнению языков, что дает возможность выявить существенные черты их системы и установить, какие вообще существуют типы языков. Сравнительно-исторический метод сменяется методом аналитического или синхронного сравнения структуры не только родственных, но и близких в территориальном отношении языков, образующих так называемые «языковые союзы» (например, балканские языки). В связи с этим выражается сомнение относительно ценности проблемы общего «праязыка» 4. Это не должно означать, что типологическое сравнение, синхронное сопоставление на основе общих структурных признаков в некоторых случаях не может быть оправдано; при таком подходе, однако, необходим учет истории отдельных языков и их носителей 5.

В разделе «Тезисов» о функциях языка или о языках с различными функциями делается различие между «langage intellectuel» и «langage émotionnel». Утверждается, что «каждый langage fonctionnel имеет свою систему условностей» 6. Эта теория становится сомнительной, когда языковые слои или стилевые уровни абсолютизируются до уровня «языков», а о литературном языке (la langue litteraire) и о языке поэзии (la langue poétique) говорят как о различных языках, которые должны принципиально отличаться, с одной стороны, друг от друга, а с другой — от народного языка (la langue populaire). Таким образом, нарушается единство национального языка и обнаруживается, что внешне привлекательный функциональный метод изучения не должен вводить в заблуждение относительно того, что у пражцев существовало еще много пеясностей относительно сущности языка, его признаков и функций.

Особенно резко сказывается это при рассмотрении языка поэзии, который, согласопределению, направлен непосредственно на знак. «Организующим показателем искусства, отличающим его от других семиологических структур, является направление намерения не на означаемое, а на сам знак» 7. Знак (а он здесь означает языковое выражение) становится самоцелью. Всякая оценка языкового произведения искусства может исходить поэтому из его языковой формы, что создает благоприятные условия для применения принципа «l'art pour l'art» 8. Прежде всего нужно принять во внимание, что «Тезисы» были написаны в то время, когда в искусстве и в литературе были модны различного рода «измы» и когда в литературном языке обнаружились большие зло-

¹ «Thèses», TCLP, 1, 1929, стр. 14. ² Там же, стр. 7.

³ Там же, стр. 7.

³ Там же, стр. 8.

⁴ Ср. N. Trubetzkoy, Gedanken über das Indogermanenproblem, «Acta linguistica», 1, 1939, стр. 8 и сл.; В. Тrnka, Méthode de comparaison analytique et grammaire comparée historique, TCLP, 1, 1929, стр. 33 и сл.

⁵ Ср. G. Pätsch, Grundfragen der Sprachtheorie, Halle, 1955, стр. 177 и сл.;

E. Seidel, Zur Lehnprägung, «Wissenschaftliche Zeitschrift. Ernest-Moritz-Arndt-Universität, Greifswald», Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, N 1/2, Jg. VI, 1956/1957, crp. 55—56.

^{6 «}Thèses», стр. 15. 7 Там же, стр. 21.

^{8 «}Знак — это доминанта в системе искусства, и когда историк литературы избирает главным объектом своего исследования не знак, а означаемое, когда он изучает идеологию литературного произведения как независимую и автономную структуру, он разрывает иерархию ценностей изучаемой им структуры. Следует изучать поэтический язык в самом поэтическом языке» («Thèses», стр. 21).

употребления. Так, например, язык экспрессионистов, который подрывал правила грамматики, а свою бедность и неясность содержания «покрывал» изобилием формальных элементов, в действительности имел мало общего с разговорным языком, и не случайно в «Тезисах» упоминается как особенность языка поэзии «элемент конфликта и искажения».

Почти через 20 лет (1957) Трнка в журнале «Вопросы языкознания» в такой же декларативной форме выступил в дискуссии о структурализме ¹. Мы имеем в виду совместную работу Трнки с другими учеными, входящими в «Группу функциональной лингвистики», кружка современной филологии при Чехословацкой Академии наук в Праге. Статья, являющаяся критическим обзором, представляет собой отмежевание от других школ и одновременно программу на будущее. Это — не радикальный поворот, а в основном подтверждение собственной точки зрения в отношении некоторых вопросов; в некоторые вопросы вносятся исправления и уточнения, особенно в вопрос взаимоотношения между языком и обществом. Главная опибка пражцев — как и структуралистов вообще — состоит в том, что они недооценивали связи языковой структуры с другими окружающими ее структурами. «Дальнейшее творческое развитие структурализма возможно только в том случае, если его представители будут стремиться к тому, чтобы, с одной стороны, понять языковую реальность во всех ее существенных связях с внеязыковыми реальностями, а с другой стороны, объяснить всесредства, которыми пользуется язык»². Эта связь между языковой и внеязыковой реальностью проявляется ярче всего в области словарного состава, менее отчетливо она видна в области учения о звуках — главном объекте исследования пражцев. В этом скрывается одна из причин того, что эта связь ими недооценивается.

Оценивая две другие крупные школы структурализма, глоссематику и дескриптивную лингвистику, Трика предлагает для пражского структурализма название «функциональная лингвистика». Пражцы отмежевываются от теории Ельмслева как от науки а ргіогі, создающей впечатление логически продуманного механизма, независимого от языковой действительности. С другой стороны, во взглядах пражцев есть точки соприкосновения со взглядами Блумфилда, хотя пражская школа и не придерживается того мнения, что семантические критерии не имеют значения. Наконец, пражцы отличаются от других кружков структурным истолкованием исторического развития языка. Язык является системой, которая находится в определенном движении во времени. При исследовании отдельных явлений нужно иметь в виду всю систему, пбо только тогда можно прийти к удовлетворительным результатам.

Трнка следующим образом подводит итоги прежним трудам: «Структуралистские методы находятся пока еще в стадии разработки... До сих пор ни одной из школ не удалось сделать совершенно удовлетворительного описания какого-либо языка в целом» 3. Однако применение структурных методов вполне возможно, если оставаться не только на почве языковых фактов, но и обращать внимание на связь между историей языка и историей данного языкового коллектива. Из сказанного понятно следующее определение: «Структурализм, на наш взгляд, является течением, рассматривающим языковую реальность как реализацию системы знаков, которые обязательны для определенного коллектива и подчиняются специфическим законам. Под знаком пражская школа понимает языковой коррелят внеязыковой реальности, без которой она не имеет ни смысла, ни оправдания своего существования»⁴. Объективные законы языка действуют не механически как законы естествознания, а имеют нормализующий характер и обычно имеют силу лишь для определенной системы, для определенного времени. Это не исключает того, что некоторые из них действительны для многих языков, пожалуй, для всех дошедших до нас языков, так как все языки, кроме своих особенностей, имеют еще сходства и общие черты, которые можно научно исследовать. Именно благодаря такому пониманию структурального исследования языка, при котором за языком закрепляется функция средства общения внутри общества, пражские функционалисты значительно отошли от двух других школ, и остается лишь ждать, к каким практическим результатам это приведет.

4

На этом я заканчиваю свой краткий и, к сожалению, далеко не полный обзор путей и целей трех значительных школ структурализма. Полнота изложения не была моей задачей; я надеюсь, однако, что мне удалось ознакомить читателей с проблематикой этого часто упоминаемого, но многими пренебрегаемого, а многим неизвестного направления в современном языкознании. Для меня было важным указать на общие исходные пункты и линии развития и, может быть, побудить к критическому обсуждению того или иного затронутого здесь явления, что в «худшем случае» могло бы при-

¹ Ср. также: В. Гавранек, К. Горалек, В. Скаличка, П. Трост, Материалы к IV Международному съезду славистов [Ответ на вопрос № 7: Что нового внесла структуральная лингвистика в историческое и сравнительно-историческое изучение славянских языков?], ВЯ, 1958, № 2.

² «Thèses», crp. 47.

з Там же.

⁴ Там же, стр. 44.

вести к укреплению и систематизации собственных взглядов на язык. Было бы интересным продемонстрировать различия между методами отдельных школ при помощи одного единственного примера. Такое сравнение, однако, увело бы в бесконечность

и потребовало бы сотрудничества представителей всех указанных школ.

Вместо этого я хотел бы возвратиться к поставленному выше вопросу: совместим ли структурализм с языкознанием, базирующимся на марксизме, может ли он вообще способствовать развитию марксистского языкознания? Было бы безрассудным и поверхностным в настоящее время сразу же дать отрицательный ответ на этот вопрос, как это уже часто случалось. Необходимо уяснить, что же собственно является марксистской лингвистикой; этот, казалось бы, простой вопрос, как показала практика, еще не разрешен удовлетворительно. Кроме того, практическая работа с языком и над языком должна доказать пригодность или непригодность структурных методов, их преимущество или их несостоятельность по сравнению с традиционными или с другими новыми метолами.

Уже сейчас можно сказать, что теория Ельмслева едва ли имеет практическую ценность. Этого нельзя сказать о работах американцев и особенно пражцев, которые в области фонологии, на которой я здесь не мог остановиться, дали очень ценные исследования систем отдельных языков. Я упоминал уже в ходе своего изложения о положениях структуралистов, которые можно приветствовать, например: рассмотрение языка как системы, исследование разговорного языка, изучение языка при помощи понятий, которые ему свойственны. Я считаю также употребляемое Фризом название «структурное значение» весьма плодотворным. Следует отметить, что эти положения можно проводить в жизнь и не будучи структуралистом; также надо ска-

зать, что они выдвигались и другими направлениями в лингвистике.

Структуралисты могли бы возразить, что это один из способов расправиться с учением структурализма. Здесь есть какая-то доля правды, но этот аргумент, однако, не является решающим, так как только что упомянутые «позитивные» положения собственно не касаются зерна структуралистского учения. Наряду с ними есть и другие, более существенные положения, которые являются абсолютно неприемлемыми, например положение об исключительно синхронном рассмотрении языка, которое в настоящее время очень актуально. Труды структуралистов ясно показали, что язык не может уподобляться совокупности химических соединений, что он представляет собой исторически развивающийся живой организм. Было бы нелепым, если бы мы отказались от замечательных результатов исторического исследования языка. Мы бы только лишили себя возможности исследовать языковые явления, внутренние законы развития языка. Языкознание есть и останется исторической и общественной наукой.

Рассмотрение проблемы синхронии и диахронии приводит к выводу, что было бы бессмысленным при всех здесь упомянутых альтернативах настаивать на примате

одного или другого аспекта.

Мне кажется, что наилучшим путем является синтез, к которому, например, частично стремились и пражцы. Недостаток всех направлений языкознания состоит, по моему мнению, в том, что обычно требуют последовательности и единства теории без учета, если можно так выразиться, «непоследовательного» и «не единого» предмета исследования — языка. Каждая школа несомненно вносит свой ценный вклад в исследование языка, но каждая школа рассматривает его односторонне. Отпугивающее название «структурализм» поэтому не должно препятствовать принятию того, что кажется нам особенно ценным. Мы при этом не отказываемся от основной марксистской концепции. Мы будем критически проверять, но у нас нет оснований, подобно Ельмслеву, превращать языкознание в tabula rasa. Как сказал Пітейниц, «марксизм рассматривает себя не как совершенно новую науку, построенную на "tabula rasa", а как наследницу всех знаний, добытых всей прежней наукой, которую марксизм продвинет вперед на методически более высоком уровне».

К. Хансен

письма в редакцию

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Напряженные методологические искания в области советского языковедения, главным образом за последние 9 лет, все еще не дали особенно значительных результатов непреходящего значения. В ряде важных областей эти искания остаются только определенным количеством более или менее влиятельных контроверз. Тем не менее необходимо уже и сейчас их суммировать, подойдя к ним критически, и создать ряд крупных монографий с синтезирующим назначением. Представляется вполне реальной возможность уже в ближайшее время организовать под компетентной

редакцией коллективные труды такого рода.

Широкое применение эксперимента (если не говорить о специальной области, где он сразу завоевал себе права, — об экспериментальной фонетике) некоторое время давало значительные результаты в изучении синтаксиса, связываясь, собственно, с одним только именем А. М. Пешковского. Мастерски экспериментируя в этой области, Пешковский наглядно показал, как много дает для углубленного понимания соответствующих фактов умелое, подчас требующее от экспериментатора немалой творческой фантазии построение родственных, синонимических конструкций. Синтаксис, однако, отнюдь не единственная область языкознания, где эксперимент возможен и где его применение может дать ценные результаты. Многие вопросы, например проблемы современного словообразования, как есть все основания предполагать, могут встать перед нами в другом аспекте — значительно углубленными сравнительно с тем, как их освещают в нынешней научной практике, если наша наука смелее откроет в отношении их дорогу творческому, методологически оправданному экспериментированию. Думаю, что и лингвостилистика в целом для своего оживления нуждается в том, чтобы оторваться от ставших уже почти трафаретными приемов констатации и систематизации входящих в сферу ее ведения фактов и ввести в той мере, в какой это окажется посильным для ее наиболее способных работников (главным образом тех, которые обладают, кроме научного, еще и собственно-писательским талантом), также и творческое экспериментирование над подходящими для этой цели

Серьезное внимание должны привлечь к себе, уже по возможности в ближайшее время, вопросы координации проблематики языковедения и применяемых в этой науке методов с проблематикой и методами наук, так или иначе соприкасаю щихся с лингвистикой. Точек соприкосновения языковедения с другими науками, как известно, много; но далеко не все они привлекали и привлекают к себе внимание, которого заслуживают по самой сущности дела. Важное, требующее всякого поощрения явление нашего времени — разработка, например, определенных вопросов кибернетики (машинный перевод и т. п.). Но это, конечно, далеко не все, что имеет большое значение для развития науки о языке в возможных ее связях с другими областями знания. Необходимо, во-первых, возможно полнее наметить объекты исследовательской работы в этом отношении, во-вторых, реально обеспечить им права на серьезное, не только декларативное, внимание со стороны работников пауки. Нужно сделать практические выводы из мысли, очень хорошо выраженной известным норвежским ученым и путешественником Т. Хейердалом в его замечательной книге «Путешествие на Кон-Тики»: «Современиая наука требует, чтобы каждая специальность рылась в своей собственной ямке. Никто не привык заниматься разборкой и сопоставлением того, что добыто из разных ямок». Если, действительно, такая привычка редка, то нужно признать, что, сознавая пользу и другого возможного подхода к делу, следует решительно стать на защиту последнего и добиваться его реализации в нынешний — мы все в этом уверены — переломный период в истории советской науки вообще и нашей в частности.

Есть все признаки, что в языкознании сейчас совершается методологическое обогащение этой — в своих основах гуманитарной — науки исследовательскими приемами м а т е м а т и к и. Нет сомнения, что применение математических методов раньше или позже сыграет и для языкознания свою благодатную роль. Симпатии языковедов в этом отношении не представляют чего-либо радикально нового. Если известная манера изучения фактов языка И. А. Бодуэна де Куртенэ могла представляться И. В. Ягичу только склонностью его «к математическим или, вернее, выглядящим как математические формулировкам (формулам)», то обращение к статистическому, вер-

нее — подсчетно-арифметическому изучению языковых фактов дало несомненные результаты в работах таких представителей нашей науки, как, например, В. А. Богородицкий и другие ученики Бодуэна, М. Н. Петерсон и т. д. Имела место в ней и очень серьезная попытка В. Ф. Чистякова и Б. К. Крамаренко¹. Самое, впрочем, важное и компетентное обоснование возможности применения математического метода к языковедческой проблематике принадлежит покойному академику — математику А. А. Маркову в его известной статье 2. Возможно, что я сейчас не называю чего-нибудь очень важного из работ по математическому методу в языкознании 3; мои замечания имеют сейчас в виду не столько литературу вопроса и характеристику сделанного в этом направлении, сколько внимание к настоятельной необходимости максимально развивать работу этого рода уже в ближайшее время.

Не следует бояться того, что применение, например, теории вероятностей (если применять ее будут специалисты-математики, а не сами языковеды, которые по необходимости окажутся в этой области дилетантами), возможно, сильно подорвет значение некоторых областей языкознания в том их состоянии, в каком мы их знали до сих пор. Имею в виду прежде всего такие, как сравнительно-историческая этимология, это область часто не очень высоких вероятностей, иногда только возможностей и просто научной игры. Самим языковедам хорошо известна невысокая цена сравнительноисторических реконструкций древнейшей флексии («viel Geschrei und wenig Wolle», по выражению И. В. Ягича). В этой области критика с позиций теории вероятностей вряд ли скажет много лестного в пользу наших традиционных исследовательских приемов. Но положение дела властно требует от нас мужества. Мы должны «пригласить» математику подвергнуть решительной и вдумчивой критике то, что в этих областях языкознания требует своего методологического пересмотра, безжалостно отбросить то, что при таком пересмотре окажется уже нежизнеспособным, и вместе с математиками осветить перспективы того здорового в этих отраслях нашей науки, что выдержит критику.

Очень важный перелом в истории советского языкознания, связанный с выступлением И. В. Сталина по поводу лингвистической дискуссии 1950 г., дал в общепрактическом плане результаты меньшей ценности, чем можно было рассчитывать. Раскрепощение языкознания от заведомо вредных концепций «нового учения о языке», конечно, принесло большую пользу, дав возможность, во-первых, вернуться ко многим давно оправдавшим себя методическим приемам, скажем условно, «классического языкознания» XIX — начала XX в., во-вторых, реализовать значительную научную продукцию в заброшенных или пренебреженных областях языкознания, не созвучных или и вовсе враждебных «новому учению о языке». Много, может быть — слишком много, внимания привлекла к себе, однако, критика продукции предшествующего периода. Почти невольно создалась иллюзия, будто, подвергнув уничтожающей критике учение, претендовавшее на то, чтобы быть марксистским и притом в области языкознания — монопольно-марксистским, сделали если не все, то по крайней мере самое существенное для того, чтобы обеспечить науке о языке марксистскую методологию.

На самом деле, без риска впасть в большую ошибку, по-видимому, можно сказать, что для того чтобы безусловно немарксистской концепции акад. Н. Я. Марра противопоставить настоящую марксистскую концепцию, в языкознании — в его целом и в отдельных отраслях — сделано еще очень мало. Имеем ли мы хотя одно достаточно серьезное пособие, монографию или даже статью, в которых убедительно показано было бы, чем именно лингвистический анализ, претендующий на наименование марксистского, отличается от того, с которым мы встречаемся в работах, не имеющих намерения отражать марксистское мировоззрение их авторов? Важно, что дискуссия 1950 г. и последовавшая за нею критика «нового учения о языке» убедительно вскрыли вульгарно-социологический, следовательно, исевдомарксистский характер объяснений решительно всех явлений языка действием социальных факторов. Мало было сделано, однако, для другого — выделения и показа того, что все-таки после устранения областей, в общем «нейтральных» для метода в социологическом аспекте (фонетика, грамматика), остается допускающим и требующим к себе внимания с позиций определенно-марксистских (классовых и т. д.). Сделать это можно и нужно уже в ближайшее время. Редакция «Вопросов языкознания», думаю, хорошо сделала, напечатав (в переводе) в № 2 за 1958 г. статью известного французского ученого М. Коэна «Современная лингвистика и идеализм». Если в этой статье соответствующая проблематика затронута даже и не очень полно, то важно все-таки, что она определенно затронута. Дополнить и углубить ее следует, конечно, в первую очередь нам представителям советской науки, и это, вероятно, не заставит себя ждать; соответствую-

В. Ф. Чистяков и Б. К. Крамаренко, Опыт приложения статического метода к языкознанию, вып. 1, Краснодар, 1929. Ср. также литературу, указанную в «Вопросах языкознания» (1958, № 3 и др.).
 ² См. А. А. Марков, Пример статистического исследования над текстом

² См. А. А. Марков, Пример статистического исследования над текстом «Евгения Онегина», иллюстрирующий связь испытаний в цепь, «Изв. Имп. Акад. наук», Серия VI, т. VII, № 3, 1913.

³ Насколько этот метод (или, вернее, методы) уже привлекает к себе внимание главным образом молодых языковедов, можно видеть хотя бы из статей и обзоровопубликованных в «Вопросах языкознания» за истекций год.

щая работа, безусловно, оправдает себя результатами серьезного научного и вместе с тем общественного значения.

С ближение школы с жизнью, властно диктующееся потребностями советского коммунистического строительства, требует в области языковедения, если говорить в общих чертах, прежде всего переброски того моста между школьной методикой и наукой о языке, которая, не без серьезных удач, начата была в Советском Союзе в 20-х гг., но дальше, приблизительно с середины 30-х гг., все меньше привлекала к себе внимание работников науки. Усилия в этом направлении обязательно надо возобновить. Для Советского Союза, в частности, особенно большое значение имеет важная и в общетеоретическом плане проблематика двуязычия, проницаемости — непроницаемости языковых систем, полиглотизма и под.— длинный ряд вопросов, сугубоблагодарных для исследования в методическом отношении на богатом материале живой советской действительности. Научный базис должен быть подведен в большей мере, чем это имело место до сих пор, под различные приемы изучения родного и иностранных языков, в частности — методы самостоятельного изучения последних.

Довольно много сделано, но этим, конечно, не исчерпывается все полезное, что наука о языке еще может предложить, например, для усовершенствования редактирования текстов, составляющих предмет занятий в средней и особенно высшей школе. Практики хорошо знают, насколько слабо вооружены они серьезными теоретическими основаниями для критики, а затем исправления хотя бы так называемых «сочинений» учащихся. Советы учащих в этом отношении еще часто носят или совсем отвлеченный, или очень условный характер, и, кроме указаний собственно-грамматического характера, арсенал средств, которыми как устоявшимися располагает сама наука о языке, в целом все еще оказывается недостаточным даже и сейчас, после интенсивной работы последних десятилетий в области теоретической и практической стилистики.

Наша наука много сделала в советский период в целом также для теории и практики пере в ода с одного языка на другой. Предметом подобного рассмотрения лингвистов уже относительно давно стали многочисленные переводы, главным образом — с русского на языки Советского Союза и обратно. Настоящей творческой лабораторией в области языка оказались, в частности, многочисленные переводы классиков марксизма, выполнявшиеся целыми коллегиями специалистов под редакцией авторитетных представителей лингвистической науки. Важно, чтобы этот большой опыт был систематизирован и возможно глубже освещен научной теорией уже в ближайшее время.

Л. А. Булаховский

Советская иранская филология является прямой наследницей русской иранистики, отличаясь от нее расширением охвата материала и углублением его разработки. С одной стороны, Великая Октябрьская революция расширила, усложнила содержание иранистики, ее тематику; с другой стороны, если в России иранской филологией занимались почти исключительно в центральных городах — в Петербурге, Москве и др., то после Октября, естественно, ею стали заниматься также в Средней Азии

(Таджикистан) и в Азербайджане.

В связи с вышесказанным можно указать на возникновение и успешное развитие таких новых иранистических дисциплин, как таджиковедение — изучение современного языка таджиков, таджикских говоров, современной таджикской литературы. Следует отметить также изучение некоторых восточноиранских языков, сохранившихся на территории Таджикистана. В свою очередь не надо упускать из виду, что исследование таджикских говоров не могло не привлечь внимание исследователей к вопросам фонетики — таджикской и общей пранской, что обогатило нашу науку общей фонетики—фонологии. Нельзя не отметить также создание в Таджикистане двух образцовых словарей: русско-таджикского и таджикско-русского. Наша успешная работа в области таджиковедения уже обратила на себя внимание некоторых ученых из ГДР, а также из других стран (Франция).

Поразителен по своим масштабам расцвет изучения древних языков в наше время; в этой области нашей науки продолжает сказываться влияние школы акад. К. Г. Залемана. Русская пранистическая наука может по праву гордиться, что ее представители (К. Г. Залеман) уже в XIX в. принимали деятельное участие в создании осново-

полагающих трудов по истории иранских языков.

Найденные западноевропейскими учеными при археологических раскопках в Центральной Азии письменные документы на согдийском языке религиозного по преимуществу содержания и первые попытки их дешифровки нашли немедленный отклик в ряде работ К. Г. Залемана. Однако лишь сравпение языка документов, найденных в советскую эпоху на древней территории Согда на горе Муг іп situ, с языком находок в Центральной Азии позволило установить, что язык этих последних есть действительно согдийский (на Западе это положение признается проф. В. Ленцем).

Русская иранистическая наука вправе гордиться также трудами академика Б. А. Дорна, определившего строй афганского (пашто) языка и создавшего его грамматику. Кратковременное преподавание Б. А. Дорном этого языка в Петербургском университете почти сто лет тому назад не дало, правда, ощутительных результатов. Однако в 40-х годах нашего столетия преподавание афганского языка было возобнов-

лено в том же Ленинградском университете на кафедре иранской филологии и успешно продолжается. Работы в области афганского языка могут и должны оказать большую пользу делу развития иранского языкознания в целом: апофония, игравшая существенную роль в истории иранских языков, особенно отчетливо отразилась в развитии именпо этого языка.

В предыдущих строках я старался изложить вкратце интересы и заслуги русской и советской иранской филологии, останавливаясь главным образом на лингвистическом ее разделе. Говоря о перспективах развития нашей пранистической науки, я остановлюсь прежде всего на том, что мы делаем недостаточно, и укажу, над чем необходимо работать, поскольку в состав Советского государства входят республики и области, население которых говорит либо говорило на иранских языках и которые с древних времен соседят с ираноязычными странами и областями.

Недостаточным является изучение восточнопранских языков, исключая осетинский, исследование которого начато В. Ф. Миллером и успешно продолжается по сегодняшний день. Мало кто занимается у нас изучением сакско-хотанских документов (в нашей печати во всяком случае эти занития нашли отражение лишь в виде одной-двух статей). Между тем племена, говорившие на этих диалектах-языках, соседили непосредственно с согдоязычным населением Средней Азии. В связи с вышеуказанным педостаточно отчетливо отстаивается русско-норвежская точка зрения на то, что тохары были одним из сакско-хотанских племен и говорили на пранском языке 1.

Недостаточными являются также наши занятия согдийским языком. После отличных результатов раскопок на горе Муг, выявивших впервые документы на согдийском языке на территории Согда in situ, было начато издание этих документов, которое продолжалось немногим более пятнадцати лет и в результате которого увидело свет немногим более десяти документов. Затем по неизвестной причине издание этих документов прервалось и возобновилось лишь педавно. Хочется надеяться, что издание будет доведено до конца в не слишком отдаленном будущём, во всяком случае — в ближайщие годы семилетки.

Запятия ближайще родственным согдийскому — хорезмийским языком имели место у нас в основном в 30-е и 40-е гг. Посвященный этому вопросу ряд статей был объединен в книге «Хорезмийский язык», изданной в 1951 г. Некоторые работы ждут опубликования.

Выполнение всех указанных задач лежит на совести ныне здравствующего старшего и младшего поколений ученых-иранистов; руководящим же организациям следует подумать о подготовке смены: недавно защищенные диссертации в области иранистики могут свидетельствовать о достаточном количестве талантливых молодых сил.

А. А. Фрейман

 $^{^1}$ См. об этом нашу статью «Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке» («Уч. зап. ЛГУ», № 128. Серия востоковед. наук, вып. 3, 1952).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ОБЗОР СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «REVUE DE LINGUISTIQUE ROMANE» (1954—1958 гг.)

«Revue de linguistique romane» (сокращенно RLiR) является одним из ведущих журналов по романскому языкознанию и единственным журналом этого профиля, издающимся во Франции 1. Созданный по инициативе диалектологов, учеников и последователей Ж. Жильерона — А. Терраme и О. Блоха, RLiR в первые годы своего существования публиковал преимущественно работы по диалектологии, которые и сейчас являются преобладающими. Естественно, однако, что углубленная разработка специальных диалектных вопросов обусловила растущий интереск частным и общим вопросам романской лексики, которым в журнале уделяется все большее внимание, а в дальнейшем — и к вопросам фонетики и грамматики. Тематика журнала особенно расширилась за последние годы, что соответствует назначению журнала — быть органом международного Общества романского языкознания (Société de linguistique romane). После большого перерыва, связанного с годами войны, журнал регулярно начинает выходить лишь 1954 г. (два разэ в год); всего вышло 22 тома.

За период с 1954 по 1958 г. в журнале печатались статьи по вопросам лингвистической географии и диалектологии, лексикологии и лексикографии, топонимии и ономастики, фонетики и грамматического строя, разрабатываемым в основном на материале французского, испанского и итальянского языков.

Общие проблемы лингвистической географии изучаются в статье Дж. Боттильони «Лингвистическая география (Достижения, методы и перспективы)» (RLiR, т. XVIII, № 71—72, 1954). Заслугой автора является его критика «черестур смелых» взглядов Жильерона и пекоторых его последователей, полагавших, что методы лингвистической географии разметоды лингвистической географии разметоды полагафии разметоды лингвистической географии разметоды полагафии разметоды лингвистической географии разметоды полагафии разметоды полагафии разметоды полагафии разметоды полагафии разметоды полагафия полагафия разметоды полагафия разметоды полагафия полагафия разметоды полагафия полагафия разметоды полагафия

рушили здание, воздвигнутое в XIX в. неограмматиками при помощи сравнительно-исторического метода (стр. 148--149). Рисуя общую картину развития лингвистической географии от Г. Париса и П. Мейера до наших дней, Боттильони говорит, в частности, и о создании новых атласов Романии, методология составления которых в таком общем обзоре, естественно, не могла получить должного освещения. Этот пробел восполняется статьей Π . Нотона «Лингвистический и этнографический атлас Центрального массива (Область распространения, сеть опросных пунктов, вопросник, цель)» (RLiR, т. XX, № 77—78, где автор дает обстоятельное описание принципов построения выпускаемого им атласа: Центрального массива. При собирании материала Нотон, подобно авторам других новых региональных атласов, стремился выявить наиболее древние языковые слои; в результате материал, им собранный, дает возможность осветить далекий период ибе-ро-романских связей ². В этом заключается одно из отличий новых региональных атласов от атласа Жильерона, который составлялся менее целеустремленно в отношении отбора материала, вследствие чего не давал возможности реконструировать столь отдаленные периоды. Тем не менее Нотон подчеркивает, что задача региональных атласов заключается не в том, чтобы переделать то, «что уже сделано и сделано хоро-шо» (имеется в виду атлас Жильерона), а в том, чтобы дополнить сделанное (стр. 45). Отметим также статью Ж. Т ю а й о-

Отметим также статью Ж. Т ю а й он а «Теоретические требования и действительные возможности диалектологической анкеты» (RLiR, t. XXII, № 87—88, 1958), в которой автор говорит о проспекте нового регионального атласа восточной части франко-провансальских областей.

Что касается методики составления атласов других романских стран, то в журнале получила отражение лишь новая серия «Лингвистического атласа Румынии» (ALR) — см. статью М. Сала (RLIR. t. XXII, №№ 85—86, 1958). Сала подчеркивает, что анкета новой серии, состав

¹ Известный журнал «Romania», основанный еще в 1872 г. и выходящий и поныне в Париже, уделяет большое внимание не только лингвистическим вопросам, но и вопросам литературы, издания текстов и т. д. «Revue des langues romanes», изданаемый с 1870 г. в Париже и Монпелье, также является филологическим журналом.

² Cm. P. Nauton, Limites lexicales «ibero-romanes» dans le Massif central, c6. «VII Congrès international de linguistique romane», vol. II — Actes et mémoires, Barcelone, 1955.

ленная Э. Петровичем, значительно отличается от старой анкеты, проводившейся С. Попом. Так, Петрович собирает и этнографические данные, что привело к расши-рению анкеты (4800 вопросов в ALR II

вместо 2160 в ALR I).

Как в лингво-географическом, так и диалектологическом плане интересна статья П. Гардетта «Лионэ и Центральный массив по материалам региональных лингвистических атласов» (RLiR, t. XXI, № 83—84, 1957), в которой автор говорит о возможности проводить исследования, сопоставляя данные двух соприкасающихся региональных атласов Франции. Так, сравнивая карты атласа Центрального массива и «Лионского атласа», Гардетт обнаруживает, что Лионская область находится под большим влиянием северных форм, в то время как область Центрального массива тяготеет к югу. Северо-восточный угол Центрального массива и юг Лионской области образуют зону соприкосновения и взаимовлияния - по этому пути в Лион проникают некоторые провансальские слова.

Проблемам собственно диалектологии (в основном Франции) посвящен ряд статей. Принципиальное значение имеет статья Ш. Брюно, озаглавленная «Говоры и диалекты» (RLiR, t. XIX, № 75—76, 1955), в которой автор рассматривает содержание и развитие этих понятий. Нам представляется, что постановка вопроса на страницах журнала об определении понятий «patois» и «dialectes» говорит о том, что французские диалектологи после длительного периода отрицания диалектов (теория парижской школы) становятся постепенно на точку зрения признания диалекта как относительно самостоятельной единицы. Ш. Брюно определяет говор как язык ограниченной социальной группы, характеризующийся определенным произношением, системой форм, синтаксисом и словарем (стр. 166). Говоры, по его мнению, относятся исключительно к раз-говорной речи («...exclusivement parlé» стр. 166). Диалектом обычно называют ряд говоров, объединенных определенными чертами (un ensemble des patois—стр. 172). Далее Брюно говорит онекоторой условности понятия «литературного» средневекового диалекта, который в сущности представлял собой смесь черт диалектных и общих.

Кампру встатье «Фонетика и лексическое распределение» (RLiR, t. XXII, № 85—86, 1958) выступает против утверждения А. Доза о том, что нет никакой связи между фонетическими и лексическими ареалами. На материале изучения нескольких конкретных случаев фонетических и словообразовательных вариантов слов (например, poulet и pouger) Кампру доказывает противоположное, т. е. наличие связи между лексическими и фонетическими изоглоссами. При этом он выдвигает следующую теоретическую основу: многообразие лексических вариантов в значительной своей части (35—36%) связано с разными фонетическими обстоятельствами. Вследствие этого на фонетические изоглоссы, которые являются более древними, в ряде случаев наслаиваются более поздние лексические изоглоссы.

Интересна постановкой вопроса о закономерностях передвижения диалектных явлений статья П. Гардетта пути распространения языковых фактов в провансальскую область» (RLiR, t. XIX, № 75—76, 1955). Основываясь на материалах главным образом атласа Жильерона, которые подкрепляются и уточняются региональными исследованиями, Гардетт показывает постепенное распространение от села к селу некоторых языковых явлений [так распространялись, например, изменения интервокальных согласных из области Форе (к западу от Лиона) на восток к французским Альпам]. Другие явления (это касается, например, судьбы конечных согласных) как бы перелетают из более крупных языковых центров в менее крупные (П. Гардетт образно называет этот способ «парациотажем»). Таким способом в наши дни распростра-няются литературные формы из Парижа через большие города и населенные пункты. П. Гардетт подчеркивает, что второй способ распространения фонетических явлений характерен для более позднего времени. Теория П. Гардетта применима не только к тем случаям, о которых он упоминает, но и к проблеме в целом. Не случайно К. Балдингер в статье, о которой речь будет даль**ще,** ссылается на эту теорию.

В своей статье, посвященной изучению омонимии окончаний в имперфекте индикатива глаголов être и avoir в одном из французских говоров департамента Алье (RLiR, t.XIX, № 73—74, 1955), Р. Блонден, возражая против мысли о том, что омонимия является излищней в языке, рассматривает омонимию в некоторых случаях как способ соверщенствования языка; оп считает поэтому, что языку отнюдь не всегда нужны «терапевтические» (по выражению Жильерона. — М. Б.) средства для пре-

дупреждения омонимии.

Из статей, посвященных франко-провансальским говорам, отметим статью В. Рателя и Ж. Тюайона Тюайона «Пережитки склонения в говоре Морьен» (RLiR, t. XX, № 79—80, 1956), статью М. А. Бородиной «О развитии франко-провансальского» (RLiR, t. XXII, № 85—86, 1958) и др.

Большое место в журнале уделяется также вопросам лексики и, в частности, вопросам этимологии слов. Так, в журнале получила отражение та большая работа, которая ведется по этимологии слов итальянского языка в связи с созданием итальянских этимологических словарей 1. В статье разыскания «Этимологические итальянских слов» (RLiR, t. XVIII, № 69-70, 1954) Дж. Алессио подчеркивает важность диалектных данных, помогающих установить пути передвижения

¹ См., например: А. Prati, Vocabolario etimologico italiano, Torino, 1951; C. Battisti, G. Alessio, Dizio-nario etimologico italiano, Firenze, t. I— 1950, t. II—1951, t. III—1952, t. IV—1954, t. V—1957.

овзоры

Обращение к материалу диалектов помогает иногда автору установить некоторые этимологии, остававишеся до сих пор загадочными. В связи с работой над итальянскими этимологическими словарями большой интерес представляет также статья А. Прати «Судьбы слов» (RLiR, t. XIX, № 73—74 и № 75—76, 1955), в которой автор убедительно раскрывает этимологии итальянских морских и других терминов, иногда дополняя, а иногда и оспаривая этимологии Дж. Алессио (см., например, на стр. 210-211 возражения Прати по поводу предложенной Алессио этимологии sentinella «часовой»).

Отметим также содержательные статьи но проблемам этимологии и истории слов В. фон Вартбурга, Я. Малкиеля, Г. Рольфса, Р. Сенду, М. Гонон, Б. Видоса, В. Винья.

Приводя в своей статье «Народная этимология» (RLiR, t. XVIII, N_2 71—72, 1954) большой фактический материал из области французского языка, Дж. Орр определяет столь различные явления, как

народная и ученая этимологии.

П. Гардетт в статье «Материалы к словарю канадского языка» (RLiR, t. XVIII, № 69 — 70, 1954) справедливо отмечает: изучение лексики канадского языка затрудняется тем, что даже самые лучшие словари современного французского языка (папример, выходящий сейчас многогомный толковый словарь П. Робера, а также «Лярусс XX в.») регистрируют под видом современных слова, уже давно вышедшие из употребления. Так, глагол jaser в значении «разговаривать», «болтать» живет лишь во французском языке Канады [там, действительно, можно услыщать nous avons jasé jusqu'à minuit BMECTO nous avons cause (bavardé) jusqu'à minuit], хотя и продолжает отмечаться в словарях современного французского языка без пометы «устарело»¹.

Благодаря статьям К. Балдингер а в журнале освещены работы по лексикологии, которые ведутся в Институте романского языкознания при Академии наук в Берлине². Так, мы узнаем о работе над древнегасконским словарем (см. RLiR, t. XX, № 77-78, 1956). К моменту написания статьи картотека словаря насчитывала 100 тыс. карточек. Характеризуя словарь, К. Балдингер пишет: «Древнегасконский сдоварь будет первым опытом исторического и структурального словаря, или, говоря скромнее и правильнее, первым опытом исторического углубления (арргоfondissement historique) внутри каждого семантического поля» (стр. 72). статье даются списки поправок к изданию 1950 г. этимологического словаря О. Блоха и В. Вартбурга, уточнения впервые за-

¹ Аналогично и в наших переводных

французско-русских словарях.

свидетельствованных употреблений слов, а также предварительные образцы неко-

торых словарных статей.

Основываясь на данных картотеки диалектизмов, составляемой сотрудниками того же института по материалам словаря О. Блоха и В. Вартбурга³ и словаря В. Вартбурга⁴, К. Балдингер написал статью «К истории провинциализмов во французском языке» (RLiR, t. XXI, № 81-82, 1957), где он дает развернутую программу изучения влияния диалектизмов на французский литературный язык при его образовании, учитывая при этом влияние диалектов отдельных провинций во времени, а также семантическую классификацию заимствованных диалектизмов. Изучая проникновение диалектизмов в литературный язык, Балдингер склоняется к теории Гардетта о двух путях продвижения слов — медленное передвижение от села к селу и «парашютаж» (см. выше).

В романистике за последние десятилетия наблюдается оживление в области изучения лексики отдельных языков, и не случайно, что этим вопросам в рецензируемом журнале уделяется большое место. Известно, что в области лексикологии труднее, чем в какой-либо другой, теоретически обобщить сделанное. В настоящее время в зарубежном языкознании больщинство лексикологических работ посвящено изучению отдельных слов, что создает трудности при обобщении лексического материала. Поэтому следует приветствовать замечательную инициативу К. Балдингера и Б. Поттье координировать работу романских лексикологов при помощи публикаций в журнале сводок всех создающихся и уже выпускающихся работ в области романской лексикологии. Такой раздел под названием «Bibliographie des études lexicales» появляется в журнале начиная с № 79—80 (т. ХХ, 1956), где перечисляются работы, готовящиеся по языку средневекового периода; в последующих номерах журнала (т. XXI, №№ 81—82 и 83—84, 1957; т. XXII, № 85—86, 1958) сообщается о работах, посвященных старофранцузскому периоду, и т. д. В XXII томе опубликована библиография напечатанных работ по румынской лексике (всего 661 название, включая словари).

Вопросы топонимии и ономастики, разработка которых за последние десятилетия получила большой размах, представлены большим исследованием П. Нотона «Fabrica и -ica в галло-романском по топонимам Faurie, Haurie, Fabrie, Favrie (Топонимия, фонетика, лингвистическая гео-(RLiR, t. XVIII, № 71—72, графия)» 1954). В этой статье П. Нотон доказывает, что Faurie, Haurie, Fabrie, Favrie восходят к Fábrica, а не к Faure, Favre,... +ie (< ica). Изучая этимологию топонимов,

 $_{
m et}$ Bloch W. - Wartvon burg, Dictionnaire étymologique de la langue française, Paris, 1950.

⁴W. v. Wartburg, Französisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I — VIII, Tübingen — Basel, 1948—1958.

² CM. Baldinger, также: Κ. Lalla, A. Rommel, Die Arbeiten des Instituts für romanische Sprachwissenschaft («Sitzungsberichte der Deutschen Akad, der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprache, Literatur und Kunst», Jg. 1955, № 1), 1956.

П. Нотон следует Ж. Жильерону в разграничении этимологии и генеалогии слов. К вопросу о происхождении топонима Faurie автор возвращается в следующей своей статье «Диалектология и топонимия» (RLiR, t. XXII, № 85—86, 1958), проникнутой мыслью о тесной связи вопросов топонимии с вопросами диалектологии.

Частные вопросы фонетики отдельных романских языков исследуются в статьях А. Доза, Я. Малкиеля, Ж. Сеги, Н. Спенса, А. Блисса и др., в то время как в статьях Ж. Страка и Ф. Шюрра ставятся вопросы, имеющие принципнальное значение в изучении общероманской фонетики.

Работа Ф. III ю р р а «Романская дифтон-(RLiR, t. XX, № 77—78 и № 79—80, 1956), основанная на большом фактическом материале всех романских языков и их диалектов, посвящена одной из кардинальных и в то же время спорных проблем романского фонетизма. Ф. Шюрр выдвигает свою оригинальную гипотезу происхождения романской дифтонгизации. Основная мысль Ф. Шюрра, которую он частично высказывал в своих более ранних работах, заключается в следующем. В романских языках наблюдаются два типа дифгонгизации: спонтанная (нисходящая) $ar{m{e}} > ar{e}i, \ ar{o} > ar{e}u, \ ar{m{a}} > ar{a}e$ и обусловленная (вос-ходящая) — $ar{e} > ie$, $ar{o} > u\,m{e}$. Спонтанная дифтонгизация является результатом силового ударения германского суперстрата, в то время как обусловленная является лишь частным случаем инфлексии (умлаута, ме-тафонии), т. е. является следствием влия-ния на краткие гласные конечных і и и, столь часто встречающихся в окончаниях латинского языка. Первоначально обусловленная, эта дифтонгизация распространяется затем и на все остальные случаи.

Спонтанная дифтонгизация распространена лишь на ограниченном участке романских языков, в то время как обусловленная — явление общероманское. Таким образом, в противовес весьма распространенной в романистике теории (се придерживается и В. фон Вартбург) о том, что все романские дифтонги являются результатом влияния германского суперстрата, Ф. Шюрр считает обусловленную дифтонгизацию истинной общероманской дифтонгизацией (стр. 116). Последнее подтверждается также и тем, что спонтанная дифтонгизация появилась сравнительно поздно и, соответственно, является новшеством по отношению к более ранней, обусловленной, дифтонгизации. Одним из доводов Шюрра против того, что ё, о дифтонгизовались не под влиянием силового;ударения, как это принято считать, являются обнаруженные Ж. Страка и другими исследователями очень ранние случаи этой дифтонгизации, имевшие место еще до влияния германского суперстрата на романские языки: истинная романская дифтонгизация появилась раньше, чем наступило силовое ударение.

Положительным моментом теории Ф. Шюрра является то, что автор пытается осмыслить романскую дифтонгизацию, исходя из закономерностей внутреннего развития романских языков. Однако теория

Шюрра уязвима во многих отношениях, и она отнюдь не является общепризнанной.

Ж. Страка в своей статье «Лингвистическое членение Романии и образование романских языков...» пересматривает проблему расчленения Романии в свете относительной хронологии фонетических явлений (RLiR, t. XX, № 79—80, 1956). Основываясь на работах В. Мейера-Любке, Э. Рихтер, М. Крепинского, где освещалась эта проблема, а также на собственных исследованиях, Ж. Страка впервые дает общую стройную схему относительной хроосновных явлений романского нологии фонетизма, внося при этом некоторые уточнения в принятые датировки фонетических явлений; эти уточнения позволяют автору высказать новые соображения в отнощении лингвистического членения Романии. Так, например, Страка устапавливает, что лингвистическое деление Франции на северную и южную (будущие французский и провансальский изыки) произошло во II — IV вв. н. э. в результате характеризующих север Франции в тот период редукции конечного и в е, синкопы послеударного гласного между mt, vt, палатализации заднеязычных $k,\,g\,$ перед $\,a.$

Большой интерес представляют приводимые Ж. Страка новые материалы о дифтонгизации e>ie, наступившей во II в. н. э., еще до сенарации Дакии. О сепарации Дакии и Иберии в конце II в. говорит также иное слогоделение — tes-ta>te-sta, ter-ra> te-rra. Столь раннее расчленение Романии заставляет автора статьи сомневаться в существовании общероманского периода (стр. 254). В заключение автор полагает, что было бы полезно пересмотреть все данные исторической фонетики с точки зрения хронологии фонетических явлений. К статье приложена развернутая схема развития общероманской и франпузской фонетики в хронологическом аспекте.

Последний круг вопросов, представленных в журнале, — это статьи по грамматике. А. Анри в своем исследовании, посвященном судьбе са во французском языке (RLiR, t. XIX, № 73—74, 1955), показывает, пасколько большое распространение получило это местоимение в coвременном языке¹. Отметим также статью финского романиста В. Вяянянена «Латинский предлог de и генитив» (RLiR, t. XX, № 77—78, 1956), в которой автор показывает, что замена латинского родительного падежа предложной конструкцией вначале имела место при эмоциональном выделении имени. III. Т. Госсен, рас-сматривая междометия и обращения в итальянском языке (RLiR, t. XX, № 79— 80, 1956), касается вопросов стилистических и семантических, игнорируя морфологические и синтаксические.

1 Ср.: Н. А. III и гаревская, Наблюдения над употреблением усеченной формы указательного местоимения са в современном французском языке, сб. «Романская филология» («Уч. зап. ЛГУ», № 204. Серия филол. наук, вып. 29), 1957. Здесь на более ограниченном материале автор приходит к аналогичному выводу.

Из всех статей по грамматике наибольший теоретический интерес представляет статья Т. Б. У. Рейда, посвященная системе времен французского языка(RLiR, t. XIX, № 73—74, 1955). Автор по-своему разрещает проблему вида и времени, о которой было много написано у нас и за ру-бежом. Кроме вида (aspect) и времени (time), Рейд различает еще фазу (stage). Вид понимается как законченность (aspect of atteinment) или незаконченность (aspect of continuance) действия¹. Под временем Рейд, следуя традиции, понимает временное соотношение между моментом произнесения речи и действием, о котором идет речь. Времен может быть только три: настоящее, прошедшее и будущее. Фаза это грамматическое понятие, совершенно независимое от категории времени; под фазой понимаются отношения только внутри действия (процесса). Фаз может быть три: фаза близкого действия (stage of imminence), фаза завершенного действия (stage of completion) и фаза актуального действия (stage of actuality). Соотношение времени и фазы Рейд иллюстрирует следующей фразой: l'heure difficile et dangereuse ne va pas sonner, ne sonne pas, elle a déjà sonné — здесь в настоящем времени выражены все три фазы. Автор подробно разбирает употребление времен всех наклонений, а также их употребление в косвенной речи и устанавливает, что многие глагольные несут одновременно несколько функций.

Таким образом, круг вопросов, поднятый в журнале «Revue de linguistique гомапе», довольно общирен. Преимущественно здесь печатаются большие исследования на специальные темы, которые приводят к интересным в теоретическом отношении обобщениям. Все вопросы, разрабатываемые в журнале, освещаются в историческом плапе, иногда разработка их подводит
к изучению вопросов субстрата — вспомним приведенную выше статью П. Нотона
и укажем на статьи Г. Рольфса (RLiR,
t. XIX, № 75 — 76, 1955), Дж. Боттильони

(там же) и П. Скока (там же).

Значительное внимание, которое уделяется в журнале вопросам диалектологии и лингвистической географии, соответствует оживлению, наблюдающемуся в романистике в связи с созданием ряда национальных и региональных атласов. Каково отношение журнала к Ж. Жильерону? Его наследие столь многосбразно, что на этот вопрос нельзя ответить положительно или отрицательно. В области этимологических разысканий авторитет Ж. Жильерона признается до сих пор (см. статьи П. Нотона и Дж. Орра); лишь в статье Блондена имеет место полемика против теории омонимии Жильерона. Последователи Жильерона, однако, неодобрительно относятся

к его этюдам по фонетике, в которых отрицаются фонетические законы (см. статью Боттильони «Лингвистическая география»).

Что касается методов составления лингвистических атласов, то несмотря на известные недостатки, наблюдаемые обычно
в атласе Ж. Жильерона, основные принципы построения этого атласа легли в основу создания как национальных атласов
(ср. «Атлас итальянских говоров»), так
и региональных атласов Франции (ср.
атласы Лионэ, Гаскони, Центрального
массива; атлас Валлонии несколько отличен от перечисленных выше). В целом можно отметить, что французские диалектологи продолжают разрабатывать проблемы
диалектологии в направлении, указанном
Ж. Жильероном.

Нельзя не отметить, что журнал оказался чужд влиянию структурализма. Это можно объяснить тем, что, во-первых, в журнале не разрабатываются вопросы общего языкознания и, во-вторых, структуральные методы в области диалектологии и лексикологии, которым в журнале уделяется наибольшее внимание, мало разработаны. Из авторов журнала только К. Балдингер и Т. Б. У. Рейд в своих статьях уделяют известное внимание вопросам структурализма; ср. также высказывания против структурализма в статьях Ж. Страка (t. XIX, № 75—76, 1955, стр. 248, 265).

В своих работах по исторической фонетике авторы журнала не занимаются вопросами фонологии, которые соответственно не получают отражения и при составлении атласов. Тем не менее эти вопросы, видимо, привлекают внимание диалектологов-романистов — см. заметку П. Гардетта о диалектологическом совещании в Страсбурге (t. XX, № 77 — 78, 1956), где, наряду с другими вопросами, шла речь о необходимости в дальнейшем создавать атласы, в которых изучались бы и фонологические противопоставления; несомненно, это приведет к иной группировке говоров. Вопросник к такому атласу должен быть значительно обширнее — около 6000 вопросов. Это дело будущего, пишет Гардетт.

Общество, органом которого является журнал «Revue de linguistique romane», заинтересовано в объединении ученых всех стран, работающих в той или иной области романского языкознания. Создание раздела «Библиография лексических работ», а также печатание информаций о развитии романского языкознания в отдельных странах² способствует полной осведомленности романистов всех стран в отношении работ, ведущихся в этой области, и является шагом на пути к объединению романистов.

М. А. Вородина

¹ См. на эту тему не учтенные Т. Б. У. Рейдом интересные статьи: Е. А. Реферовская, Категория вида во французском глаголе, ИАН ОЛЯ, 1948, вып. 5; ееже, Квопросу о категории вида в языке французского народного эпоса, «Уч. зап. [ЛГУ]». Серия филол. наук, вып. 14, 1949.

² См. В. Hasselrot, I— La linguistique romane en Norvège (1939 —1951), II — La linguistique romane en Finlande, RLiR,т. XVIII, № 69 — 70, 1954, стр. 116 — 126.

РЕЦЕНЗИИ

О. С. Ахманова. Очерки по русской лексикологии. — М., 295 стр.

Вопросы лексикологии в настоящее время вызывают огромный интерес, а поэтому нельзя не приветствовать появление книги О. С. Ахмановой «Очерки по общей и русской лексикологии», в которой поставлены серьезные языковедческие проблемы. Книга написана человеком начитанным и думающим над вопросами лексикологии.

Главным героем лексикологии является слово. Поэтому в своей книге О. С. Ахманова в первую очередь выдвигает, для разрешения следующие вопросы: что такое семантическая; система слов, какова сфера употребления слов, каковы характер и своеобразие фразеологических единиц и их функций — и определяет место слова в си-

стеме других языковых единиц.

О. С. Ахманова излагает содержание различных теорий, делая тонкие замечания о вариациях взглядов ученых, утверждающих различие языка и речи. Из всего многообразия вариаций во взглядах на язык О. С. Ахмановой верно выделены две основные точки зрения: «Эти две основные концепции в общем соответствуют тому, что известно (в зарубежной лингвистике. -Е. Г.-Ф.) под названием "экспрессионизма" и "функционализма"» (стр. 9). Приветствуя стремление О. С. Ахмановой дать широкие сведения о состоянии лексикологических проблем в зарубежной литературе, приходится сожалеть, что эта интересная часть книги далеко не свободна от недостатков, неточностей и противоречий.

Весьма серьезным педостатком книги является трудность языка, перенасыщенного ипостранными терминами и выражениями. Только на двух страницах (20 и 22) употреблены, например, такие слова, как интенция, интерполяция, экстерналии, медиационные фазы. Позволю себе процитировать соответствующие «Новая наука психолингвистика выделяет из этой широкой (и недостаточно определенной) области исследование тех процессов, при помощи которых: 1) интенции ("намерения") говорящих преобразуются в сигналы данного "кода", 2) сигналы данного кода подвергаются обратному преобразованию в интерпретации слушающих при смысловом восприятии» (стр. И дальше: «Бихейвиористы как среди психологов, так и среди лингвистов, не допускающие интерполяции медиационных фаз в свои определения поведения, оказываются вынужденными допускать только

"экстерналии" в своих определениях значения» (стр. 22). Понимая неизбежность общепринятых научных терминов, мы полагаем, что так успащать малоупотребительными словами хотя бы и научную речь вряд ли оправдано¹.

Не вполне четко дано изложение взглядов зарубежных ученых. Автор книги разбирает десятки работ, но фрагментарно, цитируя отдельные выхваченные мысли, что не может дать ясного представления о той или иной концепции ученого. Почему-то мало отведено места высказываниям о языке и речи таких русских ученых, как И. М. Сеченов, И. П. Павлов, Л. С. Выгот-

ский, С. Л. Рубинштейн и др.

Не вполне убедительно дано сравнение системы взглядов Ф. де Соссюра и В. Гумбольдта. О. С. Ахманова думает, что «внимание к "внеязыковой реальности" выгодно отличает лингвистическую теорию де Соссюра от отвлеченных философских построений фон Гумбольдта» (стр. 18). По ее мнению, не следует считать позицию де Соспоследовательно идеалистической, так как учение де Соссюра оставляет известную перспективу для тех, кто допуобъективной дейс**тви**скает воздействие тельности на формирование языкового знатогда как неогумбольдтианство принципиально отридает возможность такого воздействия (стр. 18). Но О. С. Ахманова не указывает, какие же анализы языковых фактов у де Соссюра свидетельствуют об этом. Вместо этого она для доказательства берет эволюцию взглядов Фр. Слотти и данные исихологии по анализу явлений речи и языка. Но ведь трудно представить, что работы Слотти «Wortart und Wortsinn»² u «Die Termini "Nennwert" und, Deutewert" in "Sprache" und "Rede"»3 будут читаться всеми, кому придется читать книгу О. С. Ахмановой. Если уж брать доказательства из положений Слотти, то надо более подробно осветить эволюцию взглядов Слотти и причину этой эволюции.

Глава II первой части посвящена «Вопросу о значении в современном советском языкознании» (видимо, о значении слова?). О. С. Ахманова утверждает, что советские языковеды не сомневаются в том, что в

¹ «Усложнение самой формы словесного выражения ведет к сокрытию мысли, затрудняет доступ к ней» (Б М. Теплов, Психологические взгляды Гердена, «Фило-V, M.— Л., 1950. софские записки», т. стр. 133). ² TCLP,

^{, № 1, 1929.} ⁸ IF, Bd. LXI, Hf. 2—3, 1954.

языке выражается значение. Спорно, по ее мнению, то, является ли значение слова понятием, воплощенным, выраженным в данных звуках, или же чем-то другим, особым, отличным от понятия, не совпадающим с ним (стр. 28). И О. С. Ахманова в § 2 второй главы пытается показать путь от понятия к значению слова. Она пишет: «Если... отправляться от понятий, то значения языковых единиц вполне логично могут предстать как понятия, связанные с определенным звучанием, с определенной звуковой формой» (стр. 28). Но это и есть отождествление значения и понятия.

Исходя из того, что понятие — основное в слове, О. С. Ахманова выражает свое понимание этой логической категории. Определив мышление как высшую форму сознания, она рассматривает понятие в трехсторонней обусловленности, утверждая, что: 1) понятия отражают явления действительности, будучи извлеченными из бесконечного многообразия объективной действительности; 2) понятия связаны с звуковой стороной слова, что создает обратную зависимость мышления от языка; 3) понятия входят в систему логических категорий 1

(стр. 29).

В расширенном разъяснении трехсторонней обусловленности понятий имеются неточные формулировки: «Они (т. е. понятия. — E. $\hat{m{\Gamma}}$. Φ .) основываются на познании действительности. При этом, являясь элементами мышлепия, они представляют общее, извлеченное из бесконечного многообобъективной действительности» разия (стр. 29). Обычно понятие называют формой, а не единицей мыщления. Понятие можно назвать элементом мысли, но не мышления. не извлека ются Понятия из бесконечного многообразия объективной действительности, а возникают в сознании человека при познании бесконечного многообразия объективной действи-

Во втором пункте вряд ли можно принять безоговорочно положение, что м ы шление возникает через отражение действительности и видоизменяется в зависимости от системы внешних (звуковых и пр.) различий. Содержание мысли зависит от действительности (бытие определяет мышление), по вряд ли система фонетики или система грамматических категорий видоизменяет мышление.

В третьем пункте трехсторонней обусловленности О. С. Ахманова дает намек на различие понятия и значения, но отсылает к стр. 43, где говорится о значении слова, но не о соотношении и различии значения и понятия.

В § 3 главы II О. С. Ахманова говорит о лексическом значении слова, стараясь определить соотношение реального звучания слова и того, что называют его психологическим образом или «звукопредставлением». О. С. Ахманова рассматривает сло-

во, учитывая: 1) объективную действительность, 2) отображение в сознании, 3) звучание, 4) отображение в сознании этого звучания. При таком подходе становится неясным соотношение значения слова и понятия. На наш взгляд, различие и единство этих категорий лучше представить так: понятие и значение слова связаны сдействительностью!— понятие как отражающее явление действительности, а значение слова как содержание обозначаемого. При отражении в сознании предмет, вещь, явление понимается и одновременно обозначаем понимается, таким образом понятие воплощается в слово.

В главе III О. С. Ахманова ставит вопрос о том, что определяет «различия семантического строения языков и как эти различия связаны с мышлением» (стр. 36). Но, рассуждая о различиях семантического строя языков, О. С. Ахманова не останавливается на выяснении того, что такое представление, как связано представление с понятием и вербализуется ли представление или вербализуется только понятие. Понятия интернациональны, а представления? Общечеловечны они или индивидуальны? В данном случае позволю себе сослаться на прекрасную статью А. С. Ахманова, где он совершенно обоснованно утверждает: «...не всякое значение слова является понятием, так как слова, кроме выражения понятийного содержания, выполняют ряд других функций (экспрессивную, стилистическую и т. д.). И если нет слова без того или иного значения, то не исчерпывается же значение любого слова выражением понятия, иначе речь была бы неизмеримо беднее той, которой мы пользуемся как средством общения»². Из книги же О. С. Ахмановой трудно понять, как она разграничивает значение слова и понятие, заключенное в слове. Нам кажется, что из-за нечеткого определения значения слова и понятия формы языка и формы мышления отождествляются. Это можно доказать тем, что О. С. Ахманова разделяет точку зрения А. И. Смирницкого на значение слова³; на стр. 56 она приводит высказывание А. И. Смирницкого: «Оно есть "известное отображение предмета, явления или отноше-ния в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструированное из отображений отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития"» (разрядка моя.— $E. \Gamma.-\Phi.$).

¹ Мы сократили до минимума высказывание О. С. Ахмановой, сохранив его общий смысл.

² А. С. Ахманов, Логические формы и их выражение в языке, сб. «Мышление и язык», М., 1957, стр. 209.

и язык», М., 1957, стр. 209. ³ См. А. И. Смирницкий. Значение слова, ВЯ, 1955, № 2, стр. 84.

Слово обозначает то, что отражается, «понимается» созпанием. Если бы само слово непосредственно отражало предметы, явления, то не было бы многозначности слова, не могло бы быть и разных языков, не могли бы одни части речи переходить в другие, а значение слова было, бы тождественно с понятием. Слово обозначает предмет и выражает понятие.

В главе IV ставится вопрос «Какая языковая единица является основной носительницей языкового зпачения». Сначала О. С. Ахманова говорит о главных объектах исследований структурализма: о фонеме, морфеме, конструкции. Она правильно указывает, что структурализм исключает слово как предмет исследования. Совершенно убедительно критикует она данное положение структурализма и приветствует появление новой отрасли науки — «пси-холингвистики» (см. § 2). В противовес выделяемым структуралистами фонемам, морфемам, конструкциям она предлагает сделать предметом изучения в речи слог, слово и предложение; затем спрашивает: в каком отношении находятся фонемы и морфемы с ними и с психологическими единицами? О. С. Ахманова сначала отсылает за ответом к психологии, но тут же делает странное заключение: «Однако психология не межет на него ответить» (стр. 58 — 59). Подробное изложение вопроса о психологической реальности фонемы, не имеющего непосредственного отношения к лексикологии, вряд ли уместно в рецензируемой

Автор книги поднимает интересный вопрос о понимании грамматического значения и о том, как оно включается в общую семантику слова. Понимание грамматического значения основывается на принятом в работах А. И. Смирницкого определении А. А. Шахматова (см. стр. 65): «Грамматическое значение... - это значение отношения, выраженное как неосновное, как дополнительное, как лишь сопровождающее основное лексическое значение» (разрядка моя.— $E.\ \Gamma.-\Phi.$). Верно ли это? Лексическое значение слова органически сочетается с грамматическим значением. При наименовании предмета, качества действия слово сразу обладает грамматическими значевиями, а не дополняется ими. Имени существительному присущи грамматические значения рода, числа, падежа. Глаголу время, наклонение. Поэтому грамматическое значение не сопутствующее, не добавочное, а органически присущее каждому

В главе V рассматриваются «Способы определения значения» (видимо, слова). В § 1 говорится о том, что в работах американских языковедов Л. Блумфилда, Д. Кэролла, Дж. Трейджера и др. не учитывается значение слова, хотя у Ч. Фриза «соотпесенность со "внеязыковым" рядом входит в само определение языка» (стр. 74).

Рассказывает О. С. Ахманова и об определении значения слова по методу семантического поля. О. С. Ахманова в своей книге показывает принцип разграничения лексических единиц по темам. Но такая разбивка слов грозит неполным охватом лексики. Могут пропускаться отдельные слова и отдельные поля, и не будет стабильности, вследствие чего получатся семантические поля разных веков, десятилетий, объединяющих состав слов произвольно. Поэтому у каждого человека будет субъективное количество полей и различные составы поля. О. С. Ахманова правильно указывает, что эта методика исследования за более чем 20 лет своего существования не дала существенных результатов.

Признавая познавательную ценность первой части книги, мы должны отметить некоторые противоречия в оценке работ западных лингвистов. Так, например, О. С. Ахманова делает правильные замечания о идеалистической основе взглядов Э. Сепира, Б. Уорфа и вдруг даст такое заключение: «Развивающееся в настоящее время в США сотрудничество языковедов психологов и этнографов... уже дало много ценных и интересных данных» (стр. 38), а ниже что «современное американское яыкозпание... не может в настоящее время противопоставить критикуемой им концепции какую-либо стройную и последовательную теорию. Это и не удивительно, поскольку философской основой их собственных изысканий является позитивизм и прагматизм» (стр. 43). Но что же тогда ценного в американском языкознании? «Основная ценность,— по ее мнению,— ...в их практическом духе, в стремлении к объективной научной проверкс..., в борьбе с догматизмом» (стр. 43). Как это позитивизм и прагматизм могут бороться с догматизмом?

О. С. Ахманова полагает, что «лексико-логия не может оформиться как наука без помощинсихологии и "социологии"» (стр. 85). Больщое внимание уделяет О. С. Ахманова вопросу об определении значения слова в работах по лексикографии. Х. Касареса, В. Дорошевского, К. Горалка, Ф. Травничка и Л. В. Щербы. Основные положения лексикографов она суммирует таким образом: 1) все признают полисемию слов; 2) все авторы словарей слово в словаре представляют в системе значений, их оттенков и употреблений. Все различают прямое и переносное, общеупотребительное и специальное, общее и второстепенное значение, отличая значение от употребления; 3) советскими лексикологами снято противопоставление актуального и этимологического значения; 4) различие кратких и полных словарей сказывается на объяспении значений; 5) считается необходимым отличать определение слова в филологическом и энциклопедическом словаре, в котором определяется вещь, а не слово (стр. 90—91); 6) «Основным принципом анализа лексического значения слова является характер соотнощения с действительностью» (стр. 91).

Затем О. С. Ахманова дает краткие выводы, которые приводим здесь, еще несколько сократив их: 1) значение слов — это языковое значение (но ведь это тавтология?); 2) слова существуют только в речи, так как вне речи нет языка. Отношения язы-

ка и речи не могут быть приравнены к отнощению «кода» и «сообщения». (Но в каком же соотношении стоит язык к речи?); 3) подходя к описанию слова, следует искать основное номинативное значение, которое «непосредственно направлено на предмет». (А не будет ли отрыва номинации от сигнификации?); 4) безусловным и непреложным фактом является различие семантического значения слов, но следует исходить из того, что значение слова есть отображение явлений действительности в сознании. (А чем же является понятие?); 5) лексическое и грамматическое значение органически едины или внутренне спаяны. (Но прежде говорилось иное? См. стр. 65 книги.)

По поводу этих выводов следует сказать, что безусловно верно одно: «без привлечения значения невозможен даже фонологический анализ, не говоря уже о морфологическом и синтаксическом» (стр. 94). Но нас смущает утверждение, что значение слова точно так же отражает явления действигельности, как отражает и понятие явлений действигельности в сознании. Значение слова — это вкладываемый в слово смысл, который устанавливается при соотнесенности явукового комплекса к факту действительности, реально существующему или мыслимому.

Сделанный в примечаниях к этой главе, как и к другим главам, обзор западноевропейской литературы по лексикологии с критическими замечаниями интересен и полезен.

Во второй части книги О. С. Ахманова излагает материал лексикологии. Однако понимание объема явлений лексикологии у О. С. Ахмановой очень своеобразно. Мы не найдем даже упоминания о предмете анализа. Какие категории включаются в лексикологию? Если мы сравним рецензируемую работу с «Лексикологией английского языка» А. И. Смирницкого, «Лекси-кологией немецкого языка» К. А. Левковской, а также с некоторыми работами по русскому языку, то мы увидим, как своеобразпо понимает природу и объем лексикологии О. С. Ахманова. Очень многие лексикологические категории совсем не включаются в анализ. По некогорым вопросам лексикологии даюгся попутные замечания. По некогорым категориям лексикологии представлен только материал без всякого анализа. Наибольшее внимание отводит автор книги вопросам семасиологии. Очень широко поставлен вопрос разграничения полисемии и омонимии. Омонимом О. С. Ахманова называет внещне совпадающие по звуковой оболочке два или более различных слова. Об омонимах О. С. Ахманова говорит, что «омонимия является нарушением "закона знака"» (стр. 109). «В одних языках омонимия возникает преимущественно в результате чисто фонегических процессов... В других — закономерны морфологические процессы... Последний тип омонимии является типичным для русского, как и для других славянских языков» (стр. 110).

О. С. Ахманова правильно подвергает критике мнение некогорых ученых, что основным критерием разграничения поли-

семии и омонимии должно быть наличие морфологической производительной дифференциации или синтаксического критерия. О. С. Ахманова намечает иной способ различения: «Полисемия — тождество слова при наличии у него двух или более отчетливо различных значений, омонимия внешнее совпадение по звуковой оболочке двух или более различных слов» (стр. 104). Но такого признака мало, вследствие чего у самой О. С. Ахмановой и возникают недоумения. «Однако многие случаи и здесь остаются не вполне ясными», -- говорит она и задает целый ряд вопросов: «Откуда видно, что, например, добреть... "становиться добрее" и добреть.... "толстеть, становиться упитаннее" не утратили свойственных им ранее грамматических связей и что тождество слова здесь осталось ненарушенным... Как следует трактовать такие случаи, как сложить "положить вместе" и сложить "сняв, положить куда-нибудь". Почему бюро "учреждение" и бюро "пред-мет мебели" представляются омонимами, тогда как стол "отделение в учреждении" и стол "предмет мебели" выступают как разные значения одного и того же слова» (crp. 104 -- 105).

Однако в разделе, посвященном омонимии, есть много интересного; например, хорошо показано возникновение омонимов из слов с уменьщительным суффиксом и десемантизация уменьшительности. Тем не менее и в этой части работы есть некоторые погрещности в объяснении слов: слово ливер определено как «кущанье» (стр. 135). Ливер — «продукт из печени. легкого, сердца и селезенки убойных животных». Слово патрон определено как «пуля». Патрон не пуля, а «соединение заряда и пули (или дроби), заключенных в гильзу с пистоном». Не точно определено слово реакция. Совсем плохо объяснено слово cmona как «куча предметов». Надо добавить: «плоских предметов (тетрадей, книг), наложенных ровно один на другой». Не все предметы укладываются в стопу. В книге сказано: угорь — «прыщик». Не каждый прыщик есть угорь. Угорь — это «прыщик, возник-ший ог закупорки поры в коже сальной пробкой».

Глава III второй части посвящена разграничению полисемии и омонимии в современном русском языке в глаголах. Природа приставочной омонимии прежде не разъяснялась і при видовой корреляции. Такое объяснение омонимии разных приставок хорошо подано в § 5 этой же главы. Не вызывает сомнений и анализ омонимных явлений корневых морфем и префиксальных. Глава IV второй части посвящена разграничению полисемии и омонимии прилагательных в современном русском языке. В главе V рассматриваются основные случаи функциональной омонимии.

Трегья часть посвящена вопросу лексико-фразеологического варьирования слова в словосочетании и анализу фразеологических единиц как пределу такого варьирования. В этой части О. С. Ахманова противопоставляет «невыраженную полисе-

мию выраженной».

РЕЦЕНЗИИ

В основу различения фразеологических единиц и слова О. С. Ахманова кладет чисто формальный момент: раздельную оформленность соединения, полагая, что для выделения фразеологических единиц «критерий идиоматичности оказывается слишком общим и неопределенным» (стр. 168). «Неравенство значения целого сумме значения частей», на что указал В. В. Виноградов , как главная отличительная черта идиомы, по мнению О. С. Ахмановой, может быть присуще и сложному слову, и фразеологическому единству, и аналитическим формам.

Прослеживая аргументацию О. С. Ахмановой о критерии идиоматичности в разграничении, видишь, что опять выступает тот же критерий «цельности» значения при раздельности структуры или, как выражается О. С. Ахманова, «цельность номинации» довлеет над структурной раздельностью. На основе такого взгляда надо считать сочетавия белая горячка, белые ночи фразеологическими сочетаниями, а сочетание белый гриб этой цельностью не обладает, так как «образование фразеологических единиц происходит путем преобразообычных свободных словосочетаний в сложные "эквиваленты слов"» (стр. **169** — **170**).

Типы словосочетаний О. С. Ахманова делит на именные и глагольные. К именным она относит: 1) составные названия типа серная кислота́ и 2) описательные, в которых определение подчеркивает какой-то дополнительный признак: вияющая бездна. Ко второй группе словосочетаний автор относит образные выражения ахиллесова лята, тертый калач и др. (стр. 172— 173). Идея разграничения ограничивающих и описательных словосочетаний, на мой взгляд, плодотворна, а приведенный материал является ценным. Здесь же рассматриваются атрибутивные словосочетания распространенного типа, вроде ассигнования на культурные нужды, забота о будущем и др. (стр. 179); дается общая характеристика глагольных сочетаний с указанием синтаксической природы второго члена дополнения, а также анализируются обстоятельственные словосочетания.

В четвертой части книги говорится о фонетическом и морфологическом варьировании слова в противопоставлении синонимии как пределу такого варьирования. Напомнив, что в языкознании общепринятым является понятие синонимов как «слов, близких или совнадающих по значению, но различных по звучанию», автор, однако, такие пары, как фелюга и фелюка, галоша и калоша, этак и эдак или монашка и монахиня, которые различны по звучанию, а по значению тождественны, все же синонимами не считает. Думается, что указанные варианты слов и подобные им вряд ли целесообразно рассматривать в лексикологии, потому что объяснение их звукового различия может дать лишь историческая фонология. Было бы лучше подвергнуть анализу такие пары, как диетический и диетический, униженный и унижённый, васлуженный и раслужённый.

В главе III О. С. Ахманова говорит о словообразовании вариантных слов. Мне представляется, что здесь в первую очередь следовало бы решить вопрос, являются ли отдельными словами такие ряды слов, как дочь, дочка, дочурка, или это стилистические формы одного слова. Не совсем точно различаются О. С. Ахмановой формы уменьшительности, ласкательности, экспрессивности. Автор ставит в один ряд пары слов: дыра — дырка, середина — середка, где дырка — уменьшительная форма от слова дыра, но середина не имеет уменьшительной формы середка. Слово хорек как профессиональное не имеет ни уменьшительности, ни ласкательности (стр. 217 — 219).

Слова греча и гречиха попали в группу вариантных слов, однако это разные слова: греча — крупа, а гречиха — растение (ср. пшено и просо). О. С. Ахманова приводит много вариантных пар слов, но не дает объяснения, почему же живут в языке варианты, например рельс и рельса, клаеии и клавиша (стр. 223). Не потому ли остается в языке та форма, у которой сохранились все парадигматические образования в системе падежных форм?

Следовало бы отметить, что вариантные формы прилагательных обладают различной способностью сочетаться с разными именами существительными, например: лазоревый цееток, но лазурное небо, дифтерийная сыворотка и дифтеритная палочка.

Пятая часть книги посвящена стилистической дифференциации слов. Нового в этой части мало. О. С. Ахманова сама отказывается анализировать стилистически нейтральную лексику в силу полной неисследовательности вопроса (стр. 251). Среди же остальных, стилистически окрашенных слов О. С. Ахманова различает по сравнению с нейтральным слоем «сниженную» и «возвышающуюся» над ним группы. К стилистически сниженной группе слов она относит разговорную и более грубую, вульгарную. Я полагаю, что в списках этих групп многое смещано. Деление весьма субъективно. Вряд ли можно зачислять слова гонор, каверва, кавус, бевдна, оболеать в разговорную группу, а разом в разговорно-просторечную. Слова бескрайний и безболезненный зачислены в повышенностилистическую группу без контекста.

Поэтическую лексику О. С. Ахманова считает также разновидностью возвышенной лексики. Мне кажется, что схема, представленная О. С. Ахмановой, не полна. В книге не нашли места профессиональная лексика, евфемистический пласт слов, диалектная лексика. Мало сказано о терминологии и детерминологизации. Разбивка слов на части речи ведет к повторению некоторых теоретических положений. Главы V, VI, VII занимают по одной странице.

¹ Правда, в несколько иной формулировке, смысл которой все же идентичен указанному выражению: «Основным признаком сращения является его семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значений целого из компонентов» («Русский язык», М.— Л., 1947, стр. 23).

Их, конечно, нельзя пазвать главами, фактически они являются фрагментарными заметками по поводу названных в них кате-

горий.

Итак, эрудиция автора в вопросах общей лексикологии не вызывает сомнений. Но по русской лексикологии охвачен не весь материал, данное разграничение лексических групп нельзя признать удовлетворительным. О. С. Ахманова дает списки слов без текста, а именно текст часто играет определяющую роль в выявлении значения

слов. Если книга будет переиздаваться, то вторая часть потребует серьезной переработки. Но в общем книга, несомненно, заслуживает внимания и весьма поучительна. В книге много свежего материала, особенно в ее первой части, свидетельствующей о широте взглядов автора, о его глубокой эрудиции, об уменье оперировать материалом, давать правильные анализы и делать самостоятельные выводы.

Е. М. Галкина-Федорук

А. А. Юлдащев. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. — М., Изд-во АН СССР, 1958. 196 стр.

Книга А. А. Юлдашева представляет собой монографию о башкирском глаголе, содержащую все сведения, касающиеся анализа как самих глагольных корней с точки зрения их структуры, с одной стороны, и семантики — с другой, так и всей системы словообразования и словоизменения башкирского глагола. Базируясь на ранее проведенных исследованиях, автор внес некоторые новые идеи, новые методические приемы исследования и главным образом новый, хорошо интерпретированный материал, углубляющий и уточняющий учение о глаголе в башкирском и вообще в тюркских языках.

В соответствии с целями исследования, изложенными в «Предисловии» (стр. 3—4) и «Введении» (стр. 5—15), книга делится на две части: ч. 1—«Система словообразования» (стр. 17—112) и ч. 2—«Систе-

ма спряжения» (стр. 113—187).

Много интересного и нового как в отношении материала, так и его использования читатель найдет в главе, посвященной характеристике строения глагольных корней и их семантики (стр. 19 — 46). Некоторые новые сведения имеются в этой главе и относительно древних способов словообразования глаголов в тюркских языках и, в частности, относительно способов диф-ференциации корней путем внутренней флексии, путем использования палатализации и опереднения гласных основы, путем использования редукции конечных и начальных звуков корня и проч. Сведения из этой слабо изученной области древних способов словообразования в тюркских языках представляют значительный интерес для изучения исторического развития как башкирского языка, так и других тюркских языков.

Свое дальнейшее развитие в книге А. А. Юлдашева получило исследование вопросов семасиологии тюркского глагола вообще и семантики глагольного корня в

частности (стр. 37 — 46).

Значительной заслугой автора рецензируемой монографии является разработка вопросов, связанных с анализом составных (или так называемых аналитических) основ глагола, образовавшихся путем словосложения [см. стр. 54 — 63 в гл. «Словообра-

зование глаголов от других частей речи» 47—63)]. Исследование составных и сложных тюркских глаголов и вообще вопросов словосложения как одного из основных способов словообразования началось по существу только в самое последнее время, и поэтому каждая работа, касающаяся в той или иной степени этих вопросов, дает новые сведения для разработки проблемы словосложения. Значительный и интересный в этом отношении материал представлен и в настоящей книге, хотя, как мы увидим ниже, в разрешении пекоторых деталей этой проблемы нельзя согласиться с автором. Йовую постановку вопроса можно найти также в главах, посвященных так называемому внутриглагольному грамматическому словообразованию — категориям вида и залога (стр. 64—69, 70—80, 81—86, 87—104, 105—112).

Наиболее ценной частью книги является вторая ее часть, где автор приложил много усилий в отношении уточнения значений различных спрягаемых форм башкирского глагола. Система спряжения башкирского глагола, за некоторыми исключениями, о которых мы скажем ниже, анализирована автором весьма полно и наиболее удачно.

Суммируя перечисленные положительные стороны данной работы, можно сделать общий вывод о том, что перед нами вполне зрелое лингвистическое исследование,представленное вполне подготовленным филологом-языковедом, хорошо ориентирующимся в материале родного ему башкирского языка и в специальной литера-

туре.

Одним из существенных педостатков в работе А. А. Юлдашева является отсутствие в ней установленных критериев, определяющих границы между словообразованием и словоизменением. Уже само название книги «Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке» требует прежде всего строгого определения точных критериев для установления этих границ. Композиция книги с ее делением на две части (система словообразования и спряжение глагола) позволяет предполагать, что все категории, перечисленные автором в первой части, относятся к словообразовательным. Однако, как это видно из слов самого автора, основные словообразовательные глагольные категории вида и залога он считает и словообразовательными, и словоизменительными.

Так, в отношении видовых форм башкир-

ского глагола автор пишет: «Наряду с лексическим значением, все перечисленные (видовые.— Н. Б.) формы обладают значением, которое не укладывается в рамки отдельного лексико-семантического разряда, является общим для ряда лексикосемантических разрядов, общим для системы основ, т. е. в известном смысле безразличным к лексическому содержанию основы. Это значение сказывается на системе спряжения глагола, на нем строятся определенные правила словоизменения и, следовательно, оно является частью грамматической системы глагола» (стр. 81).

Категория залога также хотя и рассматривается в ч. 1 «Система словообразования», но в то же время весьма решительно отнесена автором к области словоизменения. «Дело в том, что залоговые разновидности глаголов, -- пишет он на стр. 88,как будет показано ниже, представляют собой формы одного и того же слова, т. е имеют исключительно словоизменительное значение (кроме возвратного залога)».

Таким образом, границы между словообразованием и словоизменением оказываются зыбкими, неопределенными; весьма объясияется это в основном тем, что в книге не всегда четко разграничиваются категории лексические, или, вернее, лексикограмматические, и категории синтаксичесинтаксико-грамматические.

Следует отметить, что проблемы категории вида и категории залога являются весьма сложными вопросами грамматики тюркских языков. В каждом конкретном языке категория вида представлена своеобразными формами, которые и в лексическом и в морфологическом плане являются не совпадающими друг с другом и отражающими типологические особенности того или иного языка. Так, категория вида в русском языке образуется четырымя основными способами: а) префиксацией, б) суффиксацией, в) внутренней флексией, г) словосложением; в тюркских же языках и в том числе в бащкирском — двумя способами: а) аффиксацией (суффиксами) и б) словосложением.

Процессы грамматикализации компонентов сложных глаголов в тюркских языках и превращение грамматикализованных элементов в грамматический показатель видового оттенка не всегда представлены в окончательном виде, многие из вспомогательных глаголов продолжают содержать в себе и знаменательное значение, поэтому не все сочетания основного и вспомогательного глаголов могут быть отнесены к формам глагольного вида. Значительное количество таких сочетаний представляет собой сложные основы глагола с видовым которое выражено в значением, основах не грамматически, а лексически.

Задачей исследователей является определение и установление системы глагольных видов во всем ее объеме, базируясь не на сопоставлении с видами в русском языке, а на реальных фактах каждого конкретного

тюркского языка.

Весьма сложной и также слабо разработанной является проблема залогов в тюркских языках. В своей работе А. А. Юлдашев пытался разграничить значения залоговых форм на чисто лексические и чисто грамматические. Однако, как мне кажется, ему это не удалось по двум причинам. Первая заключается в том, что автор при определении этих значений часто опирается не на реальное значение данной формы в башкирском языке, а на ее русский перевод. Так, например, глагол алышыу он, исходя из русского перевода «обмениваться», не считает залоговой формой (стр. 88), в то время как указанный глагол (это подтверждается и значением «обмениваться») по своей природе является формой взаимного залога глагола «брать, взять, получать»; то же следует сказать и о глаголе курешеу (от кур-) «видеться друг с другом, встречаться» (стр. 88) и т. д.

Вторая причина заключается в том, что автор считает залог категорией синтаксически обусловливающей, т. е. категорией словоизменительной (стр. 104), не различая при этом субъект и объект действия, с одной стороны, и подлежащее и дополнение — с другой (стр. 104 и сл.). Категорию залога он видит только в тех случаях, когда данная глагольная форма в той или иной залоговой форме управляет строго определенным падежом. Но ведь управление тем или иным падежом характерно и для незалоговых форм, например казахск. сора- «спрашивать», корык- «пугаться, бояться» управляют всегда исходным падежом. Точно так же и залоговые формы на общих основаниях управляют теми или иными- характерными для управления данной глагольной основы падежами. Следовательно, управление глагола известным падежом не может быть критерием, определяющим залоговую форму. Форма залога выражается, как правило, в присоединении к глагольной основе известных формантов. Совершенно иной вопрос, когда некоторые (а иногда и довольно многочисленные залоговые формы) могут рассматриваться и как залоговые формы, и как лексикализовавшиеся, или только как лексикализовавшиеся, изолированные формы, но такая возможность имеет основанием исторически вторичное явление, а не первичное, как считает автор.

Таким образом, категория залога выражает не отношения подлежащего и объекта, с одной стороны, и сказуемого — с другой, а отношения субъекта и объекта динамического признака к самому динамическому признаку (т. е. действию и состоянию), следовательно, категория падежей как словоизменительная категория, выражающая отношения сказуемого, с одной стороны, и подлежащего и дополнения - с другой, не может привлекаться в качестве критерия при решении вопроса о том, является ли данная форма залоговой или нет.

Нет никаких сомпений в том, что как залоговые, так и видовые категории тюркского глагола — категории лексико-грамматические, словообразовательные. К словоизменению же должны быть отнесены только категории, морфологически выражающие отношения между собой членов предложения или словосочетания.

Некоторые замечания следует сделать и по второй части — «Система спряжения».

Ограничимся только осповными.

«Спряжение башкирского глагола, — пишет автор на стр. 115, — равно как и в других тюркских языках, выражается в осложнении общего типового вида глагола основы показателями грамматических категорий, присущих толькоглаголу, икатегориилица. Эти категории распадаются на два типа: 1) категории, общие для всей системы глагола, 2) категории, свойственные только личной форме глагола. К первому типу относятся: категория залога, категория отридания и категория модальности. Ко второму — категория наклонения и времени».

Таким образом, авторвидит в системе спряжения некий синтез всех глагольных категорий. Спряжение же тюркского глагола по существу представляет собой только изменение по лицам: спрягаемая форма, папример, причастия на -ган отличается от песпрягаемой той же формы (например, в функции определения) только аффиксами лида. Все остальные категории, кроме лица, а именно: категории залога, вида и даже наклонения и времени-глагольные категории, возникающие не только в парадигме спряжения, не только в личных, но и в неличных формах глагола. Наиболее характерной для личных форм глагола могла бы считаться категория наклонения, если бы последняя морфологически дифференцировалась с категорией времени. Но, как известно, в тюркских языках эти категории не имеют дифференцированного выражения.

В изложении вопроса о спряжении глагола автор не учитывает того, что временные формы глагола, к которым могут быть отнесены лишь причастия, встречаются часто не только в позиции сказуемого, для которого и характерны личные формы глагола, но и в позиции определения в определительных словосочетаниях. Следовательно, категория времени (и наклонения) присуща не только личным, но и неличным фор-

мам глагола.

Нельзя согласиться с автором также и в том, что категория лица в башкирском глаголе выражается тремя показателями: аффиксами сказуемости, 2) аффиксами притяжательности, 3) специальными аффиксами, обозначающими одновременно и данную категорию, и категорию определенного наклонения» (стр. 117). Во-первых, категория лица сама является морфологическим выражением субъектно-предикатных отношений подлежащего и сказуемого. Во-вторых, субъектно-предикатные отношения не могут быть выражены аффиксами притяжательности; видимо, автор в виду категорию принадлежности. В-третьих, аффиксы, выражающие категории времени или наклонения, не могут одновременно выражать и категорию лица. Здесь автор, видимо, имеет в виду формы 3-го лица, где показатель лица вообще отсутствует. Что же касается показателей первого и второго лица, то за исключением краткой формы повеления 2-го лица, совнадающей с основой глагола, все остальные формы повелительного и других наклонений имеют соответствующие личные показатели.

Из других замечаний, касающихся спряжения глагола, остановимся на следующих. Исторически, да и в современных тюркских языках личные аффиксы не всегда присоединяются непосредственно к основе имени, как пишет автор (стр. 118). Они, как и при глаголе, часто стоят после так называемой связки. При анализе конкретных временных глагольных форм автор иногда недостаточно дифференцирует категорию времени, с одной стороны, и категорию времени, с одной стороны, и категорию времени, с одной стороны, и категорию вида — с другой. Здесь имеется в виду так называемое настоящее время, которое исторически образовалось от формы на -р по схеме бар-а-тур-ур-мын>бар-а-(тур-ур)-мын) «я пду, я еду» (стр. 120).

Нельзя согласиться с автором в отнесении форм типа минен бараным бар ине «я должен был поехать» или минен йоком килде «мне захотелось спать» к типу спрягаемых форм. Здесь мы имеем совершено иные синтаксические отношения. Конструкция минен бараным бар ине «я должен был поехать» независимо от русского перевода должна грамматически разлагаться как минен бараным «мой долженствующий отъезд» — подлежащее и бар ине «был» (буквально: «имелся») — сказуемое. Точнотак же и в минен йоком килде «мне захотелось спать» минен йоком «мой сон» — подлежащее и килде «пришел» — сказуемое, а не особый вид спряжения глагола,

как представляет это автор.

Подводя итоги всему сказанному, следует отметить, что, в отличие от предшествующих исследований но башкирскому спряжению, схема спряжения и анализ семантики временных форм башкирского глагола, представленные в настоящей работе, являются значительным шагом вперед в их изучении. Что касается критических замечаний, высказанных здесь, то во многом основой своей они имеют иной теоретический подход к исследованным в мснографии фактам языка. Относясь с полным уважением к мыслям, высказанным в рецензируемой книге, мы не можем, как это видно из изложенного, согласиться с некоторыми из высказываний автора, но вместе с тем считаем и наши замечания в одинаковой мере дискуссионными.

В заключение следует отметить, что книга А. А. Юлдашева «Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке» является значительным шагом вперед как в изучении башкирского глагола, так и в разрещении некоторых общих проблем грамматического строя всех тюркских язы-

ков.

C. E. Osgood, G. E. Suci, P. H. Tannenbaum. The measurement of meaning. — Urbana, 1957 (University of Illinois press). 342 ctp.

Изучение значения -- одна из самых трудных проблем науки. Неслучайно в тех областях знания, которые связаны с изучением значения, и в первую очередь в языкознании, психологии и логике, возник в XX в. целый ряд направлений, отказывающихся от всякого обращения к значению как объекту исследования. Таков лингвистический структурализм (в особенности то его направление, которое называется дескриптивной лингвистикой и характерно для американских языковедов). Справедливо отмечая, что традиционная семасиология не выработала ничего, кроме более или менее субъективных методов изучения различных схем переноса значения, американские структуралисты вообще отказались изучать в языке все то, что не может быть выражено в терминах лингвистических форм и отнощений между формами. Таков и современный бихевиоризм в психологии, отказывающийся изучать что-либо, не может быть выражено в терминах воздействий и реакций на эти воздействия. Некоторые американские и датские структуралисты, а также бихевиористы характеризуют любые попытки подхода к проблеме значения как возвращение к методу интроспекции, как «ментализм». Таковы, наконец, и некоторые логические теории, например, в том виде, в каком они представлены в известной работе Р. Карнапа «Логический синтаксис языка» 1.

Однако сколь бы основательны ни были ссылки на субъективизм в традиционных методах изучения значения, ни логика, ни лингвистика, ни психология не могут отказаться от изучения значения. осознал, в частности, и сам Карнап, который (под влиянием работ представителей польской логической школы: Айдукевича, Тарского, Котарбинского и Лесьневского) не только признал необходимость изучения значения, без чего не может быть построе-на теория моделей и интерпретаций, но и показал в своей работе «Введение в семантику»² возможности логического полхола к семантике. В лингвистике также намегились цопытки сближения структурных и семантических методов, наконец, в исихологии возникло направление, именуемое исихолингвистикой, методы которой и разви-

ваются в рецензируемой книге.

По-видимому, основы нового подхода к значению во всех трех науках были намечены еще Ч. Пирсом³ и впоследствии изложены в известной работе Ч. Морриса 4.

mantics, Cambridge, 1942.

Здесь впервые были четко выявлены три основных аспекта всякой теории знаков, а именно сиптаксический чающий отношения между знаками), семантический (изучающий отношения между обозначающим и обозначаемым) и прагматический (изучающий отношения между знаком и реакцией на знак).

Редензируемая книга интересна как попытка объективного подхода к наиболее трудному аспекту значения— значению прагматическому⁵. Метод, применяемый авторами, а именно метод семантического дифференциала, возник на почве исследования явлений синэстезии. В основе его лежит определение значения через ассоциации, причем значение определяется путем ответа на ряд альтернативных вопросов о качестве соответствующего предмега (или понятия). Заметим, что такая постановка вопроса сближает данный метод с современным теоретико-информационным подходом к проблеме языка, так как в теории информации мера информации также связана с минимальным количеством альтернативных вопросов, необходимых для получения соответствующей информации 6. Между прочим, в 1953 г. Карнап и Бар-Хиллел предложили метод измерения семантической информации?. Семантическое значение предложения Карнап и Бар-Хиллел предлагают связать с количеством предложений, выводимых из данного предложения в некотором логическом языке.

Вернемся к описанию метода, предложенного авторами. Он распадается на следующие этапы. Из списка наиболее часто встречающихся слов было выбрано слов. Испытуемым (200 человек) предлагалось для каждого из этих слов назвать ассоциирующиеся с ними прилагательные (например, дерево — велены \hat{u} ; дом — большой). Затем из получаемых прилагательных были выбраны 50 наиболее часто встречающихся (интересно, что почти половина из них оказалась опеночными прилагательными).

Эти прилагательные были разбиты на пары «антонимов» (polar opposites), например: тяжелый — легкий, горячий — холодный, сладкий — горький, хороший — плохой и т. п. Следует отметить, что принцип противоположности не выдержан достаточно последовательно. Так, авторами выделены следующие пары: желтый -- синий (или голубой, в англ. blue), красный — зеленый и т. п. Этот факт несколько снижает логическую и лингвистическую ценность полученных результатов, но отсутствие четкого определения антонима в лингвистике в известной мере может служить здесь оправданием.

⁶ См. С. Голдман, Теория информации, М., 1957.

¹ R. Carnap, The logical syntax of language, London, 1937.

² R. Carnap, Introduction to se-

³ Cm. «Collected papers of Ch. S. Pierce», Cambridge, vol. 2-1932, vol. 3 - 1933, vol. 5 — 1935.

⁴Ch. Morris, Foundations of the theory of signs, Chicago 1938; его же, Signs, language and behaviour, New York, 1946.

⁵ Хотя сами авторы говорят об измерении семантического значения.

Carnap, Y Bar-Hillel, 7 R. Semantic information, «The British journal for philosophy of science», vol. 3, Edinburgh, 1953, crp. 147 — 157.

Для каждого слова заготовляется карточка следующего вида:

Слово (например, отец) 1-й член 2-й член противопоставпротивопоставления ления (например, счасть-(например, печаль**л**ивый) ный) (2) (1) (0) (-1) (-2) (-3)

Такие пары заготовляются для каждой из 50 пар противопоставлений.

Для каждого места принято следующее значение:

(3) очень X **—**3) очень **У** (-2) вполне У (2) вполне Х 1) немного Х —1) немного У (0) ни X, ни У, или в равной мере X и У

На основании подсчета коэффициентов корреляции выделяются три основные группы пар: 1) оценочный фактор; его характеризуют такие пары, как хороший - плохой, нт. п.; 2) фактор интенсивности (potency factor); его характеризуют такие пары, как тяжелый — легкий и сильный слабый, и т. п.; 3) фактор активности (активный — пассивный, быстрый — медленный

По полученным шкалам, которые служат теперь осями координат, можно попятидесятимерное пространство так, что нулем для всех осей является срединная точка (0). Естественно считать, что каждое слово представляет собой точку в этом пятидесятимерном пространстве. Для многих понятий можно сократить размерность пространства. Можно даже перейти к трехмерному пространству, взяв по одной паре для каждой из трех основных групп.

В общем случае полученное п-мерное «семантическое пространство» можно превратить в метрическое, введя для каждых двух точек этого пространства (х и у) функцию расстояния р (х, у), вычисляемую

	Фанторы		
Понятия	Оценочный (хороший— плохой)	Интенсивный (сильный— бессильный)	Активност- ный (актив- ный-пассив- ный)
quicksand white rose buds death hero methodology fate virility gentleness succes sleep	-3 3 -3 3 -1 2 2 2	3 -3 1 3 0 0 0 3 -2 3 0	-3 -3 -3 3 2 -2 -2 2 -3 2 -2

по обобщенной формуле аналитической геометрии:

$$\rho(x, y) = \sqrt{\sum_{i=1}^{n} (x_i - y_i)^2}$$

Так, в трехмерном семантическом пространстве, построенном для трех пар (каждая относится к одной из трех упомянутых групи), получены данные (для одного испытуемого), приводимые в таблице.

Для каждой пары из этих 10 попятий (например, для quicksand и white rose buds) можно теперь вычислить степени близости обоих попятий или, говоря языком авторов, их «расстояние»: p (quicksand, white rose buds)

$$V[(-3) - (3)]^2 + [3 - (-3)]^2 + V[-3 - (-3)]^2 = V72 \approx 8.49.$$

Метод семантического дифференциала, по мнению авторов, дает возможность стаследующие вопросы: 1) различие в оценке одного понятия для различных групи испытуемых; 2) различие в оценке двух понятий для той же группы испытуемых; 3) различие в оценке одного понятия двумя испытуемыми; 4) различие в оценке двух понятий тем же испытуемым.

Этот перечень показывает, что авторы в действительности измеряют прагматическое и только прагматическое значение. Измерение прагматического значения, несомненно, представляет собой важное расширение сферы применения объективных методов изучения значения, распространение этих методов на область, к которой ни логика, ни лингвистика еще не нашли строго научного подхода. Однако для того чтобы объединенными усилиями создать теорию значения, необходимо согласование методов и требований всех трех наук (психологии, логики, языкознания), выработка некоторых общих критериев и подходов. С этой точки зрения интересные методы, предложенные авторами, требуют, повидимому, известного уточнения.

Прежде всего исихология (а тем более логика и лингвистика) не могут пройти мимо того факта, что значениям каждогоязыка присуща определенная социальная общезначимость, все отклонения от которой воспринимаются именно как отклонения от нормы. Иначе общение при помощи языка было бы невозможно. Хотя авторы и получили высокую степень совпадения в распределении указанных выше трех семантических факторов, они в целом слишком много внимания уделяют индивидуальному аспекту, не пытаясь как-то нормировать полученные данные с точки зрения социальной общезначимости понятий. Показательно, что сам отбор понятий вдет по линии экспрессивно окращенных, а не нейтральных, для которых метод семантического дифференциала, возможно, дал бы более устойчивые результаты (безотносительно к данной группе индивидумов).

От строгого отбора анализируемых слов зависит и интерпретация полученных результатов. Несомненно, что построенное

авторами «семантическое пространство» в какой-то мере отражает объективную действительность, а именно ту систему связей, которая отложилась в памяти человека. Однако такая интерпретация предполагает определенную систему понятий; неслучайно как в логике, так и в лингвистике в настоящее время значения слов рассматриваются как некие системы. Между тем в рецензируемой работе выбор поия-тий (например, в приведенной таблице) настолько случаен, что «расстояние» между ними не может быть разумным образом интерпретировано. Конечно, авторам важно было показать сам метод, однако нельзя не признать, что убедительность метода зависит от качества иллюстраций. В самом деле, какой смысл в определении расстояния между значениями слов сыпучий песок и бутоны белой ровы?

Здесь важно отметить следующее. Все термины, как известно, распадаются па: а) первичные, неопределяемые понятия, или, иначе говоря, термины, вводимые путем указания или, как иногда говорят, «наглядного определения», и б) термины, вводимые путем определения через первич-

ные термины.

Логика вынуждена брать первую группу терминов как петго заранее данное, не вдаваясь в их семантическую структуру; семантика этих терминов есть факт лингвистический, по не логический. Логическай семантика занимается отношением производных терминов к первичным терминам, ограничиваясь лишь строгой фиксацией определенного набора первичных терминов Поэтому именно для первичных терминов методика, предложенная авторами, может оказаться особенио продуктивной.

Если мы сможем эффективно измерить прагматическое значение первичных терминов, то вполне закономерно поставить вопрос о соотношении между семантическим значением данного термина (относительно данной групцы первичных терминов) и прагматическим значением данного термина (как «расстоянием» данного термина от первичных в построенном авторами «семантическом пространстве»). В связи с такой постановкой проблемы мы считали бы целесообразным высказать некоторые соображения относительно понятия семантического значения термина в логике и о возможности использования этого понятия при исследованиях данного рода.

1. Об определении семантического значения можно говорить только тогда, когда произведен логический «анализ языка», т. е. известно, какие термины языка L_j являются определенными, какие — неопределенными, а также когда сформулированы правила логического синтаксиса этого языка L_j . Чтобы говорить об определении семантических значений терминов в L_j , надо теперь для всех его опреде-

ляемых терминов по правилам синтаксиса L_j построить такие ценочки определений, которые состояли бы только из отношений пеопределяемых терминов. Если теперь каждому определяемому термину по правилам синтаксиса в L_j соответствует такое определение, в котором каждый определяемый термин заменен ценочкой, состоящей только из неопределяемых терминов, то такой язык мы назовем эксплицитным.

такой язык мы назовем эксплицитным. 2. Точность определения семантического значения термина в языке зависит от характера этого языка. Если L_j является реальным разговорным языком, то в нем не могут быть выявлены логические отношения между его терминами, в том смысле, что в нем невозможен «апализ» и, следовательно, его синтаксис не может быть сведен к логическому синтаксису. Короче говоря, такой язык будет эксплицитным. Неэксплицитность такого языка будет зависеть от «сильной» прагматики его терминов (эмоциональные оттенки, психологические ассоциации и т. п.).

Таким образом, можно высказать общее утверждение, что чем меньше прагматическое значение знаков, обозначающих термины данного языка L_j , тем точнее определяется семантическое значение знаков, обозначающих термины L_j , и обрат но. Следовательно, только в том случае, когда словарем L_j являются научные термины, а синтаксис языка близок к логической формализации или уже формализован, семантические значения в L_j могут быть определены достаточно точно и эксплицитно.

Примерами эксплицитных языков являются язык структурных формул органической химии, формализованный язык для таксономии, формализованный язык для бихевиористской психологии и т. п. Существенно при этом понимать, что всякий язык может быть представлен как объединение содержащихся в нем подъязыков (например, язык, на котором выражается информация об объектах органической химии, содержит в себе язык структурных формул органической химии в качестве своего подъязыка наряду с другим подъязыком — реальным разговорным языком). Точность определения семантического значения термина зависит, таким образом, от того, в словарь какого из подъязыков он входит.

Изложенные соображения ии в какой мере не ставят под сомнение целесообразность дальнейших попыток точного подхода к проблеме прагматического значения. Мы хотели лишь указать на необходимость более тесной связи чисто психологического подхода к проблеме с теми понятиями и методами, которые наметились в современном языкознании и современной логике.

И. И. Ревзин, В. К. Финн

H. Birnbaum. Untersuchungen zu den Zukunftsumschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen. Ein Beitrag zur historischen Verbalsyntax des Slavischen («Acta Universitatis Stockholmiensis. Etudes de philologie slave», 6). — Stockholm, над. AWE, 1958. 327 стр.

Опубликованная в Стокгольме работа шведского слависта X. Бирнбаума «Исследования в области описательного будущего времени с инфинитивом в старославянском языке» посвящена вопросам, которые в той или иной мере уже затрагивались в общирной литературе — от наблюдений И. Добровского и А. Шлейхера вплоть до работ нащих современников. Наибольшее внимание уделялось старославянскому описательному будущему времени в исследованиях видовых отношений старославянского гла-гола (А. Мейе, В. В. Бородич, А. Достал и др.), а также, естественно, в специальных работах по славянскому будущему времени (И. Поливка, Г. Бонфанте). Однако обстоятельно и всестороние старославянское описательное будущее еще не изучалось. До сих пор нет и единства мнений по ряду вопросов, касающихся выражения будущего в старославянском языке. Некоторые лингвисты полагают, что полноценным способом выражения будущего в старославянском языке является лишь простое будущее время 1, другие, признавая за описательными конструкциями с инфинитивом способность выражать будущее время без каких-либо добавочных оттенков значения, отказывают в этой способности конструкциям с глаголом хоштх² и т. п. Исключительно большие расхождения между авторами наблюдались до сих пор по вопросу о частоте применения тех или иных описательных способов выражения будущего в старославянском языке.

Перед исследователем, специально занявшимся проблемой сложного будущего с инфинитивом в старославянском языке, стоял, таким образом, делый ряд задач. Необходимо было прежде всего выделить среди инфинитивных конструкций с глаголами хоштя, имамь, -чьня те конструкции, которые действительно выражают будущее. Во вводной главе (стр. 7 — 57) X. Бирнбаум принимает в качестве материала исследования конструкции двоякого рода: а) выражающие чисто временное значение при утрате вспомогательным глаголом реального значения (Х. Бирибаум говорит об управляющем и управляемом членах конструкции, хотя, конечно, при утрате глаголом реального значения трудно приписывать ему способность к управлению; б) выражающие временное значение вместе с различными, главным образом модальными, добавочными оттенками при ослаблении лексического значения. Те случаи, в которых

1 См., например, А. Белић. О језичкој природи и језичком развитку, 2-е изд., вспомогательный глагол сохраняет лексическое значение полностью, в работе не исследуются. Помимо выявления основной и добавочных функций описательных конструкций, автор предполагает установитьстепень их морфологизации, а также определить происхождение старославянского описательного будущего.

II глава («Материал», стр. 58 — 209) содержит наиболее полное в славистической литературе обозрение случаев использования описательного будущего с инфинитивом в старославянском языке с привлечением всех известных памятников письменности (довольно подробный список соответствующих случаев приводится и в исследовании А. Достала³, однако из евангельских текстов А. Достал привлек лишь материал Зографского кодекса). По поводу каждого случая Х. Бирнбаум приводит имеющиеся старославянские разночтения, греческие и латинские (Vulgata) соответствия, соответствия современных славянских языков, указывает литературу, в которой данный случай упоминается, приводит различные мнения исследователей и собственную трактовку функции. Рассматриваются и такие случаи описательных конструкций, которые могут иметь двоякое истолкование сохранение реального значения или же выражение будущего времени с ослабленным лексическим значением вспомогательного глагола. Значительную ценность представляет статистическая сводка материала, приводимая в конце II главы. Из нее выясняется, что будущее время в старославянском языке вообще выражается при помощи конструкций с имамь — 132 раза, хоштж — 101, начынж и въчынж — 16 раз. Из обзора греческих соответствий следует, что описанию с имамь соответствует обычно греч. од $\mu_{\gamma'}$ с конъюнктивом аориста, несколько реже — греческое будущее время; хоштя с инфинитивом в подавляющем большинстве случаев соответствует греческим инфинитивным конструкциям с глаголом μέλλω. Глагол хоштх выступает главным образом в форме причастия настоящего времени (41 раз), реже - в имперфекте (29) и настоящем времени (26),причем соответствующие формы имеет обычно и греч. μέλλω. Относительно видовой принадлежности глаголов, выступающих составе описаний в форме инфинитива, устанавливается, что они чаще бывают совершенного вида (148:94).

111 глава («Функции описательного будущего с инфинитивом в старославянском языке», стр. 210 — 251) содержит выводы автора исследования относительно грамматических значений, которые выражаются в старославянском языке описаниями с инфинитивом. Автор устанавливает способность всех типов описательных конструкций выражать «чистое» будущее время (т. е. без примеси модальных оттенков); однако эта епособность чаще проявляется у конструкций с имамь (67 случаев, т. е. более 50%) и несравненно реже у описа-

Београд, 1958.

² A. Meillet, Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, I, Paris, 1902.

⁸ A. Dostál, Studie o vidovém systému v staroslověnštině Praha, 1954.

ний с хоштя (9 случаев, т. е. менее 10%). Отметим, что конструкции с имамь, как полагает X. Бирнбаум, сами по себе не выражают особого значения «отдаленного будущего» или «послебудущего» 1 — этот оттенок значения появляется лишь в составе сложных предложений с придаточными временными или условными (например, Мф. 10, 23 бко не имате исконьчати градъ издрявъ. доньдеже придетъ снъ члечскы, стр. 63 — пример из Мариинского евангелия, аналогично в Зографском евангелии) и вызывается исключительно самой связью предложений (стр. 216 — 217). Что касается конструкций с хоштя, то, применяясь для обозначения «чистого» будущего времени, они заменяют отсутствующее в старославянском языке причастие будущего времени (3 случая — глагол хоштж в форме причастия настоящего времени) или же выражают так называемое «буду-(Nachvergangenheit; щее в прошедшем» хоштя в форме имперфекта — 6 случаев). Обыкновенно присутствует модальный оттенок желательности (voluntative Modalität) или долженствования. Конструкции с въчьня и начьня, вообще немпогочисленные, по данным Х. Бирнбаума, могут лишь в 2 случаях рассматриваться как обозначающие будущее время без оттенка начинательности.

Таким образом, в качестве средства выражения будущего времени в старославянском языке особое положение занимают конструкции с имамь, обладающие этой функцией в значительно большей мере, чем прочие описания. Что касается перифразы с хоштя, то, по-видимому, прав был Мейе, указывавший на малую приспособленность этой конструкции для выражения «чистого» будущего времени в старославянском языке — в отличие от позднейших болгарского и сербского языков. Неполноценность описательного будущего с хоштя в исследовании Х. Бирнбаума не акцентируется, котя о ней свидетельствует весь фактический материал. IV глава («К вопросу о происхождении

IV глава («К вопросу о происхождении описательного будущего с инфинитивом в старославянском языке», стр. 252 — 278) посвящена проблеме, решение которой в рамках подобного исследования, на наш взгляд, совершенно необязательно и, пожалуй, даже невозможно. В главе рассматриваются различные способы выражения будущего времени в современных славянских языках. Касаясь русского языка (стр. 268 — 269 и др.), автор между прочим солидаризируется с Г. Вытженсом, считающим, что у восточных славян описа-

тельные формы из буду и инфинитива стали применяться под западнославянским явыковым влиянием², — мнение, весьма мало обоснованное. Некоторый интерес представляют в этой главе наблюдения X. Бирибаума над описательными формами будущего времени в памятниках русской редакции церковнославянского языка: если в старославянском явыке господствуют конструкции с имамь, то в русских памятниках полностью доминируют описания с хощу (в переводе из Г. Амартола — 11:1, Иосифа Флавия — 10:1).

Выводы Х. Бирибаума относительно происхождения описательного будущего с инфинитивом сводятся к следующему. Данные для использования имамь с инфинитивом в значении будущего были уже в самом славянском языке; однако известнуюроль сыграло и влияние живого среднегреческого языка, в котором в период! создания и расцвета старославянской письменности широкое распространение получила вполне аналогичная конструкция из ёхю и инфинитива; некоторое влияние могла оказать и народная латынь (или балканороманские говоры) своей описательной конструкцией с habeo. Конструкция с хоштя в старославянском языке постоянноупотребляется для передачи греческих оборотов с μέλλω; однако и она могла развить временное значение самостоятельно (поскольку лексическое значение желания в известной мере подразумевает и оттенок значения будущности). Конструкции с -чынж значении будущего времени — оригинальное славянское явление, почти не встречающееся в других индоевропейских языках; в старославянском языке они играют очень незначительную роль, употребляясь главным образом в соответствии с греч. άρχομαι и инфинитивом, или же там, где переводчик специально желал подчеркнуть начинательный характер действия. Все эти конструкции — еще не вполне морфологизировавшиеся средства выражения будущего времени, больше синтагмы, чем аналитические формы будущего.

В заключение отметим, что исследование X. Бирнбаума, хотя и не разрешает окончательно всех вопросов, связанных с проблемой будущего сложного в старославянском; языке, представляет все же для слависта значительный интерес уже своим исчерпывающим изложением материала и тщачельностью обработки.

А. Б. Правдин

¹ Иначе полагал А. Потебня (см. «Из записок по русской грамматике», тт. I—II, М., 1958, стр. 355), а также и некоторые другие авторы.

² G. Wytrzens, Zur Frage des periphrastischen Futurums im Russischen, «Wiener slavistisches Jahrbuch», Bd. III, 1953.

128

УСПЕХИ СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКОЙ ТОПОНОМАСТИКИ В ГДР

К наиболее актуальным и вместе с тем наиболее специфическим задачам немецкой славистики относится, несомненно, наряду с исследованием лужицко-сербского языка и литературы и языковых намятников вымершего языка славянских полабов, всесторонняя разработка славянских элементов, богато представленных в топони-мике Восточной и Центральной Германии.

Еще до второй мировой войны инициатором большой научно-исследовательской работы в этой области был покойный проф. Р. Траутман. Его книга, посвященная славянским названиям местностей в восточном Гольштейне, Любеке, Лауенбурге и Мекленбурге, не могла выйти в условия**х** гитлеровской цензуры. Лишь в послевоенные годы передовой немецкий славист мог издать два тома своих топономастических изысканий 1.

В настоящее время работа по топономастике сосредоточена в Лейпцигском университете, который постепенно становится наиболее значительным центром научноисследовательской работы в ГДР в области славяноведения. Под руководством слависта проф. Р. Фишера и крупнейшего германиста-диалектолога проф. Т. Фрингса организована большая систематическая работа по собиранию, систематизации и интерпретации современного и исторического топономастического материала на территории Германской Демократической Республики. В серии «Исследования по германославянской ономастике и истории расселения» намечено десять монографий и сборников, которые должны выйти полностью в текущем году². По сравнению с более ранними работами в этой области, группа ученых, возглавляемая проф. Р. Фишером, не ограничивается чисто лингвистическим обследованием привлекаемого материала. Исследования проф. Фишера и его сотрудников представляют серьезную попытку использовать материал топонимики для исследования древнейших связей славян и немцев с точки зрения их общественных отнощений. «Славяне, давщие местностям и населенным пунктам чисто славянские названия *Bětin* (Böhlen), *Plavy* (Plaue) и

Pogorelica (Pörlitz), должны были быть лич-1 R. Trautmann, Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen: Tl. I («Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, phil.-hist. Klasse», Jg. 1947, № 4), Berlin, 1948; Tl. II (там же, Jg. 1947, № 7), Berlin, 1949. См. также Tl. III («Abhandlungen..., Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst», Jg. 1953, № 7) (Re-gisterband, Bearb. von H. Schall), Berlin,

1956.² Полную библиографию работ по славянской ономастике за период с 1945 по 1957 г. читатель найдет в статье Р. Фишера «Stand und Kritik der slawischen Onomastik in Deutschland», «Славянская филология. Сб. статей», II, М., 1958, стр. 200—215.

но свободными. Если бы славяне этой области были невольниками (Hörige) или военнопленными, как предполагали некоторые исследователи, то вряд ли в те времена они смогли бы давать наименования»³. Расселение славян в этой области следует, по мнению автора, отнести к первой половине VII в.4.

 Р. Фишер убедительно показывает,
 что отсутствие записей на славянском вовсе не означает, что славянский язык в период немецкой колонизации был на данной территории уже в состоянии отмирания. Красноречивые свидетельства славяно-германского симбиоза можно проследить на протяжении многих столетий. Следует подчеркнуть, что в работах этой серии привлекается весьма богатый материал, до сих пор не опубликованный.

Вторым выпуском является монография Э. Ульбрихт, посвященная бассейну реки Заале на территории Тюрингии 5. Автор выделяет три группы наименований рек и ручьев, представляющие три последова-тельных хронологических пласта: «древнеевропейские», славянские и немецкие.

Трегий выпуск серии составляет исследование топонимики округа Рохлитц в Западной Саксонии 6. В этой работе Г. Вальтер уделяет особое впимание славяно-немецким взаимоотношениям в свете данных

исторической топономастики.

Перу молодого лейпцигского слависта Э. Эйхлерапринадлежит четвертая монография данной серии, посвященная округам Делич и Эйленбург⁷. Автор относит славянский элемент топонимики данных округов к древнелужицкому языку (altsorbischв том смысле, в каком этим термином пользовались Э. Мукке, Р. Траутман, З. Штибер, В. Ташицкий и др.). Работа Э. Эйхлера особенно интересна потому, что в ней используется богатейший исторический (в том числе и рукописный) материал для реконструкции этого древнелужицкого языка. Свою информацию автор добывает на основании установления закономерных фонетических субституций (Ersatzlautlehre). Особого внимания заслуживают наблюдения автора над древнелужицким ударением. Ввиду того, что в современных немецких диалектах изучаемого района неначальное ударение встречается только в местных на-

namen des Kreises Rochlitz, Halle (Saale),

⁸ R. Fischer. Ortsnamen der Kreise Arnstadt und Ilmenau («Deutsch-slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte», № 1), Halle (Saale), 1956, стр. 93. ⁴ Там же.

⁵ E. Ulbricht, Das Flußgebiet der Thüringischen Saale, Halle (Saale), 1957. ⁶ H. Walther, Die Orts- und Flur-

Eichler, Die Orts- und Fluβnamen der Kreise Delitzsch und Eilenburg, Halle (Saale), 1958.

званиях славянского происхождения, автор приходит к выводу, что в XII — XIII вв. древнелужицкий язык еще не знал постоянного ударения на первом слоге; ср. пем. диал. limēnə (Liemehna) < слав. *Lomany, тю grēnə (Mockrehna) < слав. *Mokfany, где место ударения указывает на ударяемость суффикса -ány¹. Данные языка свидетельствуют о том, что для XII — XIII вв. еще не приходится говорить о диалектной дихотомии лужицкого языка на два основных диалекта. Для древнелужицкого языка, как и для современного верхнелужицкого, характерны, с одной стороны, переходы ъ>о и *trt>tort; с другой стороны, здесь отсутствует переход у>h, столь пока-

зательный для современного верхнелужицкого языка. По мнению автора, в XII— XIII вв. существовало несколько древнелужицких диалектов².

Проблематике славяно-германской топонимики и археологии посвящен сборник в честь проф. Т. Фрингса³. Публикация

монографий продолжается.

Следует всячески приветствовать начинания лейпцигской группы славистов и германистов, посвятивших свои силы непредвзятому изучению истории славяногерманского симбиоза на территории Восточной и Центральной Германии.

А. В. Исаченко

¹ Там же, стр. 178.

² Там же, стр. 180.

^{3 «}Leipziger Studien. Theodor Frings um 70. Geburtstag», Halle (Saale), 1957.

научная жизнь

вопросы истории славянских литературных языков на IV международном съезде славистов

На IV Международном съезде славистов вопросы формирования и развития славянских литературных языков были предметом специального обсуждения. Этим вопросам было посвящено свыше 15 докладов и 30 выступлений. Как отмечалось на съезде, при современном состоянии славистической науки целый ряд прежних представлений нуждается в пересмотре. Это относится, например, к вопросу о соотношении народнорусской и старославянской стихий в истории русского литературного языка и к вопросу о принципах периодизации древнерусского литературного языка, которые имеют определяющее значение для изучения славянских языков 1. Выдвинутое в докладе акад. В. В. Виноградова положение о двух тицах древперусского литературного изыка-книжнославянском и народнолитературном—нашло поддержку на съез-де (выступления В. Д. Левина, С. И. Ожегова и др.)². Что касается истории литературного языка (в частности, древнерусского), то здесь неверно было бы механически использовать, например, схему периодизации народа в его развитии от племени к народности и от народности к нации. Периодизация, предложенная В. В. Виноградовым³, основывается на анализе собственно языковых явлений и процессов и конкретизируется в зависимости от предмета исследования (грамматический строй языка, его звуковой состав, тип литературного языка и др.). Пересечение наиболее общих, узловых пунктов дает примерно следующую схему: 1) X — XIV вв. (X — XII вв.; XII — XIV вв.); 2) XIV—XVI вв.;

1 Информацию о ходе обсуждения этого вопроса на съезде см. также: «Вопросы славинского языкознания на IV Международном съезде славистов», ВЯ, 1959, № 1; Р. М. Цейтлин, Вопросы изучения старославянского языка на IV Международном съезде славистов, ВЯ, 1959, № 2.

³ В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 129 и сл.

XVI — конец XVII, конец XVIII BB.

Как в докладе В. В. Виноградова, так и в выступлениях А. В. Исаченко, Б. О. Унбегаупа и др.указывалось, что дальнейщее изучение истории славянских литературных языков тормозится из-за отсутствия полной ясности в понимании терминов «литературный язык» и «письменный язык», «язык» и «речь», «язык» и «стиль» и т. д.

Остальные доклады и выступления группировались вокруг следующих вопросов: сравнительно-историческое изучение славянских литературпых языков; роль старославянского языка в истории славянских литературных языков⁴; общие условия возникновения славянских литературных языков в период раннего средневековья; формирование новых славянских литературных языков; соотношение книжного и народного начал в истории славянских литературных языков; проблема двуязычия в истории славянских народов.

1. Проблеме сравнительно-исторического изучения славянских литературных языков был посвящен доклад акад. Б. Гавранка⁵. До последнего времени этот аспект исследования славянских литературных языков почти совсем не разрабатывался (изучалось главным образом взаимовлияние славянских языков в области лексики)⁶.

В. Гавранек указывает, что базой и исходным пунктом сравнительного изучения истории славянских литературных языков должен служить анализ истории отдельных литературных языков от их возникновения до формирования современных национальных литературных языков. В качестве основных задач докладчик выдвигает сравнительный анализ процессов раз-

4 Данный вопрос в нашей статье не рассматривается, так как ему посвящен указанный выше обзор Р. М. Цейтлин.

⁶ Ср. Л. Α. Булаховский, К истории взаимоотношений славянских литературных языков, ИАН ОЛЯ, 1951, вып. 1, стр. 38.

² См. В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, М., 1958. Ср., с другой стороны, выступление Н. А. Мещерского, говорившего о необходимости различать в древнерусском языке три типа литературного языка (деловой, церковно-релягиозный и собственно литературный), которые лишь к XV в. слились в два основных типа.

⁵ Развернутое изложение содержания доклада Б. Гавранка см. в его статьях «Charakter a úkoly srovnávacího studia spisovných jazyků slovanských» («Slavia», ročn. XXVII, seš. 2, 1958) и «К obecným vývojovým zákonitostem spisovných jazyků slovanských» (co. «Československé před-nášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvé», Praha, 1958).

вития литературных языков при учете, с одной стороны, сходства и различия в общественных условиях и потребностях, для удовлетворения которых служат развивающиеся литературные языки, с другой стороны,— средств и способов, при помощи которых эти литературные языки выполняют свои специфические функции, и глубокое изучение взаимосвязей сла-

вянских литературных языков. 2. Оживленные прения развернулись по докладу С. Урбанчика¹ (Б. Гавранек, С. Б. Бернштейн, С. А. Копорский, Е. Паулини, И. Хамм и др.). Автор подробно анализирует ряд факторов общественно-политического, экономического и культурного характера (создание феодального государства, рост национального самосознания, развитие городов, книгопечатания, роль церкви, школы и т. д.), которые сыграли важную роль в становлении и развитии польского литературного языка. Большое теоретическое значение имеет развиваемое С. Урбанчиком положение о том, что не непосредственную усматривать следует связь между древнепольским литературным языком и определенным территориальным диалектом². По мнению докладчика, литературный язык складывается на основе наддиалектного «культурного языка» (dialekt kulturalny).

3. Весьма обширная проблема формирования новых славялских литературных изыков получила на съезде разностороннее

освещение.

Вопрос о соотношении литературного языка и легших в его основу диалектов был рассмотрен на материале белорусского языка Н. Т. В ой тович³. По мнению докладчика, базой современного белорусского литературного языка послужили «центральные», среднебелорусские говоры, переходные по своему характеру между северо-восточными и юго-западными говорами.

Значительное внимание на съезде было уделено общим условиям формирования новых (т. е. сравнительно поздно сложив-

1 S. Urbańczyk, Ogólne warunki powstawania słowiańskich języków narodowych i literackich we wczesnym średniowieczu (na przykładzie polskim), có. «Z polskich studiów slawistycznych. Prace język. i etnogen. ...», Warszawa, 1958.

² До последнего времени в польской лингвистической литературе продолжаются горячие дискуссии по вопросу о возникновении польского литературного языка и о его дналектной основе. См., например, сборники: «Pochodzenie polskiego języka literackiego», Wrocław, 1956 и «Z dziejów powstawania języków narodowych i literackich», Warszawa, 1956.

8 Н. Т. Вантовіч, Да пытання аб фарміраванні нацыянальнай літаратурнай (сларускай мовы (аб суадносінах літаратурнай мовы і дыялектаў), Мінск, 1958. См. также ее статью: «О диалектной основе современного белорусского литературного

языка», ВЯ, 1954, № 4.

шихся) славянских литературных языков. Один из самых напряженных периодов в истории украинского литературного языка, насыщенный острой классовой и национально-освободительной борьбой украинарода, исследуется в докладе Плюща⁴. Автор выделяет два ского народа, Π. Π. основных направления в деятельности по нормализации украинского языка: демократическое, ориентирующееся на общенародную основу украинского литературного языка, и реакционное, стремящееся сохранить узко национальные, «местечковые» черты языка. На протяжении второй половины Х1Х — начала ХХ в. украинский литературный язык вырабатывает широкую систему стилей, причем основными источниками его служат: народный украинский язык в его устной и народнопесенной форме, новообразования (вновь образованные слова и старые слова с новым значением), иптернациональная и вся иноязычная лексика, славянизмы. Почти во всех докладах, относящихся к данной теме, отмечалась большая роль, которую сыграли в истории новых славянских литературных языков художественная литература и деятельность отдельных лиц — писателей, ученых и т. д. (доклады Р. Оти, Л. Йонке, Б. Конеского⁵).

Весьма важной проблемой взаимосвязей между отдельными славянскими литературными языками в процессе их развития был посвящен доклад М. Г. Булахова «Развитие белорусского литературного языка в XIX — XX вв. во взаимоотношении с другими славянскими языками» 6. Как отметил докладчик, в период напионального возрождения и национально-языкового самоопределения тесные взаимные связи близко родственных славянских языков способствуют обогащению каждого из этих языков, дальнейшему развитию его лексической, стилистической и грамматической

⁴ П. П. П лю ш, Українська літературна мова другої половини XIX — початку XX ст., шляхи її розвитку і специфіка її,

Київ, 1958.

 ⁸ М. Г. Булахау, Развіцце осларускай літаратурнай мовы ў XIX — XX ст. ст. ва ўзаемаадпосіцах з іншымі славянскімі мовамі, Мінск, 1958 (на белорусск. и

русск. языках).

⁵ R. Auty, The linguistic revival among the Slavs of the Austrian empire, 1780 — 1850. The role of individuals in the codification and acceptance of new literary languages, «The modern language review», vol. LIII, № 3, 1958; эта же проблема разрабатывается автором в статье «Některé problémy vývoje slovanských spisovných jazyků», «Slavia», ročn. XXVII, seš. 2, 1958; L. Jonke, Osnovni problemi jezyka hrvatske književnosti u 19. stoljeću, «Radovi slavenskog instituta», knj. 2, Zagreb, 1948; см. В. Конески, За некои стилски синтези во развитокот на македонскиот литературен јазик, «Литературен збор», V, 1, Скопје, 1958.

⁶ М. Г. Булахаў, Развіццё бела-

системы¹. Это положение М. Г. Булахов иллюстрирует фактами из истории белорусского литературного языка в его связях с русским, польским и украинским языками. Докладчик ставит также вопрос о возможности параллельного развития разных славянских языков (русский и украинский), а также взаимовлиянии языков (белорусский и польский). Однако последний тезис не нашел в докладах полного развития, речь шла в основном о заимствованиях в белорусский язык из других славянских языков. О необходимости осветить вопрос об обратном влиянии бепорусского литературного языка на другие славянские языки говорила выступав-шая в прениях Г. П. И жакевич. 4. Значительное внимание на съезде

4. Значительное внимание на съезде было уделено вопросу о соотношении книжного и народного начал в истории славянских литературных языков. Различные стороны этого сложного вопроса затрагивались в докладах В. В. Виноградова, С. Урбанчика, К. Ван-

ден-Берка идр.

Наиболее живо прения по данной проблематике развернулись в связи с докладом Я. Белича², посвященным возникновению и развитию разговорной формы чешского литературного языка. Он отмечает, что эта форма («hovorová čeština») является стилистическим вариантом литературного языка и отличается по своим формам как от письменной формы литературного языка, так и от народноразговорного языка. Рассматривая вопрос в историческом плане, докладчик делает вывод, что «hovorová čeština» в ее современном виде не является прямым продолжением разговорной формы древнеченского языка, а возникла во второй половине XIX в. в силу специфических условий развития чешского языка.

Выступивший в прениях Я. Мукаржовский указал на большую роль, которую сыграла в развитии стилистической системы литературного чешского языка интонация разговорной речи. По мнению Кучера, который рассматривает данную проблему в синхронном плане, «hovorová čeština» является не особой формой литературного чешского языка, а переходной ступенью между сосуществующими литературным и общенародным разговорным языком. А. Г. Широкова, отметив ценность доклада Я. Белича, вместе с тем обратила внимание на ряд вопросов, которые, по ее мнению, являются спорными и нуждаются в дальнейшей разработке: о соотношении и более четком разграничении разговорных форм литературного и нелитературного языка, о перспективах развития этих двух типов разго-

¹ Ср. В. В. Виноградов, Основные вопросы изучения современных славянских литературных языков, «Вестник МГУ», Серия обществ. наук, 1949, № 7, стр. 24.

ctp. 24.

² J. Bě i č, Vznik hovorové češtiny a její poměr k češtině spisovné, co. «Československé přednášky...».

ворной речи, о самостоятельности разговорной формы литературного чешского языка⁸.

5. С большим интересом обсуждалась на съезде проблема литературного двуязычия в истории славянских литературных языков 4. На развитие литературного языка нередко заметное влияние оказывает другой литературный язык, который используется данным народом до формирования своего литературного языка или параллельно с ним. Конкретно-исторические условия такого сосуществования двух языков определяют тог или иной тип двуязычия. Так, например, на особый характер «языкового дуализма» в истории русского литературного языка до конда XVI — начала XVII в. указал в своем докладе В. В. Виноградов 5.

В докладе К. Баквиса в на большом материале ноказаны функции латинского языка в Польше XVI в. и его влияние на развитие польского литературного языка. Доклад вызвал живую полемику. В частности, С. Урбанчик выразил свое несогласие с положением отом, что польский язык в тот период не отвечал требованиям, предъявляемым к литературному языку. По его мнению, слабость польского языка заключалась в том, что он в своем письменном виде имел очепь узкую сферу употреб-

ления.

Е. Паулини в своем докладе иначе подошел к проблеме двуязычия. Он рассматривает не то, как структура и средства одного языка воздействуют на структуру другого языка, а прежде всего различные вопросы общественно-политического, экономического и культурного развития данного парода, обусловливающие положение и роль сосуществующих языков (в данном случае чешского и словацкого).

С проблематикой двуязычия тесно связаны вопросы лексического взаимодействия славянских и неславянских языков. Некоторые проблемы двуязычия в свете лексического взаимодействия венгерского и славянских языков были рассмотрены в докладе Б. Ш у л а н а. Иноязычным заимствованиям в отдельных славянских язы-

⁴ См. в связи с этим «Сборник ответов на вопросы по языкознанию», М., 1958,

стр. 24 — 30. ⁵ В. В. Виноградов, Основные проблемы..., стр. 66.

⁶ C. Backvis, Quelques remarques sur le bilinguisme latino-polonais dans la Pologne du seizième siècle, Bruxelles, 1958.

³ Следует отметить, что некоторые чешские лингвисты не признают существования самостоятельной разговорной формы литературного чешского языка.

⁷ É. Pauliny, Kultúrnohistorické podmienky a spoločenské funkcie bilingvizmu v dejinách spisovnej slovenčiny, сб. «Československé přednášky...». См. также его ответ по данному вопросу в «Сборнике ответов на вопросы по языкознанию», стр. 21 — 23.

ках посвящены доклады Л. Гальди и

Храсте 1.

Проблематика истории славянских литературных языков, впервые обсуждавщаяся на славистическом съезде, естественно, не могла быть полностью исчерпана. Некоторые вопросы на съезде только были поставлены и требуют дальнейшего исследования. Были высказаны пожелания уточнить основные понятия, связанные с изу-

Слова романского Гальди, происхождения в русском языке, 1958; M. Hraste, Strani elementi u hrvatskom ili srpskom narodnom i književnom jeziku, «Radovi slavenskog instituta», knj. 2, 1958.

чением истории славянских литературных (в частности, русского языка): литературный язык, стиль, язык письменности, разговорный литературный язык. Признано целесообразным также обсудить вопросы: о принципах нормализации современных литературных славянских языков, о церковнославянском и народном началах в литературных славянских языках 2.

В. В. Веселитский, Л. Н. Смирнов

² См. В. В. Виноградов, Итог**и** IV Международного съезда славистов и задачи в области славянской филологии, ИАН ОЛЯ, 1958, вып. 6, стр. 492.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В БУРЯТИИ В 1956—1958 гг.

Языковедческая работа в Бурятии сосредоточена главным образом в Отделе языка и письменности Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения АН СССР, который в июле этого года был организован на базе Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. При том же институте создан Отдел зарубежного Востока, который в основном будет заниматься вопросами языка и истории народов Китая (Тибет) и Монголии и в плане которого уже в 1959 г. предусмотрено закончить следующие работы: начатый составлением в 1956 г. «Тибетско-русский словарь» по материалам современного тибет-ского литературного языка (Б. Д. Дандарон, Б. В. Семичов, объем -- 30 авт. л.) и «Грамматика тибетского языка» (Б. В. Семичов, Е. В. Мальцева, объем —10 авт. л.).

В Отделе языка и письменности БКНИИ ведется работа над изучением различных аспектов бурятского языка: в настоящее время уже сдана в печать научная грамматика современного бурятского литературного языка, рязрабатываются проблемы бурятской диалектологии и лексикографии.

Составление научно-описательной грамматики бурятского языка было сопряжено с определенными трудностями, тем не менее авторский коллектив в составе проф. Г. Д. Санжеева, проф. Т. А. Бертагаева, доп. Д. А. Алексеева, кандидатов филологических наук Ц. Б. Цыдендамбаева, А. А. Дарбеевой, М. Н. Жданниковой, И. Д. Бураева и У.-Ж. Ш. Дондукова, проделав большую плодотворную работу, создал первую научно-описательную грамматику бурятского языка в двух частях. Эта грамматика как в процессе ее создания, так и после ее завершения широко обсуждалась не только на специальных совещаниях 1, но и в местной печати ².

При обсуждении наиболее остро стоял**и** вопросы о количестве частей речи в бурятском языке, о разграничении таких разрядов слов, как существительное, прилагательное и наречие, а также проблемы сложного предложения. В результате имевших место дискуссий и обсуждений авторы «Грамматики бурятского языка» пришли по этим и другим спорным вопросам к более или менее приемлемому для общего

дела рещению.

Однако на качестве «Грамматики бурятского языка» не могло не сказаться то обстоятельство, что работа над ней по сути дела началась в Институте лишь в 1953 г., а вопрос об именных частях речи в бурятском языке, выдвинутый на конференции по основным вопросам бурятского языка (1953 г.) в качестве первоочередного, до настоящего времени не подвергся глубокому и всестороннему исследованию, которое, правда, трудно было осуществить ввиду малочисленности коллектива Отдела языка и письменности (до самого последнего времени - 4 человека, в настоящее время — 5 человек) при отсутствии координации в работе бурятских языковедов. Все это на деле привело к тому, что подготовленная ныне к печати «Грамматика бурятского языка» имеет ряд существенных недостатков. Например, остались неразрешенными такие принципиальные теоретические вопросы, как вопрос об основных именных частях речи и о границах между ними, вопросы развития фонетической, лексической и грамматической систем, вопросы

рятского языка» обсуждалась на совещании в марте 1957 г., вторая ее часть — на совещании в марте 1958 г.

¹ Проблемы грамматического строя бурятского языка были предметом обсуждения на конференции в январе 1953 г. (см. «Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка», Улан-Удэ, 1955), первая часть «Грамматики бу-

² См., например: Т. А. Бертагаев, Проблема классификации частей речи (на материале монгольских языков), «Зап. БМНИИК», вып. XXI, Улан-Удэ, 1956; У. Ж.III. Дондуков, Юумэнэй, тэмдэгэй нэрэнүүд түхай, газ. «Бурят-Монго-лой үнэн» 14 III 1958; его же, Изучение грамматического строя бурят-монгольского языка, сб. «К 35-летию Института культуры», Улан-Удэ, 1958.

о грамматической норме в современном бурятском языке, о влиянии русского языка на бурятский язык и др. Необходимо было бы также разрешить ряд вопросов, касающихся, например, разграничения морфологических в синтаксических категорий, разработки методики описания отдель-

ных категорий и др.

В настоящее время Отдел языка и письменности разрабатывает ограниченные по числу, но важные по своему значению научные проблемы, выдвигаемые на первый план потребностями развития бурятского литературного языка, а также школ Бурятии. В стадии завершения (срок окончания 1959 г.) находятся монографии: «Свод орфографических правил и пунктуации бурятского литературного языка» (автор — Л. Ш. Шагдаров), «Аффиксальный способ словообразования в бурятском языке» (У.-Ж. Ш. Дондуков), «Говор сартулов» (И. Д. Бураев), «Говор цонголов» (Э. Р. Раднаев).

В семилетних планах Отдела языка и письменности предусматривается исследовать следующие темы: «Словосочетание и синтаксис простого предложения в бурятском языке» (Ц. Б. Цыдендамбаев, 30 авт. л), «Словообразование частей речи в бурятском языке» (У.-Ж. Ш. Дондуков, 25 авт. л.), «Междометие в бурятском языке» (У.-Ж. Ш. Дондуков, 4 авт. л.), «Говор закамен-ских бурят» (Ц. Б. Цыдендамбаев,7 авт. л.), «Сравнительное изучение звукового состава бурятских говоров» (И. Д. Бураев, 10 авт. л.), «Говор ольхонских бурят» (У.-Ж. III. Дондуков, 10 авт. л.), «Синтаксическая фонетика современного бурятского языка» (И. Д. Бураев, 10 авт. л.), «Сингармонизм в бурятском языке» (И. Д. Бурасв, 6 авт. л.), «Вопросы перевода с русского языка на бурятский» (Л. Ш. Шагдаров, 10 авт. л.), «Сравнительное изучение бурятского и русского литературных языков (морфология, синтаксис, лексика)» (Л. Ш. Шагдаров, 20 авт. л.), «Словарь бар-гузинского говора» (Э. Р. Радпаев, 10 авт. л.), «Словарь цонгольско-сартульского диалекта» (Э. Р. Раднаев, 12 авт. л.), «Терминологический словарь бурятского языка» (коллективная работа, 50 авт. л.). Здесь же следует сказать, что разработка темы «Словосочетание в бурятском языке» намечена также в семилетнем плане научво-исследовательской работы кафедры бурятского языка Бурятского гос. пел. института им. Д. Банзарова (автор — Д. Д. Амоголонов). Таким образом, можно видеть, что ведущее место в работе Отдела языка и письменности занимают вопросы диалектологии ¹.

Научпая работа по изучению диалектов бурятского языка ведется примерно с 1930 г. Для этой цели неоднократно осуществлялись диалектологические экспедиции в различные аймаки республики; изучались, однако, главным образом фонетические и грамматические особенности диалектов; лексический же состав бурятских диалектов все еще остается неисследованным. Это обстоятельство, разумеется, не могло не сказаться в деле как лексического обогащения литературного языка, так и классификации бурятских диалектов.

О количестве диалектов и говоров бурятского языка в последнее время высказываются самые различные мнения ²; значительное число бурятских говоров и диалектов еще ждет своего изучения и всестороннего исследования. Поэтому Отдел языка и письменности БКНИИ не имеет в настоящее время возможности запланировать составление диалектологической карты, а также диалектологического словаря бурят-

ского языка.

В настоящее время Отдел языка и письменности БКНИИ проводит фронтальное изучение говоров бурятского языка, В 1958 г. институтом было снаряжено пять диалектологических экспедиций в различные аймаки республики. Эти экспедиции в течение полутора месяцев проделали большую работу по исследованию бурятских говоров; руководители экспедиций занимаются сейчас обобщением собранного материала.

В области лексикографии в Отделе языка и письменности начата работа по составлению картотеки, которая явится базой для будущего диалектологического словаря бурятского языка; начат также сбор материала для словаря общественно-политических терминов и запроектирована подготовка терминологических словарей по

отдельным отраслям науки.

Бурятские языковеды проделали значительную работу в области усовершенствования и уточнения орфографических норм литературного языка. Тем не менее ряд вопросов, как, например, вопросы о правописании заимствованных слов и их грам-

Улан-Удэ, 1958; М. П. Хомонов, Опыт исследования бурятских говоров (бо-

¹ Среди защищенных кандидатских диссертаций по бурятскому языку также преобладают работы по диалектологии; см.: Д. А. А б а ш е е в, Тункинский говор, Л., 1947; И. Д. Б у р а е в, Звуковой состав бурят-монгольского языка, Л., 1956; Б. В. М а т х е е в, Эхирит-булагатский диалект бурят-монгольского языка, Л., 1957; Э. Р. Р а д н а е в, Баргузинский говор бурят-монгольского языка.

ханский говор), Л., 1952. ² См. об этом: Г. Д. Санжеев, Некоторые вопросы бурят-монгольского языкознания в свете трудов И. В. Сталина, «Зап. БМНИИК», вып. XI, Улан-Удэ, 1951; Д. А. Алексеев, О «территориальных» диалектах бурят-монгольского языка, «Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка», Улан-Удэ, 1955; Т. А. Бертагаев, монгольских языков фразеологических исследования слов и сочетаний в их номинативной функции на материалах бурятского, халхяского и других монгольских языков). Докт, диссерт., М., 1946; Д. Д. Амоголонов, Некоторые вопросы развития бурят-монгольского литературного языка, «Сб. трудов по фи-лологии (БМНИИКЭ)», вып. И, Улан-Удэ, 1949.

матических форм в бурятском языке, о правописании географических названий и т. д., все еще остается неразрешенным. Наимеразработанным разделом бурятской орфографии является вопрос о слитном и раздельном написании сложных слов. Орфоэния в бурятском литературном языке находится еще в процессе становления, поэтому при уточнении правил орфографии необходимо исходить из фонетических норм разговорного языка. Между прочим наши лингвисты почти ничего не сделали для описания состава, определения границ и норм разговорной формы литературного бурятского языка. Время для проведения такого исследования, безусловно, на-

За истекшие 3 года Отдел языка и письменности не опубликовал ни одной монографической работы по бурятскому языку, несмотря на то, что в рукописном отделе его лежат готовые монографии, созданные диссертаций. кандидатских основе Главным тормозом в разрешении этого вопроса является отсутствие хорошей полиграфической базы в республике. Единственная республиканская типография не имеет монгольских, тибетских и китайских шрифтов.

«Записки Бурят-Монгольского научноисследовательского института культуры» 1 издавались в год два раза. Языковедческие статьи занимали в них весьма скромное место² (в выпусках XXIV за 1957 г. и XXV за 1958 г. они вообще отсутствовали).

Знаменательным событием прошедшего года для бурятских филологов явился выход в свет III выпуска «Соорника трудов по филологии [Бурят-Монгольского научноисследовательского института культуры]» (Улан-Удэ, 1958), где опубликован ряд статей по диалектологии и грамматике бурятского языка, по вопросам взаимодействия соседящих языков; две статьи (на русском материале) посвящены изучению индивидуальных особенностей языка писателя.

Бурятский научно-исследовательский институт культуры отмечал в 1958 г. свое 35-летие; к юбилею был выпущен специаль-

ный сборник статей³.

В статьях, опубликованных в этом сборнике, были подведены некоторые итоги изучения различных аспектов бурят-монгольского языка.

Одной из важнейших задач бурятского языкознания является обеспечение школь-

1 Ныне в связи с образованием Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АЙ СССР будут выпускаться «Труды БКНИИ СО АН СССР». «Зап. БМИНИК», вып. XXI,

XXII — 1956, вып. XXIII — 1957. ³ «К 35-летию Института культуры» (Сб. статей [БМНИИК]), Улан-Удэ, 1958. ников и Г. И. Упхонов, Грамматика русского языка, ч. І — Фонетика и морфология, Улан-Удэ, 1954) вопросы сопоставления грамматических особенностей русского и бурятского языков не затрагиваются.

нике русского языка для бурятской семилетней и средней школы (И. В. Баран-

6 Д. Д. Амоголонов, Современный бурятский язык. Учебник для высших учебных заведений, Улан-Удэ, 1958.

ников и студентов учебниками и учебными пособиями по русскому (для бурятских школ) и родному языкам. В минувшем году выпущены две части учебника бурятского языка для V — VII классов 4. С учебниками же русского языка для бурятских школ дело обстоит хуже: до сих пор нет учебника, где сопоставлялись бы грамматические особенности бурятского и русского языков 5. Такое положение, безусловно, отражается на грамотности и сознательном усвоении русского языка учащимися-

Еще сложнее обстоит дело с учебниками как по бурятскому, так и по русскому язы-кам для вузов Бурятии. Единственным учебником по современному бурятскому языку является недавно выпущенная в свет работа Д. Д. Амоголонова⁶. Крайне необходимы учебные пособия по бурятской диалектологии, по сопоставительной грамматике бурятского и русского языков, а также по русскому языку для вузов Бурятии. Кафедра русского языка пединститута им. Банзарова в настоящее время подготавливает «Очерк сопоставительной грамматики русского и бурятского языков» (Г. И. Упхонов, Ж. С. Сажинов). Учитывая отсутствие учебных пособий по русскому языку для вузов Буритии, возможно, следовало бы уже сейчас печатать отдельные наиболее удачные лекции и лекционные курсы по вопросам сопоставительной грамматики бурятского и русского языков.

Серьезную роль в дальнейшем подъеме большой и нужной работы Бурятского комплексного научно-исследовательского института должно сыграть Сибирское отделение Академии наук СССР, которое уже оказывает действенную помощь этому молодому научному учреждению.

У.-Ж. Ш. Дондуков

Н. Имеханов, Ц. Ц. Цыды пов, Бурят-монгол хэлэнэй грамматика. I часть — Фонетикэ ба морфологи, долоон жэлэй ба дунда нургуумин 5—6 класста узэхэ учебник, Улан-Удэ, 1958; Т. А. Бертагаев, М. Н. Имеханов, Д. Дугар-Жабон, Бурятмонгол хэлэнэй граммагика. И часть— Синтаксис, Долоон жэлэй ба дунда hyprу-улиин 6 -- 7 классуудта узэхэ учебник, Улан-Удэ, 1958. 5 В единственном имеющемся пока учеб-

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

В 1958 г. в Неаполе впервые вышли «Анналы» славянского отделения Восточного института при Неаполитанском университете, под ред. Л. Пачини Савой и Н. Минисси («Annali [Istituto universitario orientale]». Sezione slava. I, под ред. L. Pacini Savoj u N.Minissi.—Napoli, 1958. 198 стр.). В первый том «Анналов» включены статьи, обзоры и рецензии со славянской тематикой. В разделе статей помещены работы как собственно лингвистические, так и литературоведческие и этнографические.

Лингвистической тематике посвящены три статьи: В. К. Мэтьюса «Изучение славянского языка в Западной Европе в XVI столетии» (на английском языке), В. Кипарского «К датировке общеславянских заимствований в немецком языке» (на немецком языке. Кроме двух названных работ, все остальные статьи сборника даны на итальянском языке) и Н. Ми-

нисси «Indouralica».

В 1958 г. вышел в свет первый выпуск «Библиографического указателя» литературы по языкознанию, изданной в СССР с 1918 по 1957 г. В один из последующих выпусков «Указателя» войдет лингвистическая литература на всех национальных языках народов СССР ¹. Подготовка такого выпуска несомненно поможет уже начатому в ряде национальных республик составлению соответствующей библиографии.

Почти все академии наук союзных республик и многие государственные верситеты выпустили указатели своих изданий. Разделы языкознания этих указателей в известной степени уже отражают лингвистическую продукцию республик. Большая библиографическая работа проведена на местах и другими научными учреждениями. Например, в Грузии составлено несколько библиографий языковедческой литературы по иберийско-кавказским языкам, по грузинской диалектологической литературе, указатели статей, напечатанных в периодических изданиях, и др.

27 февраля 1959 г. в Москве состоялось совещание составителей данного выпуска «Указателя», на котором были обсуждены проспект издания и инструкция для составителей, предложенные редколлегией «Указателя». В «Указатель» предполагает-

статей, посвященных литературоведческой тематике, для лингвистов представляет интерес исследование Л. Пачини «Музыкальное оформление басен И. А. Крылова», а из этнографических — работа Е. Гаспарини «Фин-ны и славяне (свадебные обычаи)» славяне (свадебные обычаи)» (в которой приводится большое количество дексики, связанной со свадебными обрядами).

Во втором разделе сборника даны обзоры славистической (в широком смысле этого слова) литературы, вышедшей в 50-х годах ХХ в. в четырех странах: Англии — Мэтьюса, Италии — Югославии — Н. Ива-Польше — К. Выка. обзор В. К. Д. Стаффа, нишина и Польше В третьем разделе книги приведена рецензия И. П. $3\,5\,$ р и цьоло на книгу Ц. Вердьяни «Руководство по древнеславянскому языку» (С. Verdiani, Manuale di slavo antico, Firenze, 1956).

 $\mathcal{J}I. K.$

ся включить (по видам издания) следующую литературу: 1) книги и брошюры; 2) статьи из периодических изданий (журналов) и непериодических (типа «Трудов» и «Ученых записок»); 3) статьи из различных сборников: лингвистических, литературоведческих, краеведческих, юбилейных, персональных, методических и пр.; 4) газетные статьи — в порядке исключения, если они представляют серьезный научный интерес и не были опубликованы в сборниках или журналах; 5) грамматические очерки при словарях.

Совещание признало необходимым дать двуязычное (на национальном языке и в русском переводе) описание материала. При описании материала на имевших в разные периоды различные алфавиты, решено пользоваться современ-

ным алфавитом.

Что касается расположения материала внутри разделов, то участники совещания пришли к выводу: в разделах, где преобладающей будет литература на национальном языке, расположить ее по алфавиту спачала данного языка, а затем всех остальных языков; в общих же разделах (общее языкознание, зарубежные языки и др.) материал расположить по алфавиту второй (переводной) части описания.

Признано желательным включение библиографической работы в индивидуальные планы сотрудников научных учреждений и библиотек, предоставление составителям командировок для работы в крупны**х**

книгохранилищах страны.

Н. П. Панкратова (Москва)

расселения клад о западных границах мордвы в период до прихода вятичей в район среднего течения Оки. На основе обследования топонимического матери-Тульской, Рязанской, Орловской и Линецкой областей докладчик пришел

¹ До сих пор отраслевые библиографии ограничивались учетом литературы только на русском языке; таким образом, многочисленные издания на других языках народов СССР оставались неизвестными многим нашим специалистам, не говоря уже о зарубежных ученых.

¹³ марта 1959 г. в Географическом обществе Союза ССР при Отделении истории географических знаний и исторической географии была создана Топонимическая комиссия. На первом ее заседании член Общества В. А. Никонов сделал до-

к выводу, что западная граница древнего расселения мордвы проходила по линии Кашира — Венёв — Тула — Ливны. В обсуждении доклада приняли участие топонимисты, археологи, этнографы, географы, историки, в том числе представители Мордовской АССР. Они отметили, что для наиболее полного использования топонимических данных необходимо комплексное изучение последних всеми указанными специалистами, а также нужен и контакт с лингвистами.

2 апреля 1959 г. на втором заседании Топонимической комиссии А. В. С у- и е р а н с к а я (Институт языкознания АН СССР) сделала доклад об анализе названий населенных пунктов, в котором остановилась на особенностях разных типов географических названий, на зависимости структуры географического названия от времени его возникновения и на типичных ошибках, имеющих место при

анализе топонимов. По докладу выступило девять человек, в том числе Г. П. Б о ида р у к (ЦНИИГАиК), которая, отметив, что лингвистика призвана решать важные проблемы в топонимике, заявила, что следует осудить тенденцию последних лет переделывать форму некоторых названий на литературную, так как именно изпачальная их форма дает указание на историю названий и помогает их датировке. Н. В. Подольская (Институт языкознания АН СССР) также указала, что анализ названий по форме, а не по их семантике дает наиболее надежные выводы.

Ближайшие заседания Комиссии будут посвящены зарубежным топонимическим исследованиям и нашим региональным

топонимическим словарям.

А. В. Суперанская

(Москва)

В Институте языка и литературы АН Узб. ССР в течение первого квартала 1959 г. состоялись заседания лингвистических семинаров, на которых были заслушаны: 1) в семинаре славистов и востоковедов 8-е сообщение руководителя семинара В. М. Попова «О тюркизмах в русской лексике» (до слова камыш); его же два сообщения «О кратчайших единицах речи»; Ю. Н. Зава довского «О связях индоевропейских и хамито-семитских языков»; А. А. Махмудова «Орфоэпические пормы узбекского языка; природа уда-

рения в карачаевском языке сравнительно с русским»; П. А. Данилова «О IV Международном съезде славистов»; В. Г. Прокофьева «О сербских акцентах», 2) в семинаре по узбекскому языкознанию— руководитель член-корр. АН Узб. ССР Х. Камилова— доклады: Ф. Абдуллаева «О природе долгих гласных в узбекском языке»; А.Г. Гулямова «Превосходная степень прилагательного» и Фердаус С. «О составе узбекских слов». В. Попов

(Ташкент)

25 марта 1959 г. состоялось годичное общее собрание Отделения литературы и языка АН СССР. Во вступительном слове член-корр. АН СССР С. Г. Бархудаотметил, что традиционное брание Отделения в этом году проходит в исключительных условиях выполнения решений, намеченных съездом КПСС. Семилетний план, при-XXI съездом, открывает рокий простор для развития науки. Перед научными работниками в области общественных наук стоит серьезная и очень ответственная задача творческого обобщения, теоретического осмысления и разрешения целого ряда вопросов, выдвигаемых жизнью. Цель настоящего собрания — не только подвести тому, что сделано в течение 1958 г., но и наметить коренные направления и конкретную проблематику, которые должны лечь в основу семилетнего плана Отделения, а также обсудить новые организационные формы, соответствующие новым задачам, поставленным перед наукой.

С докладом «XXI съезд Коммунистической партии и задачи советской филологической науки» выступил академиксекретарь Отделения литературы и языка акад. В. В. В и ноградов. Он отметил, что XXI съезд КПСС знаменует начало нового периода развития советского общества — периода строительства мунизма в нашей стране. Обсужденная на съезде и утвержденная им программа коммунистического строительства предусматривает общий высокий подъем экономики, благосостояния и культуры советского народа. Здесь открываются широкие перспективы и возможности для развития науки и приложения ее достижений к усовершенствованию социальной жиз-Наряду с другими общественными науками советская филология может и должна внести свой вклад в дело коммунистического воспитания масс. Говоря об общих задачах и перспективах дальнейшей разработки общественных наук, В. В. Виноградов отметил, что сюда отпосится прежде всего создание фундаментальных трудов, вскрывающих законо-мерности общественного развития, обобщающих практику социалистического общества, освещающих пути и формы перехода от социализма к коммунизму. Одной из важнейших задач гуманитарных наук, сказал В. В. Виноградов, является критика современного ревизионизма. Систематическая и последовательная критика современного ревизионизма и буржуазной идеологии в области, имеющей прямое отношение к филологической науке или косвенно связанной с ней, является одним из проявлений и вместе с тем одним из условий общего подъема и углубленного развития теоретических вопросов советского литературоведения и языкознания.

В связи с тем, что на ХХІ съезде был поднят вопрос о повышении художественного мастерства писателей, особенно актуальным становится всестороннее освещение закономерностей и процессов развития современных языков народов Советского Союза, раскрытие основных тенденций и качеств стилистики советской художественной литературы, поскольку это может служить существенным фактором обострения общественного внимания к проблемам мастерства писателей и вопросам культуры речи. Далее, переходя к конкретному рассмот-

рению направлений и проблем научноисследовательской работы семилетнего плана развития филологической науки, В. В. Виноградов указал, что в области языкознания на ближайшее семилетие выдвигаются четыре основных направления.

Первое направление — теория советского языкознания. В предеэтого направления выделяется ряд проблем. Первая из них — марксистское учение о языке как общественном явлении, изучение законов развития языка. Разработка этой проблемы должна внести ясность в понимание общих закономерностей развития языка как социального явления, широко и всесторонне раскрыть связи между развитием языка и историей народа, помочь разобраться в антиисторической сущности многих принципов современных буржуазных лингвистических концепций. Вторая проблема в пределах общего теоретического направления — язык как система. К этой проблеме примыкает и задача раскрытия основных лингвистических понятий и категорий. Третья проблема более конкретна — русский язык и советское общество. Бурное развитие советской литературы, радио, печати, театрального искусства и т. п. настоятельно диктуют необходимость углубленного изучения словарного става и грамматических норм современного русского языка, порм правильной русской речи. Возникает пеобходимость изучения влияния на русский язык разобщественных факторов нашей эпохи. По своему содержанию, теоретическим основам, по новизне задач и по результатам их разрешения исследования по последней проблеме могути должны войти в ряды трудов, обобщающих закономерности общественного развития в эпоху специфику социализма, раскрывающих языковых изменений, связанных с социа-Четвертая листическим строительством. проблема (в пределах того же теоретического направления) — критика современных буржуазных лингвистических Teoрий и прежде всего структурализма как наиболее распросграненного лингвистического течения на Западе, выяснение его теоретических основ и сущности применяемых структуралистами приемов исследований. Разрешение этой проблемы содействовать одновременно углубленной разработке узловых теоретических проблем советского языкознания. В. В. Виноградов указал на необходимость изучения в этой связи методов, применяемых в области прикладного языкознания, и усиления связи и взаимодействия языкознания с другими науками (общественными, а также естественными и точными).

Второе направление: а) теоретическое и сравнительно-историческое изучение языков разных семей и групп, куда относится прежде всего создание обобщающих трудов по сравнительно-исторической грамматике германских, славянских, тюркских, тунгусо-маньчжурских и кавказских языков; б) создание этимологических словарей тюркских, славянских и финно-угорских языков прежде всего русского языка, так как создание этимологических словарей различных языков имеет большое значение для организации целого комплекса самых разнообразных исследований,

Третье направление — закономерности развития народноразговорных и литературных языков в связи с историей диалектов. Тесная связь и тесное взамодействие между этими двумя процессами диктует необходимость уточнения целого ряда понятий и в области теории стилистики художественной литературы, а также в области изучения теории стиля

литературного языка.

Четвертое направление--изучение грамматического строя совре-менных национальных языков. В. В. Виноградов указал на недостаточную разработанность теоретических основ метограмматического описания различных языков. В настоящее время необходима координация между традиционным кругом вопросов, которые поставлены самой практикой изучения разных национальных языков, и проблемами формализации грамматического строя языков, которые связаны с разрешением целого ряда проблем машинного перевода.

Отметив, что главной задачей советских языковедов является творческое внедрение марксистско-ленинской методологии в разных областях советского языкозна-ния, В. В. Виноградов перешел к изложению основных направлений в разработкетеоретических вопросов литературоведения¹.

Во второй части доклада В. В. Виноградов говорил об отдельных задачах общей проблематики. В области языкознания в предстоящем семилетии особое внимание советских языковедов должно быть уделено развитию сопоставительнофонетических, грамматических и лекси-кологических исследований по русскому языку и национальным языкам, дальней-

¹ См. ИАН ОЛЯ, 1959, № 3.

шему развертыванию работы по созданию различных типов двуязычных русско-национальных и национально-русских словарей, по разработке терминологии в литературных языках народов CCCP, также по описанию до сих пор еще мало или совсем не изученных народных языков (какими, например, являются около 20 языков Дагестана). При этом центр тя-жести должен быть перенесен на историческое и сравнительно-историческое изучение соответствующих групп языков, а также на углубление сравнительно-типологического исследования систем разных языков. Надо развивать изучение и тех языков, которые раньше не изучались, но носители которых (например, современные народы Востока) стали близкими советскому народу (такие, как африканские, арабские диалекты, языки Индонезии и др.).

Третья часть доклада В. В. Виноградова была посвящена вопросам организации научной работы. В. В. Виноградов указал, что в настоящее время в связи с теми важными задачами, которые стоят перед учеными-филологами в свете решений XXI съезда КПСС, особенно актуальным является установление хорошо организованного творческого сотрудничества между советскими филологами, а также укрепление связей с передовыми зарубежными учеными и учреждениями, улучшение научной информации. Возникает задача организации действенной шпрокой концентрированной координации исследований по важнейшим проблемам филологической науки. Встает вопрос о создании такого научного объединения, которым будет руководить Научный совет, составленный из наибслее выдающихся ученых, занимающихся разработкой дан-ных проблем в нашей стране. Новые формы творческой координации должны привести к созданию комитетов, где будут сосредоточены ученые из разных филологических учреждений нашей Необходимость создания таких комитетов связана с координированной, централизованной и вместе с тем обобщенной разработкой таких проблем, как проблема общего языкознания, изучение зарубежных литератур, изучение фольклора дов Советского Союза. Есть предложение о создании при Академии наук центра, координирующего утверждение тем диссертаций.

Следующий вопрос, которого коснулся В. В. Виноградов в связи с организацией научной работы, — это структура институтов. Он отметил, что деление институтов на постоянные секторы является устаревшим и не содействующим повышению уровня научных исследований. Более целесообразно в системе институтов создать укрупненные постоянные отделы по некотообластям научно-исследовательской работы (например, словарная издание памятников и т. п.); для выполнения более ограниченных задач, имеющих также постоянный характер, организокабинеты (информация, библиография, экспериментальная работа по фонетике и т. п.). Всю остальную исследовательскую работу целесообразно сосредоточить в мобильных научных группах двух типов: группы для разработки ведущей теоретической проблематики, предусмотренной основными направлениями деятельности АН СССР, и группы для подготовки отдельных фундаментальных коллективных трудов.

С. Г. Бархударов сделал доклад «Итоги научно-исследовательской тельности Отделения языка и литературы в области языкознания за 1958 г.». Прежде всего он отметил те значительные события в жизни Отделения за отчетный период, которые не только определили направление и характер деятельности Отделения в минувшем году, но, несомненно, окажут положительное воздействие на его работу и в дальнейшем: это IV Международный съезд славистов в Москве, подготовка и проведение выборов по Отделению языка и литературы и организация Ин-ститута русского языка. В 1958 г. в составе Отделения начали работать две линкомиссии: Комиссия по гвистические общему языкознанию и Словарная комиссия, задачей которых является координация и объединение всех исследовательских работ в соответствующей области языкознания в масштабе СССР.

С. Г. Бархударов, докладывая о выполнении и ходе работы над темами, входящими В проблемно-тематический план Отделения, подчеркнул как существенный недостаток этого плана в отчетном году отсутствие в нем проблем общего языкознания и небольшое количество в составе других проблем таких тем, которые теоретическую направленность. С. Г. Бархударов отметил, что в 1958 г. значительно оживились и углубились международные научные связи наших лингвистических институтов, чему особенно содействовал IV Международный съезд славистов.

Переходя к координационной работе языковедческих институтов, С. Г. Бархударов указал на большую перегрузку ее пестрыми по тематике докладами, что снижает научную ценность всей работы и мешает сосредоточить внимание ученых на всестороннем и глубоком анализе конкретных теоретических проблем.

В заключение доклада С. Г. Бархударов привел данные о личном составе языковедческих институтов, показавшие значительный рост за истекший год лингвистических кадров.

Итогам научно-исследовательской деятельности Отделения в области литературоведения за 1958 г. был посвящен доклад члена-корр. АН СССР М. Б. Х р а пченко.

На вечернем заседании был заслушан доклад акад. Н. И. Конрада «Проблемы современного сравнительного литературоведения».

В обсуждении докладов приняли участие директор Института мировой литературы им. А. М. Горького проф. И. И. Анисимов, директор Института языкознания члеп-корр. АН СССР В. И. Борковский, директор Института русской литературы проф. А. С. Бушмин, члеп-корр. АН СССР Д. Д. Благой, члеп-корр. АН СССР В. М. Жирмунский, акад. А. И. Белецкий, проф. Г. П. Сердюченко, доктор филол. наук Я. Е. Эльсберг и членкорр. АН СССР Б. А. Серебренников.

Выступавшие, сделав отдельные замечания по теоретическим и конкретным темам научно-исследовательского плана, поддержали те главные научные напрагления в области языкознания и литературоведения, которые были указаны в докладе акад. В. В. Виноградова. В большинстве своем выступавшие подчеркивали также своевременность и целесообразность реорганизации работы научно-исследовательских институтов АН СССР ¹.

> В. Л. Воронцова и А. И. Сумкина (Москва)

 1 Постановление, принятое 25 III 1959 г. общим собранием ОЛЯ АН СССР, см. ИАН ОЛЯ (1959, N2 3).

над чем работают ученые

Моя научная работа тесно связана с планом кафедры казахского языка Казахского гос. университета, которую я возглавляю, и планом Института языка и литературы, где я руковожу отделом современного казахского языка. Основное направление моей научно-исследовательской работы определяется теми задачами в разработке актуальных вопросов современного казахского языка, которые поставлены перед языковедами Казахстана практикой преподавания этого языка в школах и высших учебных заведениях реслублики.

В последние годы я был занят разработкой вопросов синтаксиса словосочетаний и синтаксиса простого предложения в казахском языке: выпущена книга «Основные типы словосочетаний в казахском языке» (1957 г.), в наборе находится монография на русском языке, освещающая вопросы синтаксиса казахского языка (около 15 печ. л.). В настоящее время веду работу по исследованию типов сложного предложения; одновременно пишу учебник по курсу современного казахского языка для вузов.

Не менее увлекательной для меня темой является изучение вопросов языка художественной литературы. Наше внимание постоянно привлекают также вопросы терминологии, орфографии и пунктуации.

М. **Б.** Балака**е**в

(Алма-Ата)

В настоящее время мной закончена монография о сложных предложениях, а также о причастных и деепричастных оборотах в бурятском языке. Продолжаю работать над синтаксисом монгольских языков. Одновременно с этим занимаюсь исследованием лексики монгольских языков, над которой я начал работать свыше десяти лет тому назад. В дальнейшем предполагаю продолжить эту свою работу и попытаться установить типические черты (или характерные особенности) лексиче-

ских расхождений между монгольскими языками как в описательном, так и в историческом плане.

А затем, в далеком будущем, думаю испробовать свои силы в области изучения лексических взаимосвязей монгольских и тюркских языков, а также заняться вопросами анализа грамматики и лексики разносистемных языков: русского и монгольских.

T. A. Бертагаев (Москва)

В настоящее время я закончила работу над монографией «Грамматическая категория определенности/неопределенности в современном болгарском литературном языке», где рассматриваются основные принципы употребления и значения членных и нечленных форм имен существительных, а также основные принципы употребления и значения глагольных времен (главным образом прошедших времен и времен пересказывательного наклопения) в болгарском языке.

Основное положение, которое я стараюсь доказать в своем исследовании,— это то, что грамматическая категория определенности/неопределенности в современном

болгарском литературном языке находит свое выражение не только в именных, но и в глагольных формах. Работа проделана мною в синхронном плане на материале произведений современных болгарских писателей.

В 1959 г. собираюсь заняться исследованием грамматической категории определенности/неопределенности в историческом плане. В частности, хочу остановиться на значении имен прилагательных (членных и печленных) в памятниках древнеболгарского и среднеболгарского языка.

В. В. Вородич (Москва)

В настоящее время я работаю над подготовкой к печати монографии по синтаксису усложненного сложного предложения в современном русском литературном языке (объем 30—35 печ. л.). Синтаксис усложненных сложных предложений почти не разрабатывался, а между тем замечено, что чем ближе к нашему времени, тем шире употребление в литературном языке усложненных (свыше простых) сложных предложений. Какие грамматические структуры представляют собой эти предложения; где и когда они употребляются, какому литературному жанру они более всего свойственны; какие синтаксические средства используются для связи частей сложного предложения и в какой роли они выступают в тасложных предложениях — вот основная проблематика готовящейся монографии.

Материалом для монографии послужили произведения преимущественно писателей советского периода. По нашему мнению, это имеет принципиально важное значение. Наблюдения показывают, что именно синтаксис таких усложненных предложений в значительной мере характерен для литературного языка

советской эпохи.

Одновременно проблема усложненных сложных предложений разрабатывается моими учениками в плане исторического

В настоящее время работаю над проблемами сравнительно-исторического синроманских языков. На материале отдельных языков предполагается поставить вопросы об условиях лексикализации и грамматикализации синтаксических словосочетаний. Процессы лексикализации и грамматикализации оказываются связанными с лексическим характером компонентов словосочетания и с конструктивной ролью служебных слов (артиклей, детерминативов, предлогов, вспомогательных и связочных глаголов). При этом встают вопросы исторического развития структурных типов и форм словосочетаний. Развитие словосочетаний обусловлено изменениями в морфологии, например: изменения в формах атрибутивного типа словосочетаний связаны с деградацией категории падежа во французском языке; структурные особенности атрибутивного типа словосочетаний в итальянском языке зависят от системы трех предлогов (a, di, da), соответствующих двум предлогам (a, de) французского изыка. Работа синтаксиса русского языка. Кроме того, я готовлю работу о сложных предложениях с соподчинением в живых славянских языках (украинском, белорусском, польском и т. д.). Мне кажется, что когда мы хорошо опишем то, что есть в современном языке, наши исторические исследования, производимые другими методами и для других целей, получат известное подтверждение и определенную перспективу.

Пишу небольшой (10 печ. л.) учебник по старославянскому языку для студентов. В содружестве с И. Р. Палеем я подготовил к печати предназначенный для языковедов, методистов и учителей средней школы сборник избранных трудов А. М. Пешковского с вступительной статьей и примечаниями. Вместе с членами кафедры С. Г. Капраловой и И. А. Кудрявцевой готовлю учебное пособие для учителя-словесника «Объяснение устаревших и непонятных слов и выражений в "Мертвых душах" Н. В. Гоголя».

Собрал материал и намереваюсь написать работу о том, что представляют собою в грамматическом отношении (как синтаксические структуры) «сложное синтаксическое целое», «сверхфразные единства» и т.д.

И. А. Василенко (Москва)

рассчитана на 3—4 года, объем ее — 15— 16 печ. л.

собираю Одновременно материал сложноподчиненного жения в современном французском языке. Особый интерес в этом плане представляют так называемые пояснительные придаточные предложения, где место изменение подчинительных связей в сочинительные; такое изменение зависит от всей структуры сложного предложения, от целого ряда лексических и синтаксических условий. При изучении этого материала определяется роль союзов в общей системе средств грамматического подчинения. Работу по этому вопросу предполагаю в дальнейшем оформить в виде мопографии.

Заканчиваю редактирование написанных мною глав по истории французского языка в учебнике, составленном коллек-

тивом авторов.

М. С. Гурычева (Москва)

В настоящее время я пишу работу на тему «К история культурных связей и дружбы народов Советского Союза и Арабского Востока» (2 печ. л.) и подготавливаю к печати составленный мной еще в 1936 г. «Русско-чувашский словарь» (35—40 печ. л.) и к переизданию мой «Чувашско-русский словарь», а также школьные учебники.

Одновременно собираю материал для «Этимологического словаря чувашского языка». Составление такого словаря дело нелегкое: во-первых, для чувашского языка эта область совершенно неразработанная, во-вторых, будучи языком младописьменным, чувашский не имеет древних памятников письменности, устаювление исторических изменений звуковой

и смысловой стороны слов крайне затруднено. Во многих случаях восстановить древнюю форму чувашских слов помогают родственные тюркские языки, папри-мер, чуваш. авлан «жениться» легко этимологизируется при обращении к лексике тюркских языков; привлекая соответствующие данные тюркских языков (турецк. ev), можно восстановить слово ав «дом», существовавшее в древнем чувашском языке, а позднее вытесненное другим тюркским словом — съурт (ср. татар. йорт). Для выяснения этимологии чувашских слов иногда приходится обращаться к языкам. Например, происхожфинским дение слова кётмел «брусника» (в иных говорах «черника») становится ясным при обращении к удмуртскому языку, где кудымульы имеется слово «черника» «болото», мульы «жемчужина», $(\kappa y \partial$ «бисер»; буквально: «болотные жемчу-Обращение к монгольскому жины» ¹). языку позволяет правильно этимологизировать такое слово, как кернекерсем, которое встречается в отдельных чувашских

¹ Y. Wichmann, Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen («Mémoires de la Société finno-ougrienne», XXI), Helsingfors, 1903, crp. 149.

Заканчиваю тему «Языковое мастерство Л. Толстого в романе "Война и мир"», после чего вернусь (для завершения) к теме «Украинско-русские языковые параллели (На основе материала произведений Н. В. Гоголя)». Меня интересуют в этой работе не словарные расхождения, а особенности сходных слов украинского и русского языков — семантические, фонетические и морфологические, а затем и некоторые синтаксические особенности.

Вся моя работа в настоящее время связана с выполнением основной задачи, которую я поставил перед собою, — написать пособие «Изучение языка писателей»

1. В ближайшие 2—3 года буду занята работой над монографией «Проблема так называемого "англо-нормандского диалекта"». Термин «англо-нормандский диалект» неточен, более точно было бы называть этот диалект «апгло-французским», как это сделал в своем исследовании Танкерей. Это не диалект, а французский письменно-литературный язык в начальной стадии его формирования, но развивавшийся в иноязычных условиях в английских владениях Плантагенетов.

Цель исследования — изучить особенности развития французского письменнолитературного языка в иноязычном окружении, тем более что условия этого развития были весьма своеобразны. Исследование должно дать возможность сравнить два процесса: формирование письменно-литературного языка на континенте и сульбу его в Англии (постепенная деградация).

говорах в значении «молодые люди, сопровождающие верхом жениха на свадьбе»: кёр сер ў (ў вынало) скёрёв, енис.-орхон. кйдади, к.-калп. куйеу, татар. кизу, монг. хўреен «жених», «зять»; чуваш. некер смонг. нокўр «товарищ», «друг», терминологически «дружинник»²;-сем — чувашский аффикс мн. числа.

Некоторые чувашские слова можно этимологизировать на почве русского языка, папример: чуваш. кучченесь срусск. гостинец; кёленче «стекло» срусск. скляница. Как видно из этих примеров, чуващи, приспособляя русские слова к своим артикуляционным возможностям, сильно изменяли их звуковой состав по требованию фонетических законов своего языка, о чем подробно будет сказано во «Введении» к «Этимологическому словарю», работу над которым я намерен закончить к 1961 г. В ближайшие 2 года предполагаю также работать над темой «История изучения чувашского языка в XVIII—XX вв.».

² См. Б. Я. В ладимирцов, Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934, стр. 87.

В. Г. Егоров (Чебоксары)

(в помощь учителям-словесникам и студентам-практикантам). Работа будет окончена в 1960 г. В 1959 г. предполагаю написать ряд глав этой книги: а) «Общеупотребительная лексика и ее стилистическая роль в художественных произведениях»; б) «Языковое мастерство Гоголя в изображении жанровых картин»; в) «Специфика языка и стиля в романе Гончарова "Обломов"»; г) «Стиль сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина». Общий же план моей научной работы по изучению языка писателей памечен до 1963.

A. Ф. Ефремов (Саратов)

2. Мною намечена (частично работаю над ней) вторая тема из области исторической фонетики. Предполагаю заняться изучением двух вопросов (выяснение которых очень важно для понимания некоторых закономерностей развития фонетического строя французского языка): 1) развитие словесного ударения во фразовое — точная хронологизация этого явления, факторы, обусловившие его; 2) ослабление согласных конца слова в средне- и ранненовофранцузский периоды — вопрос весьма сложный, так как возможно наличие двух противоположных тенденций.

Мною закончено также редактирование принадлежащих мне глав в учебнике по истории французского языка, составляе-

мом коллективом авторов.

H. А. Катагощина (Москва) В настоящее время я занята сбором и описанием материалов для «Очерков синтаксиса русского литературного языка XVII—XVII вв.». Синтаксические явления литературного языка этого периода, особенно в области осложнения простого предложения, сложного предложения, прямой и косвенной речи, почти совсем не изучены, а между тем материал обна-

руживает много интересного для истории лигературного языка.

Одновременно редактирую 3-й выпуск «Ученых записок» кафедры русского языка Ленинградского университета под общим заглавием «Исследования по грамматике русского языка».

Э. И. Коротаева (Ленинград)

В настоящее время подготовил второе дополненное издание моего «Библиографического указателя литературы по казахскому языкознанию» (объем 17 печ. л.). Сдал в нечать монографию «Междометия в казахском языке» (10 печ. л.) и подготовил к печати работу «Подражательные слова в казахском языке» (4 печ. л.). Совместно с канд. филол. наук Ж. Д. Доскараевым составил хрестоматию по истории и диалектологии казахского языка (объем 20 печ. л.), куда вошли отрывки из печатных и рукописных материалов, относящихся ко второй половине XIX в. и насящихся ко второй половине XIX в. и насящихся ко второй половине XIX в. и на

чалу XX в. после каждого текста в хрестоматии даются примечания, выявляющие языковые особенности материалов. В последнее время работаю над темами: «К вопросу о монгольско-казахских языковых связях» и «Лингвистические взгляды Ч. Валиханова». Основная тема, пад которой я буду работать в ближайшие 3—4 года, связана с диалектологией казахского языка. К 1962 г. думаю закончить монографию «Западный диалект казахского языка».

Ш. Ш. Сарыбаев (Алма-Ата)

В настоящее время я работаю над учебником по исторической грамматике русского языка, курс ноторой в течение ряда лет я читала студентам филологического факультета Ленинградского университета. В основном учебник предназначен для студентов вузов, но, конечно, может быть использован и преподавателями, желающими овладеть этим важным разделом русского языкознания. В учебнике будут охвачены все основные разделы: фонетика, морфология и синтаксис. Работа эта в объеме, желательном для ее автора, должна быть закончена к 1961 г.

учебник по исторической грамматике русского языка в сокращенном виде, написанный по иному плану, чем тот, над которым ведется работа в настоящее время.

Параллельно работаю над вопросами лексики и предполагаю дать очерки истории ряда слов. В черновом виде эта работа мною сделана, и в настоящее время идет сбор дополнительных материалов. Заканчиваю статьи на темы «Морфология и синтаксис», «Причастия и причастные обороты в поэзии и прозе А. С. Пушкина», «К. Д. Ушинский как лингвист».

М. А. Соколова (Ленинград)

По договору с Ленинградским отделением Учиедгиза в минувшем году мною сдан

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА НА МЕСТАХ

В настоящее время у нас нет, к сожалению, какого-либо информационного центра, который мог бы систематически осведомлять советских лингвистов — научных работников и аспирантов — о характере и содержании производящейся научно-исследовательской работы на местах. Между тем потребность в такой информации очень велика: она нужна руководителям факультетов, заведующим кафедрами, научным руководителям аспирантов, самим аспирантам, выбирающим темы для своих диссертаций, и, наконец, вообще научным работникам, ведущим то или иное неследование в области языкознания.

Исходя из этих соображений, редакция журнала «Вопросы языкознания» решила помочь — в предслах своих возможностей — установлению взаимной информации языковедов в их научной работе, в частности, продолжить в первую очередь публикацию диссертационных тем¹.

С этой целью редакция обратилась к руководителям факультетов, кафедр универ-

¹ См. «Авторефераты по языкознанию, опубликованные в 1958 г.», ВЯ, 1959, № 3.

ситетов и пед. институтов страны, а также к директорам соответствующих институтов национальных академий и филиалов всесоюзной Академии наук с просьбой прислать информацию об утвержденной учеными советами тематике диссертаций, подготавливаемых на местах в 1959 г.

В течение первого квартала текущего года в редакцию поступили ответы только от 42 учреждений (и то не от всех кафедр)— от 13 университетов, 13 научно-исследовательских институтов и 16 пединститутов 2. Тем не менее, поскольку присланные сведения уже содержат интересный материал, редакция решила не задерживать его публикацию, с тем чтобы в следующем номере дать дополнительный список. Тематика диссертаций расположена в

тематика диссертации расположена в алфавитном порядке по языкам ³. Докторские диссертации, помещенные в общем списке, отмечены особо. В скобках у каж

² Перечень учреждений и кафедр, приславших информацию, см. в конце настоящего обзора.

³ Диссертации методического или педагогического характера в список не включапись дой темы приводится: 1) фамилия диссертанта (за исключением тех случаев, когда эти фамилии не были указаны в прислан-

ной информации) и 2) условное обозначение учреждения — места работы автора 1.

Темы кандидатских диссертаций, над которыми ведется работа в 1959 г.

Абхазский и адыгейский языки:

1. Грамматические категории лица и числа в адыгейском и абхазском языках **(И** — 3).

2. Армавирский говор адыгейского язы-

ка (И — 3).

3. Бжедугский диалект адыгейског о языка (И — 3).

Английский язык:

1. Проблема семантического закона (На материале германских языков) (Н. Ф. Пе-У — 13а). Докторская диссертапия.

2. Сущность и система английских артиклей (Д. Г. Радченко; У — 13а). Доктор-

ская диссертация.

3. Аналитический глагол в современанглийском (Н. А. Лапоногова; HOM -4B).

4. Переход предлогов в группу грамма-

тикализованных (У - 56).

5. Современный английский герундий, его отграничение от инфицитива, причастия и имени действия $\hat{\mathbf{u}}$ его русские эквиваленты 2 (С. Л. Шейнзон; $\hat{\mathbf{y}}=6$).

6. Способы выражения относительного качества в современном английском языке

(H. П. Алова; У — 4в).

7. Способы выражения каузативности

в апглийском языке (У — 5б).

8. Трехчленные фразовые единицы в современном английском языке (О. Π . Авраменко; V-4 в).

9. Структурные типы языковых образований с over (У — 5б).

10. Многозначность и однозначность термина (На материале ботанических терминов) (Л. И. Миловидова; У — 13a). 11. Словозаменители в современном ан-

глийском языке (У — 5б).

12. Стилистическое использование абсолютных конструкций в английском языке (Г. Р. Нагель; У — 13a).

13. Стойкие и свободные фразеологиче-

ские словосочетания (У — 56).

1 Прописная буква обозначает тип учреждений (И — научно-исследовательский ин-т Академии наук, П — пед. ин-т, У – ун-т), цифра — порядковый номер реждения по перечию, данному в конце обзора; строчная буква (а, б, в, г, д) указывает на соответствующую (в перечне) кафедру вуза.

2 Диссертация закончена; по материалам диссертации автором подготовлены к печати две статьи: «Отграничение герундия от имени действия» и «Ошибочная трактовка некоторых свойств английского герундия в грамматиках англий-

ского языка».

14. Лексико-фразеологические варианты наречий типа ир, down, их синтаксические связи и место в предложении в системе современного английского языка (У — 5б). 15. Значение философской лексики в

«Гамлете» В. Шекспира (У — 5б).

16. Научная лексика в произведениях

Уэлса (У — 5б).

17. Неологизмы периода империализма в английском языке в Америке (Т. А. Соловьева; П — 11б).

18. Безличные предложения в современ-

ном английском языке (У — 5б).

Башкирский язык:

 Синтаксис сложного предложения в башкирском языке (канд. филол. наук Г. Г. Саитбатталов; У — Іб). Докторская диссертация.

Белорусский язык4:

1. Язык произведений М. Лынькова (канд. филол. наук Т. Стешкович; П — 9). Докторская диссертация.

2. Приставочно-суффиксальное вание глаголов (Н. С. Вилюга; П — 9).

3. Словосочетания с существительным в роли главного слова в белорусском литеязыке (А. В. Шидловский; ратурном -2).

4. Бессоюзные сложные предложения в современном белорусском литературном

языке (Н. И. Самойло; П — 9).

5. Лексика ранних произведений Янки Купалы (Л. А. Ванкович; И —2).

6. Лексика трилогия Я. Коласа «На ро-

станях» (А. А. Корзун; П —9).

7. Материалы для словаря древнебелорусского языка по западнорусским памятникам (H. C. Гурло; П —9).

Вепский язык 5:

1. Возвратный глагол в вепском языке (М. М. Зайцева; И — 6).

Ингушский язык:

1. Глагол в ингушском языке (Мальса-

гов; И —4). 2 Словарный состав и словообразование в ингушском литературном языке (Чопанов; И —4).

з Срок выполнения — 1960 г.

4 См. также ниже «Славянские языки в сопоставительном плане».

5 См. также ниже «Прибалтийско-финские языки».

Кабардинский язык:

1. Сложные глаголы в кабардинском языке (И - 3).

Карачаевский язык:

1. Синтаксические функции деепричастия gen в современном карачаевском языке (М. З. Вагапова; П —14).

2. Система спряжения глагола в карачаево-балкарском языке (И. Х. Урусбиев;

 $\Pi - 14$).

Карельский язык ¹:

1. Главные члены предложения в валдайском диалекте карельского языка (Э. А. Лепник: У — 9).

Киргизский язык:

 Синонимы в киргизском языке (Б. Суранчиева; U=7).

2. Омонимы в киргизском языке (Р. Бек-

джанова; И — 7).

3. Записи В. В. Радлова по киргизскому языку и современная характеристика киргизских говоров восточной части Чуйской долины (С. Кондучалова; И —7).

Классические языки (У-5д):

1. Происхождение греческих терминов.

2. Античные элементы в сочинениях Шевченко.

3. Причастные "обороты в греческом языке.

4. Микенские надписи XV-XVIII вв. до н. э.

Латышский язык:

1. Лингвистические элементы в стенографии латышского языка (К. А. Кару-

лис; И —8).
2. Историческое развитие употребления союзов в латышском письменном языке

(А. Э. Микельсоп; И —8).

3. Nomina actioni в современном латышском литературном языке (А. Я. Бергман; И — 8).

4. Общественно-политическая лексика младолатышей (Л. О. Розе; И - 8).

5. Виды сложных предложений смещанного типа и их употребление в современном латышском литературном языке (Д. К. Барбаре; И — 8).

6. Очерк латышской речевой интонации

(Л. К. Цеплитис; И — 8).

7. Топонимика Блидиенас (В. Ф. Дамбе; M - 8).

Литовский язык:

1. Настоящее время глагола в современном литовском языке (И — 9).

2. Южный говор восточных аукштайтов

(M-9).
3. Зетельский говор (говор литовцев дер. Зетела, БССР) (M-9).

4. История литовской лингвистической терминологии (M - 9).

1 См. также ниже «Прибалтийско-фин-

ские языки»

5. Первый словарь литовского языка «Dictionarium trium linguarum» (1629) К. Ширвидаса (И — 9).

Марийский язык:

1. Притяжательные суффиксы в марийском языке (П. К. Кокла; И -- 9).

Молдавские языки ²:

1. Характеристика конечных гласных молдавского языка (i) (Г. М. Гожин; И—10).

2. Очерки топонимики Молд, ССР (А. П. Еремия; И — 10).

Мордовские языки:

 Приалатырский диалект эрзянского языка (Ф. П. Марков; У — 6).

Немецкий язык:

 Соотношение фонетической и грамматической формы в немецком языке (На материале сопоставления слога и морфемы слова и группы слов) (В. С. Любопытнова; — 13б). Докторская диссертация.

2. Субстантивация имен прилагательных и причастий в современном немецком языке

(A. A. Сиротина; П — 8a).

3. Субстантивация прилагательных в не-

медком языке (Н. С. Белашова; У—13б). 4. Проблема сложнопроизводных слов современного немецкого языка (Г. Ф. Ференс; У-13б).

5. Глагол lassen в немецком языке

(К. Г. Лаптева; П—11в). 6. Значение, употребление и стилистиче-

ская роль формы перфекта в современном неменком языке (У-5в). 7. Приименный инфинитив в немецком

языке (Л. Н. Василье́ва; У—4г).

8. Синтаксис немецкого инфинитива (канд. филол. наук В. М. Лещинская; У—4г). Докторская диссертация.

9. Синтаксис присоединительных предложений в немецком языке (С. В. Кислая;

10. Эволюпия значения глаголов können и mögen (У—5в).

11. Инфинитив, его значение и функции в древневерхненемецком языке (У—5в).

12. Значение и употребление причастий

в древнегерманских языках (У—5в).

 Категория предпрошедшего времени памятниках средненемецкого периода (А. Н. Тимофеева; У — 13б). 14. Характеристика сложного предложе-

ния на материале грамот (3. П. Слободян; У—136). XIV—XV BB.

15. Немецкие лексические элементы в говорах Буковины (З. Н. Савченко; У-13б).

Персидский язык:

1. Правописание и произношение хамзы персидском языке (А. Табатабаи; V—86).

2. Предлоги в персидском языке (А. Абдусаматов; У-8б).

² См. также ниже «Романские языки...».

Прибалтийско-финские языки:

1. Развитие внутреннеместных и внешнеместных цадежей в северной группе прибалтийско-финских языков (в разных наречиях карельского языка, в вепском, ижорском и финском языках) (М. М. Хямялейнен; И-6).

Романские языки в сравнительном или сопоставительном плане:

1. Вариантные формы выражения будущего времени в некоторых романских языках (канд. филол. наук А. Н. Каллош; У-13в). Докторская диссертация.

2. Французские гласные фонемы сравнении с гласными молдавского языка

(З. П. Гринина; У—13в).

3. Придаточные предложения условия в современном румынском и молдавском языках (Н. А. Корчинский; У-13в).

4. Украинские и французские пословицы

(У—5r).

Русский язык:

Язык и стиль художественных произведений. Лексика. Лексикография

1. Язык ранних произведений М. Горького (канд. филол. наук П. М. Микитенко; П-3). Докторская диссертация.

2. О языке и стиле драматической повести А. Н. Толстого «Иван Грозный» (Г. А.

Мамаев; $\Pi = 3$).

3. Язык и стиль драмы Л. Н. Толетого «Власть тьмы» (Е. П. Артеменко; У-2).

4. Лексика и фразеология языка произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка (канд. филол. наук М. А. Генкель; У-7). Докторская диссертация (1957—1962).

5. Лексика и фразеология произведений B. A. Жуковского (А. М. Грюмберг;

У---8a).

6. Лексика и фразеология советского фельетона (Э. Н. Кушлина; У—8а).

7. Словоупотребление А. М. Горького (По материалам повести «В людях») (Ю. С. Язикова; У—3).

8. Разговорно-просторечная лексика и фразеология в романе Д. А. Фурманова «Чапаев» (Д. Е. Горелик; П—15).

9. Фразеологический словарь Михельсона «Русская мысль и речь» как источник изучения фразеологии русского языка

(М. В. Коровникова; П—4). 10 Синтаксис статей Добролюбова об Островском (М. Г. Свотина; П—4).

 11. Сравнительные конструкции в произведениях М. Горького (М. А. Плющ; **У**—4a).

12. Деепричастные обороты в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» (Г. Ф. Жид-

кова; У — 10). 13. А. А. Шахматов как лексикограф (H. M. Чмыхова; П-4).

Б. Грамматика

1. Соотносительное словообразование отглагольных существительных с суффиксасами -ние, -ка в современном русском изыке (П. В. Булин; П-7).

2. Глагол пятого продуктивного класса (с соотношением суффиксов в основах -ну--н) в современном русском языке (М. И. Мо-

розова; П-7).

3. Слова что, еде, коеда, как в функц**ии** союзов и союзных слов в современном русском языке (С. К. Пермякова; П-12).

4. Деепричастия в современном русском

языке (Т. А. Мехович; У-3).

5. Значение и употребление приставочных глаголов в современном русском литературном языке (На материале художественных произведений современной литературы) (А. В. Овчинникова; П-16).

6. Сложноподчиненные предложения с придаточными причины (А. М. Устинов;

 Π -11a).

7. Синтаксическая синонимика бессоюзных сложных предложений неоднородного состава (В. П. Николаева; П-12).

8. Номинативные предложения в временном русском языке (На материале поэзии) (Л. Н. Санжаров; П—16).

 Опыт классификации предложений на семантико-функциональной основе (канд. филол наук И. П. Распопов; У-1). Докторская диссертация.

10. Дополнения в современном русском

языке (О. И. Лабунько; П—ва).

- 11. Грамматическое множественное число как явление стилистического порядка (A. A. Ломовцева; П—13).
- История русского языка
- 1. Язык древней угличской письмен-пости (канд. филол. наук Н. Д. Русинов; П-6а). Докторская диссертация (1955 -1963).

2. Иван Федоров — первопечатник (канд. филол. наук Г. И. Коляда; У-8а). Докторская диссертация.

Собственно русская лексика в памят-XIV - XVI веков

никах письменности XI (И. В. Петренко; П—16).

4. Развитие залоговых значений в глаголах с частицей -ся в древнерусском языке (По памятникам XIII — XVI веков) (В. К. Кузьмичева; П—16).

5. Категория безличности в древнерус-ском языке (А. Е. Выгорбина; П—6а).

Членное склонение прилагательных в древнерусских летописных списках XIII--XVI вв. (В. Я. Симонова; П—16).

7. История местоимений с родовыми фор-еми в памятниках XIV — XVI вв. мами в памятниках (На материале грамот русских князей) (E. H. Петухова; П—12).

8. Выражение делиберативных отношений в древнем русском языке (Р. С. Лион; Π —11a).

9. История конструкций с повторяющимися союзами (Г. И. Бахтина; У-10).

10. Развитие инфинитивных предложений путем обособления зависимого объекинфинитива (На материале деловых документов ! Илимской канцелярии второй половины XVII в.) (К. Н. Озоли-

на; П—12).

11. Глагольное сказуемое в литературязыке первой половины XVIII в.

В. Кривенко; У-2).

12. Отглагольные имена существительные на -ние (-нье) в русском литературном языке XVIII в. (Л. Г. Свердлов; У—8а).

Г. Диалектология

1. Лексика жилищ и хозяйственных построек Рязанской области (В. Г. Руделёв; II—15).

2. Сельскохозяйственная лексика говоров Брагского района Иркутской области

(В. Ю. Либе; П — 12).

3. Лексика русской пародной песни Воронежской области (И. К. Зайцева; У—2).

4. Пути освоения хынрыскони старожильческими русскими (С. И. Ольгович; У—10). говорами

5. Производственная лексика села Вершинино Томского района Томской обла-

сти (О. И. Блинова; У — 10). 6. Бытовая лексика говоров Томской об-

ласти (Ф. П. Иванова; У — 10). 7. Русские говоры в литовском окруже-

нии (А. П. Непокупный; У — 4а).

Фонетико-морфологический очерк говоров от Киренскадо Чечуйска (Н. А. Бобряков; П — 12).

9. Фонетико-морфологический очерк части говоров Братского района Иркутской области (З. И. Носова; П — 12).

10. Глагольное словообразование в говорах Приангарья (В. А. Белькова; П-12). 11. Глагольная система говоров Том-ской области (О. М. Соколова; У — 10).

12. Говоры Верхней Вишеры (Ф. Л. Ски-

това; У — 7). 13. Русские говоры Среднего Покамья

(Л. П. Смолякова; И — 5).

14. Согласование сказуемого с подлев говорах Пермской области

(H. П. Потапова; У — 7).

 Бессоюзные сложные предложения в русских пословицах и поговорках (В. А.

Скогорев; V = 2). Серболужицкий язык:

1. Суффиксы действующего лица существительных в серболужицком (M. A. Михайлов; V — 3).

Славянские языки в сопоставительном плане:

1. Названия цветов в восточнославянских языках (А. П. Кириченко; V = 5a).

2. История новых сочетаний с йотом в говорах восточнославянских языков

(Л. К. Андреева; У — 7).

 Отглагольные прилагательные на -лый и их грамматические категории в современном русском и белорусском изыках (В. А. Вавилов; $\Pi = 9$).

4. Глагол в современном русском, белорусском и польском языках (Степко; П-9).

Выражение временных отношений в сложном предложении в русском и белорусском языках (Г. М. Алексейчик; П -9).

Татарский язык 1:

 Лексико-грамматические средства образования терминов в современном татарском языке ($\bar{\Phi}$. С. Фасеев; И — 5).

2. Синонимы в татарском (III. С. Ханбикова; И — 5).

3. Из истории русско-татарских рукопис-ных словарей XVII — XVIII вв. (М. Нугманов; И — 5).

4. Чистопольский говор татарского язы-

ка (Р. Р. Шамгунова; И -- 5).

5. Публицистический стиль в татарском литературном языке периода первой рус-ской революции (В. Хаков; И — 5). 6. Фразеология Г. Ибрагимова [по ро-

ману «Безнең кэннэр» («Наши дни»)]

(Γ . Ахунзянов; И = 5).

Лексика и фразеология в дореволюционном творчестве Ш. Камала (М. Мухамодиев; И — 5).

Говоры татар Куйбышевской области

(Г. К. Якупова; И — 5).

Туркменский язык:

1. Синонимия в туркменском языке - 11).

2. Типы простых предложений в туркменском языке (А. Ибраимов; У — 11).

3. Категория глаголов в памятниках туркменской литературы XVIII в. (И-11). 4. Языковые особенности ставрополь-

ских туркмен (И — 11).

5. Говоры туркмен Турткульского райо-на Кара-Калпакской АССР (С. Аразкулиев; y - 11).

6. Салырский диалект туркменского язы-

ка (М. Атаджанов; У—11).

Нохурский диалект туркменского языка (X. Мухиев; У—11).

Удмуртский язык:

1. Суффиксы словообразования имен в среднеюжном диалекте удмуртского языка (в сравнении с другими диалектами) (Г. А. Архипов; У--9).

Узбекский язык:

А. Лексика

1. Пути обогащения лексики современного узбекского языка (И. Хамдамова; 11 - 12).

2. Синонимы в современном узбекском

языке (С. Исамухамедова; И-12).

Фурката 3. Лексика произведений

(А. Ахмедов; И-12).

4. Способы передачи русских приставочных глаголов в узбекском языке (М. Хабибов; П-2).

Диссертации на первые четыре темы. (1 — 4) завершены и подготовлены к защите.

Грамматика современного узбекского языка

1. Имя числительное в современном узбекском языке (С. Низамитдинова; И—12).

2. Имена действия и состояния в современном узбекском языке (Ф. Исхаков; Π —2).

3. Категория будущего времени в современном узбекском языке (Дж. Мухитдинова; И—12).

4. Дательно-направительный падеж в уз-

бекском языке (И. Зияева; П-2).

5. Винительный цадеж в русском языке и способы его передачи в узбекском языке (И. Газиева; У—8a).

6. Глагольные словосочетания в современном узбекском языке (А. Абдуллаев; Π —66).

7. Обращение в современном узбекском

языке (Р. Р. Сайфуллаева; П—6б).

8. Однородные главные члены предложения в современном узбекском языке (Ф. С. Убаева; П—66).

9. Однородные второстепенные предложения в современном узбекском языке (Д. Ашурова; И—12).

10. Обстоятельства места и времени в русском языке и передача их на узбекский язык (Д. С. Исхакова; У — 8a).

 Обособленные второстепенные члены предложения в современном узбекском языке (Х. Балтабаева; И—12).

12. Сложносочиненные предложения в современном узбекском языке (С. Равшанова; П—6б).

В. История и диалектология узбекского языка

1. Залоги узбекского языка в историческом освещении (Э. Фазылов; И-12).

2. Настоящие и будущие времена по важнейшим памятникам узбекской письменности XV — XVIII вв. (III. Шукуров; И—12).

3. История пунктуации узбекского язы-

ка (X. Газиев; И — 12).

4. Бухарские говоры узбекского языка (канд. филол. наук М М. Мирзаев; П—66). Докторская диссертация.

5. Папский говор узбекского языка

(O. Шарипов; П—2).

6. Каракульский говор узбекского языка (К. Б. Бакаев; $\Pi = 66$).

Украинский язык:

Язык художественных произведений. Лексика. Лексикография

1. Язык драматургии М. П. Старицкого (И. И. Яременко; У—46).

2. Язык драматических произведений Ивана Франко (О. Л. Дычко; У-5а).

3. Философская лексика украинского

языка (Д. П. Кирик; У—5а).

4. Лексикографическая разработка украинского глагола (И. С. Назарова; И-13).

Ненормативная лексика украинского литературного языка и ее отображение в переводных словарях (Л. А. Грошевая; M-13).

Б. Грамматика

словообразование 1. Морфологическое существительных (Е. В. Ленец; У-46).

В. Диалектология¹. Топонимика

1. Лексические заимствования из венгерского языка в украинских говорах Закарпатской области (А. А. Мокань; У—9).

2. Язык украинских народных лириче-

ских песен (А. П. Кока; У—4б).

района 3. Словообразование в говорах верхнего течения р. Боржавы (В. В. Нимчук; У—12). 4. Украинские говоры окрестностей Уж-

города (П. П. Чучка; У—12).

5. Украинские говоры Затисья Виноградовского района Закарпатской области (П. И. Лизанец; V—12).

6. Говоры северо-западной части Мукачевского района Закарпатской (И. Д. Пагиря; У—12).

7. Топонимика Закарпатской области (названия населенных пунктов) (К. И. Галас; У—12).

Финский язык 2:

 Глагольные односоставные предложения в современном финском языке (М. И. Муллонен; И—6).

Французский язык ³:

 Неологизмы в современной коммунистической прессе (Н. М. Малкина; П—86).

Многозначимость существительных и глаголов современного французского языка (Р. Г. Ляндо; П—86).

3. Сочетаемость и несочетаемость существительного, определяемого не определенным прилагательным, а артиклем (Т. Т. Спицина; П—8б).

4. Словосочетания во французском язы-

ке (У-5г).

5. Развитие синонимических отношений в группе глаголов мышления (М. И. Берлин;

—11r).

6. Суффиксальное образование имен существительных с предметным значением в старофранцузском языке (Е. М. Гойдо; Π —11 Γ).

7. Сравнительные предложения в старофранцузском языке (Л. В. Ершова;

 $y=13_{\rm B}$).

Чеченский язык:

1. Панкистский (кистинский) диалект чеченского языка (Алироев, И — 4).

¹ 3-, 4- и 5-я диссертации завершены. ² См. также выше «Прибалтийско-фин-

ские языки». 8 См. также выше «Романские языки...»

Общее языкознание:

1. Понятие, классификация и членение коммуникативных единиц речи (канд.

филол. наук П. П. Каструба; Докторская диссертация.

Пер ечень учреждений, приславших информацию

И аучно · исследовател ьские институты (И)

1. Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР.

2. Институт языкознания им. Якуба Ко-

ласа АН БССР. 3. Институт языкознания АН Груз. ССР 1.

4. Институт истории, языка и литературы им. Гамзата Цадаса Дагестанского филиала АН СССР.

5. Институт языка, литературы и исто-

рии Казанского филиала АН СССР.

6. Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. 7. Институт языка и литературы АН

Кирг. ССР. 8. Институт языка и литературы АН

Латв. ССР.

9. Институт литовского языка и литературы АН Литов. ССР 2.

11. Институт языкознания АН Туркм.

CCP3.

12. Институт языка и литературы им.

А. С. Пушкина Узб. ССР.

13. Институт языковедения им. А. А. Потебии АН УССР.

университеты (У)

1. Башкирский гос. ун-т, историко-филологич. фак-т: а) кафедра русского языка, б) кафедра башкирского языка.

Воронежский гос. ун-т, кафедра рус-

ского языка.

3. Дальневосточный гос. ун-т, кафедра

русского языка.

4. Киевский гос. ун-т, филологич. фак-т: а) кафедра русского языка, б) кафедра украинского языка, в) кафедра английского языка, г) кафедра немецкого языка.

5. Львовский г**ос**. ун-т им. Ив. Франко, факультет иностр. языков 4: а) кафедра украинского языка, б) кафедра английской филологии, в) кафедра немецкой филологии, г) кафедра французской филологии, д) кафедра классической филологии.

6. Мордовский гос. ун-т, фак-т иностр.

языков.

7. Пермский гос. ун-т, кафедра языкознания.

8. Среднеазиатский гос. ун-т им. В. И. Ленина, филологич. фак-т: а) кафедра русского языка, б) кафедра ирано-афганской филологии.

9. Тартуский гос. ун-т.

10. Томский гос. ун-т, кафедра русского

11. Туркменский гос. ун-т им. А. М. Горь-

кого, филологич. фак-т. 12. Ужгородский гос yH-T, кафедра roc. украинского языка.

13. Черновицкий гос. ун-т, факультет романо-германской филологии: а) кафедра английской филологии, б) кафедра немецкой филологии, в) кафедра романской филологии.

Педагогические институты (Π)

1. Азербайджанский гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, кафедра азербайджанского языка.

2. Андижанский гос. пед. ин-т, кафедра

узбекского языка.

3. Астраханский гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова, кафедра русского языка. 4. Балашовский гос. пед. ин-т, кафедра

русского языка.

5. Бельцкий гос. пед. ин-т,

французского языка. 6. Бухарский гос. пед. ин-т: а) кафедра русского языка, б) кафедра узбекского

7. Вологодский гос. пед. ин-т, кафедра

русского языка.

8. Воронежский гос. пед. ин-т, факультет иностр. языков: а) кафедра немецкого языка, б) кафедра французского языка.

9. Гродненский гос. пед. ин-т, кафедра

русского и белорусского языков.

10. Гурьевский гос. пед. ин-т, кафедра русского языка.

11. Ивановский гос. пед. ин-т: а) кафедра русского языка. б) кафедра английского кафедра немецкого языка, языка, в) г) кафедра французского языка.

12. Иркутский гос. пед. ин-т, кафедра

русского языка.

13. Калининградский гос. пед. ин-т, кафедра русского языка.

14. Карачаево-Черкесский гос. пед. ин-т. 15. Оренбургский гос. пед. ин-т, кафедра русского языка.

16. Уссурийский гос. пед. ин-т, кафедра русского языка.

¹ Фамилии диссертантов в присланной информации не были указаны.

[?] То же. ³ То же.

⁴ То же.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ И БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Башкирско-русский словарь (с приложением Краткого очерка грамматики башкирского языка).— М., 1958. 804 стр.

Бюллетень издательств Чехослованкой и Словацкой АН. Прага - Братислава,

апрель — июнь 1958. 63 стр.

Бюллетень научной информации. № 4.— Бухарест, 1958. 206 стр.

Информационный бюллетень ЮНЕСКО.—

1959, Ñ№ 44 — 45.

Havкові записки. Т.ХХVІ. Діалектологічний збірник. Вип. 2.— Ужгорд, 1957. 181 стр.

Научные доклады высшей школы. Филологические науки. — М., 1958. № 2 — 176 стр., № 3 — 184 стр.

Научные записки. Т.XXVIII. Языкозна-

ние. — Ужгород, 1957. 206 стр.

Совещание по математической лингвистике 15 — 21 апреля 1959 г. (программа совещания). — Л., 1959. 15 стр.

Тезисы совещания по математической лингвистике (15—21 апреля 1959 г.)— Л.,

1959. 104 стр.

Ученые записки Иркутского гос. пед. ин-та. Кафедра русского языка. Т. XIV.— Иркутск, 1958. 196 стр.

А. Абилкаев. Семантика и функция глагола «д» в казахском языке.-Алма-Ата, 1958. 71 стр. [на казах. яз.].

С. Ахаллы. Словарь Махмуда Кашгарского и туркменский язык. — Ашхабад,

1958. 207 стр. [на туркм. яз.].

3. Б. Мухамедова. Квопросу о личной ономастике у туркмен (Труды Ин-та языка и лит-ры. Вып. П. Ашхабад, 1957. Стр. 34 — 48). [Отд. отт.].

Н. Е. Петров. Якутский язык (указатель литературы).—Якутск, 1958, 96 стр.

В. Ф. Рудов. Фразеология произведений А. П. Чехова (Труды Пржевальского пед. ин-та. Вып. VI). — Пржевальск, 1958. 117 стр.

Г. М. Чумаков. Методические указания к выполнению контрольных работ по исторической грамматике русского языка (для студентов-заочников фак-та языка и лит-ры). — Славянск, 1959. 12 стр.

Л. Й. Яфаров. Некоторые фонетико-морфологические закономерности в развитии татарского языка (Ученые записки Казанского гос. пед. ин-та). — Казань.

1958. Стр. 275 — 285.

Л. Яфаров. Татарский язык в развитии. — Казань, 1955. 169 стр. [на татар. яз.].

Brno studies in English. Vol. I. Čislo 55.—

Praha, 1959. 143 стр.

Cercetări de lingvistică. An. II. Januarie — decembrie 1957. — 1958. 363 стр.

Československá rusistika -- Praha, 1958. № 4. Ctp. 185 — 248; 1959. № 1. Ctp. 1—64.

Slavia orientalis. Roczn. VII. № 2. 296 crp; Roczn. VII. No 3-4. 191 ctp. Warszawa, 1958.

Studie ze slovanské jazykovědy. Sborník k 70. narozeninám akademika Fr. Trávníč-

ka.— Praha, 1958. 493 стр.

Gyula Décsy. Die ungarischen Lehrwörter der bulgarischen Sprache.- Wies-

baden, 1959. (VIII + 74) crp.
G. Jacobsson. L'histoire d'un groupe de mots balto-slaves [Goteborgs universitets årsskrift. Vol. LXIV. 1958]. 121 стр.

A. I. Kharsekin. Etruscan and Onscan inscriptions in Hermitage museum of Leningrad (Studi etruschi. Vol. XXVI. Serie II).— Firenze. Стр. 267 — 272.

V. Pisani. Saggi di linguistica storica (Scritti scelti). - Torino, 1959. 310 crp-

Xifang yuwen.— 1959. № 1. 62 стр.

Žikmund. Lenins sprachliche Beziehungen zu Marx und Engels.— 1957. 219 стр. [фотокопия].

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Д. Андреев, Л. Р. Зиндер (Ленинград). Основные проблемы при-				
кладной лингвистики	3 20			
дискуссии и обсуждения				
А. П. Дульзон (Томск). Вопросы этимологического анализа русских то-				
понимов субстратного происхождения	35 47 50			
МАТЕРИАЛЫ И РАЗЫСКАНИЯ				
Г. И. Геровский (Пряшев). Древнерусские написания жч, жги г перед	52			
передними гласными				
В. М. Жирмунский (Ленинград). Готские аі, аи с точки зрения сравнительной грамматики и фонологии				
			ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ	
			К. Хансен. Пути и цели структурализма	91
письма в редакцию				
Л. А. Булаховский (Киев), А. А. Фрейман (Ленинград). Некоторые соображения о перспективах развития советской лингвистической науки	106			
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ				
Обзоры				
М. А. Бородина (Ленинград). Обзор статей в журнале «Revue de linguistique romane».	110			
Рецензии				
Е. М. Галкина-Федорук (Москва). О. С. Ахманова. Очерки по общей	115			
и русской лексикологии				
schreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen	126 128			
научная жизнь				
В. В. Веселитский, Л. Н. Смирнов (Москва). Вопросы истории славянских литературных языков на IV Международном съезде славистов УЖ. Ш. Дондуков (Улан-Удэ). Языкознание в Бурятии в 1956—1958 гг. Хроникальные заметки	130 133 136 140 143			
	+00			

N. D. Andreyev, L. R. Zinder (Léningrad). Problèmes principaux de la linguistique appliquée; I. N. Golénisčev-Koutouzov (Moscou). La division des mots dans la versification russe; Discussions: A. P. Douls on (Tomsk). Quelques questions d'analyse étymologique des toponymes russes, originaires de substratum; G. V. Kolchanski (Moscou). Sur la nature du contexte; Sur la formation des langues nationales littéraires des slaves d'est; Communications] et notices. G. I. Gerovski (Priachev). Les graphies de mu, me et e devant les voyelles antérieures en vieux russe; G. Popovska-Taborska (Varsovie). La disparition des voyelles longues dans les dialectes kachoubes; V. M. Jirmouński (Léningrad). Ai, au gothiques dans la lumière de grammaire et phonologie comparées; B. A. Se'r e b r e n n i k o y (Moscou). Deux questions litigieuses de la grammaire comparée des langues finno-ougriennes: V. F. Doubrovina (Moscou). Un cas d'application de l'aoriste grec; Extraits des périodiques étrangers: K. Hansen. Voies et buts du structuralisme: Lettres à la redaction: L. A. Boulakhovski, A. A. Freiman (Léningrad). Quelques considérations sur les perspectives du développement de la science linguistique soviétique; Critique et bibliographie; Vie scientifique: V. V. Ve se litski, L. N. Smir n o v (Moscou). Problèmes de l'histoire des langues littéraires slaves au IV Congrès international des slavistes; U. J.-Ch. Dondukov (Ulan-Ude). Linguistique dans la republique autonome bouriate de 1956 à 1958; Plans de travail des savants.

CONTENTS

N. D. Andreyev, L. R. Zinder (Leningrad). The main problems of applied linguistics; I. N. Golenischev-Kutuzov (Moscow). Word-division in Russian versification; Discussions: A. P. Dulson (Tomsk). Etymological analysis of Russian toponyms of substrat origin; G. V. Kolshansky (Moscow). On the nature of context; On the formation of East Slavonic national literary languages; Notes and queries: G. I. Gerovsky (Priashev). Old Russian spellings of mu, me and e before front vowels; G. Popovska-Taborska (Warsaw). Disappearance of long vowels in Kashub dialects; V. M. Dhjirmunsky (Leningrad). Gothic ai, au in the light of comparative grammar and phonology; B. A. Serebrennikov (Moscow). Two moot questions of comparative grammar of the Finno-Ugric languages; B. F. D u br o v i n a (Moscow). On the use of Greek agrist; From foreign periodicals: K. H a n s e n. Ways and aims of structuralism; Letters to the editorial board: L. A. Bulakhovsky (Kiey), A. A. Freiman (Leningrad). Some considerations on the future development of Soviet linguistic science; Critics and bibliography; Scientific life: V. V. Veselitsky, L. N. Smirnov (Moscow). Problems of the history of Slavonic literary languages at the IV International congress of slavists; U. J.-Sh. Do nd u k o v (Ulan-Ude). Linguistics in Buriatia from 1956 to 1958; Working-plans of scientists.

T-06989

Технический редактор Д. А. Фрейман - Крупенский

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

Бум. л. $4^3/_4$ Печ. л. 13.02

Тираж 6200

Подписано к печати 16/VII 1959 г. Формат бумаги $70 \times 108^{1}/_{16}$

Зак. 1736 Уч.-изд. л. 15,8